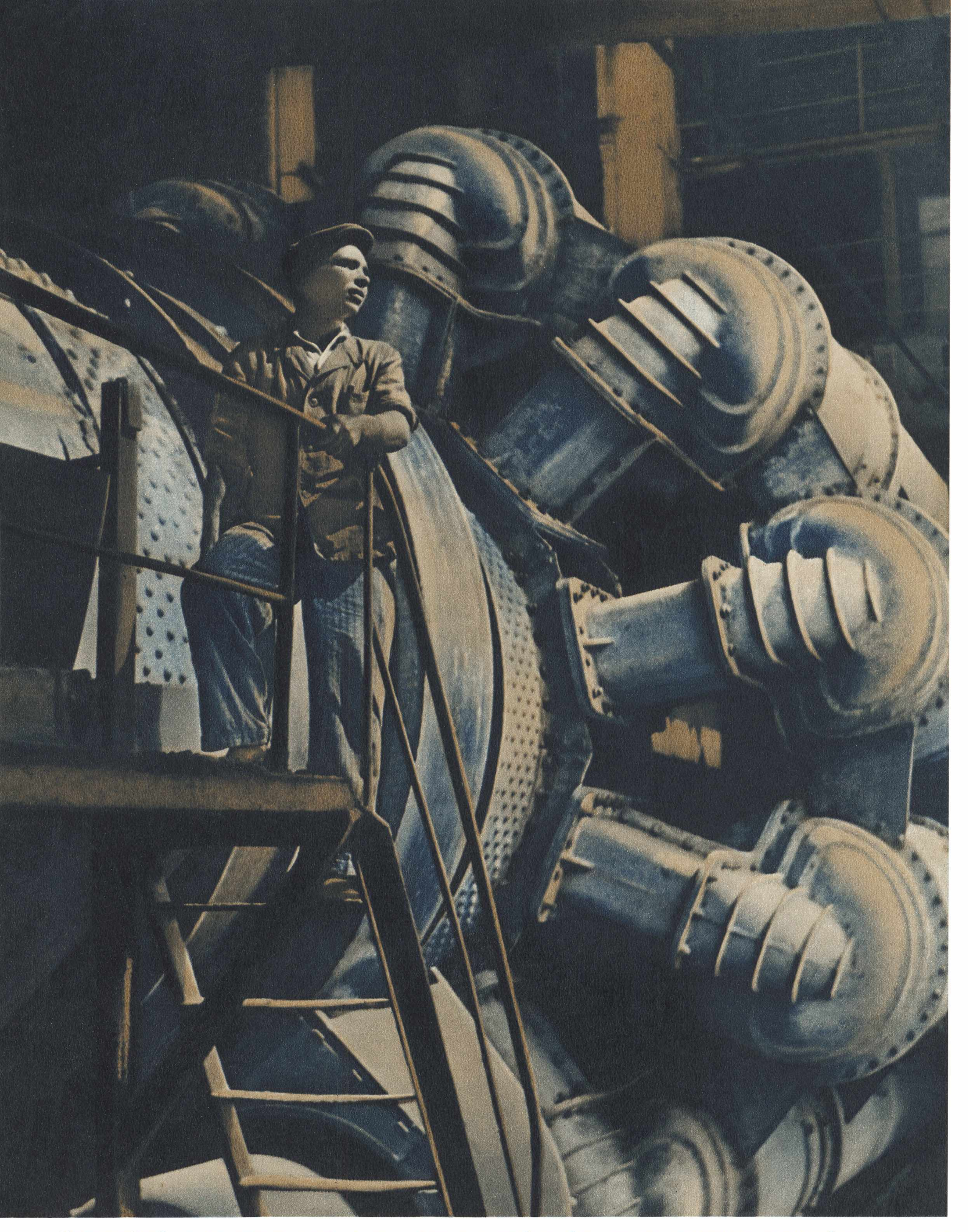

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Новороссийский цемент хорошо знают на самых различных стройках. День ото дня увеличивают новороссийские цементники выпуск продукции. На снимке: мастер смены цеха вращающихся печей завода «Пролетарий» Михаил Баранов. Его смена держит первенство в социалистическом соревновании на заводе.

Фото Н. Драчинского.

На первой странице обложки: Младшие в семье: Ия (слева) и Ира Арепины. (См. в номере «Арепины».)

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: На московской кондитерской фабрике «Большевик». Старейший кондитер бригадир Петр Яковлевич Фатин и его ученица Люся Логачева просматривают торты перед отправкой в магазин.

Фото А. Гаранина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1381)

29 НОЯБРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5 декабря — День Конституции Союза ССР

ТВОРЦЫ НОВОГО ОБЩЕСТВА

От каждого по его способности, каждому — по его труду — этот принцип социализма запечатлен в Конституции Союза ССР.

Никогда еще в истории так не расцветали способности человека, как в нашей стране социализма. Советские люди показывают невиданные образцы творческого труда, плоды которого пожинает сам народ. Никогда еще труд не был окружен таким почетом и уважением, как в советской стране. Он является, как говорится в Конституции, обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина.

Вот один из повседневных эпизодов нашей жизни, отраженный в публикуемом на этой странице снимке. Недавно большой группе советских людей вручались правительственные награды. Обращаясь к награжденным, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. Е. Ворошилов говорил, что их успехи и достижения в области науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, просвещения, искусства и военного дела являются составной частью успехов и достижений нашего народа — творца нового, социалистического общества.

Разные люди принимали в этот день награду из рук товарища Ворошилова. Каждый из них все силы своего ума и сердца отдает великому делу служения Родине. И труд каждого из них достойно оценен государством. Высокое звание Героя Социалистического Труда было присвоено передовикам сельского хозяйства, ордена украсили грудь рабочих и маститых ученых, государственных деятелей и учителей, генералов, адмиралов и офицеров.

В научной лаборатории, в заводском цехе и на колхозной ферме господствует тот дух новаторства и творческих исканий, который характерен для всего нашего общества.

Нынешний год ознаменовался новыми яркими проявлениями заботы партии и государства о советских людях. Осуществляются меры, направленные к значительному росту материального благосостояния и культурного уровня нашего народа. Население получает все больше продуктов питания, все больше товаров широкого потребления, непрерывно возрастает их качество.

Богаче и культурнее живут советские люди, сильнее и могущественнее становится наше государство. Сплоченный вокруг родной Коммунистической партии, советский народ уверенно движется вперед, к торжеству коммунизма.

После вручения правительственных наград в Кремле академик Е. Ф. Лискун беседует с Героями Социалистического Труда зоотехником колхоза «12 Октябрь», Костромской области, А. М. Лищенко (в центре) и дояркой того же колхоза Л. Н. Шабровой.

Фото А. Гостева.

ШАХТЕР ЧАБАНОВ УХ

Заведующий Чистяковским городским отделом социального обеспечения Д. И. Овечкин вручает пенсионную книжку М. П. Чабанову (слева).

С. МОРОЗОВ **Фото Я. РЮМКИНА.**

Распахнув дверцы кабины «москвича», Михаил Платонович Чабанов шутливо козырнул младшему брату, Семену:

— Прошу садиться, товарищ майор! С ветерком прокатить разрешите?

— Помнится,— сказал Семен,— на фронте ты получил значок «отличный шофер». Как же тебе не разрешить...

Подтянутому человеку с седыми волосами и румяным молодым лицом нет еще шестидесяти лет. И Семен Чабанов, приехавший в Чистяково навестить родных, немало удивился, узнав, что брат его переходит на пенсию.

— Не рано ли, Платонович?

— В самый раз, по советским законам. Ты, Сеня, еще под стол пешком ходил, когда я на шахте в упряжку стал.

Да, давненько! Вспоминая детство, младший брат, кадровый офицер Советской Армии, всегда видит старшего черным от угольной пыли. Памятны Семену Платоновичу те трудные годы, когда помер отец и Михаил стал кормильцем четырех подраставших братьев.

Честно потрудился на своем веку донецкий шахтер Михаил Платонович Чабанов. Долгий путь от саночника до механика участка прошел он, тридцать с лишним лет провел под землей. И вот наступил день, когда Родина от всего своего большого и щедрого сердца поблагодарила шахтера: «Спасибо за службу. Можешь отдыхать». И Чабанов получил в городском отделе социального обеспечения красную пенсионную книжку.

Братья решили прокатиться по городу.

— Любуйся, Сеня, каким стало наше Чистяково.

«Москвич» катит по асфальту мимо новых многоэтажных домов, мимо чугунной решетки городского парка, мимо колоннады недавно отстроенного театра. Нарядным стал шахтерский городок. Теперь и впрямь заслуживает он свое имя — Чистяково. Не то что прежде, когда, бывало, в жидкой грязи немощеных улиц тонули повозки и пешеходы.

Вот городок остался позади. На широком шоссе, ведущем к шахтерским поселкам, братьям все чаще попадаются навстречу «москвичи» и «победы». Пять лет назад, вспоминает Михаил Платонович, он первый во всей округе приобрел автомобиль. А нынче из-за стекол встречных машин Чабанову-старшему то и дело кивают соседи, земляки, знакомые.

На холмах, уходящих к горизонту, все видней становятся терриконы и шахтные копры. И тут много нового замечает свежий глаз приезжего человека.

— За железкой там, Платонович, чей это террикон? Раньше вроде не было такого...

— То моя шахтенка, Сеня. Новенькая. По номеру сотая, а по добыче одна из первых во всем нашем тресте «Чистяковантрацит».

Про новенькую «свою» шахту много может рассказать горный мастер Чабанов. Вместе с товарищами строил он ее, возвратившись с войны. А когда построил, добывал там уголь. Дружный, упорный в труде коллектив подобрался на четвертом участке, где механиком был Михаил Платонович. Много угля давали сверх плана. Да и теперь дают — недаром шахтеры, прощаясь, обещали старому мастеру темпов не сдавать.

— Так-то Сеня... А вот и Пелагеевка, узнаешь?

— Трудитесь, друзья, отлично, не сдавайте темпов!

Уходя на пенсию, участковый механик М. П. Чабанов прощается с товарищами по шахте № 100 треста «Чистяковантрацит». Слева направо (на первом плане): А. Ф. Приходько, С. А. Гонтарь, М. П. Чабанов; сзади — В. И. Лученко и Г. Г. Максимчук.

Хорошеет шахтерский поселок Пелагеевка. На собственном «москвиче» подъехал М. П. Чабанов с дочкой Людой и братом Семеном к новому зданию клуба.

ОДИТ НА ПЕНСИЮ

Еще бы не узнать шахтерскому сыну Семену Чабанову родных, с детства знакомых мест! Тянутся ряды чисто выбеленных мазанок, окруженных фруктовыми садочками. Только мазанок стало больше да садочки гуще разрослись. А направо от шоссе сколько каменных больших домов выросло на бывшем пустыре! И столовая шахтерская и клуб, по всему видно, только что законченный отделкой. Неподалеку ввысь поднимаются стены школьного здания.

— Раньше семилетка была, а нынче десятилетка у нас.

Много перемен замечает Семен Платонович и на усадьбе брата. Прежде жил Михаил с семьей в скромной хатенке в два окна. А теперь стоит рядом с той хатенкой просторный, из четырех комнат дом.

Пока хозяин ставит машину в гараж, гостем завладевает хозяйка. Порядком новостей накопилось для деверя у Евдокии Васильевны: Люда, младшая дочь, по всем предметам отличница, на будущий год в педагогический поступать думает. От старшей, замужней, Нины, пришло известие: вторую девочку родила. Две внучки теперь у Платоновича.

Не забывает Евдокия Васильевна провести гостя и по усадьбе, показать хозяйство. Позади дома, под яблонькой, уютно примостились пчелиные ульи. За сараем — новый колодец: сам горный мастер Чабанов артезианскую скважину бурил. Рядом с колодцем, в широченном корыте, врытом в землю, плещутся утята.

Тем временем Михаил Платонович успел уж покопаться в моторе и, выходя из гаража, как всякий завзятый автомобилист, с наслаждением вытирает замасленные руки ветошью.

— Глянь, Сеня,— кивает в сторону мужа Евдокия Васильевна,— хватает у него дел и без шахты. Все по хозяйству сам мастерит.

Войдя в комнаты, Михаил Платонович отвечает жене:

— С завтрашнего дня и от хозяйства отдыхать буду. Двинем с Семеном в Глуховский лес, поохотиться.

И он выразительно переводит глаза на двустволку и патронташ, висящие на стене.

Вслед за младшим братом, приехавшим вместе с хозяином из города, собираются и другие гости. Поздравить Михаила Платоновича с началом заслуженного отдыха приходят друзья — почетные шахтеры, давние пенсионеры.

— Стало быть, прибыло нашего полку,— усмехается в седые усы Игнат Ефремович Курносов, впервые спустившийся в шахту около полувека назад.

— Принимаем Платоновича в стариковскую компанию,— подмигивает повеселевшим глазом бородатый Даниил Антонович Радкевич.

Заботливо наполняют чарки, и застольная беседа, завязавшись вокруг сегодняшнего события, постепенно углубляется в прошлое, уходит на десятки лет назад.

Курносов недобрым словом поминает старые шахты, кайло с обушком, «собачеевки» да «нахаловки», землянки с нарами в два этажа.

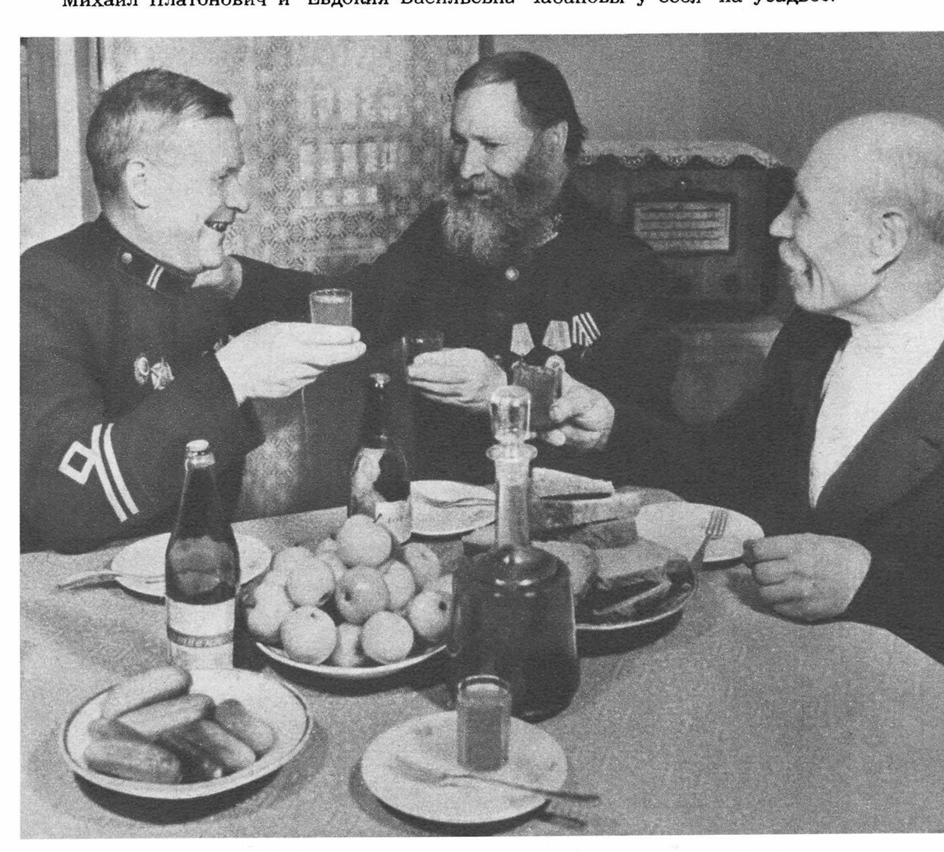
Радкевич рассказывает про Аргентину: как в молодые свои годы гнул спину в заокеанских каменоломнях. Далеко заехал, по дурости, за куском хлеба. А и на чужбине голодать пришлось, насилу грошей накопил на обратный путь.

Заводят речь про оборону Царицына: на шахте немало стариков, которые сражались в гражданскую войну.

Тут и хозяин, Михаил Платонович, свое слово добавляет: и он, солдат Чабанов, на Волге, под Сталинградом, в сорок втором году Родину защищал.

Большая, богатая событиями, кипучая жизнь за плечами у каждого, и у каждого сегодня — покой и достаток, почетный, заслуженный отдых на старости лет. Ветераны труда поднимают чарки за мудрую и заботливую власть Советов, за справедливые и добрые законы социалистической Родины.

Михаил Платонович и Евдокия Васильевна Чабановы у себя на усадьбе.

Поздравить Михаила Платоновича с заслуженным отдыхом пришли почетные шахтеры — ветераны труда.
Слева направо: М. П. Чабанов, Д. А. Радкевич, И. Е. Курносов.

Заботливый пчеловод Михаил Платонович проверяет, как подготовлены ульи к зиме.

Арепины

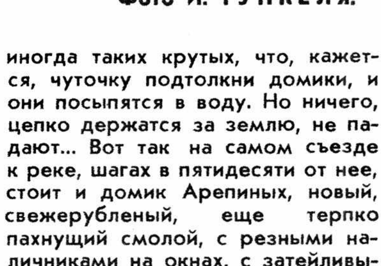
А. СТАРКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Старики Арепины — Алексей Васильевич, семидесяти четырех лет, и Марья Васильевна, шестидесяти пяти,— оба пенсионеры, живут в Ардатове, районном центре Мордовской АССР... Вам не доводилось бывать в этом городе? Жаль. Городок славный, старый, много повидавший на своем веку.

Ардатов выбрал себе место на правом, высоком берегу светловодного Алатыря, неподалеку от его впадения в Суру. Левый берег низкий, пологий, там пойма, заливные луга с травой в человеческий рост, озера, в которых видимо-невидимо карася, ерша, окуня. За лугами, за озерами влево и вправо тянутся бесконечно, уходят за горизонт густые массивы корабельной сосны.

Город — на холме. Часть улиц заняла плоскую вершину — им удобно. А другие — на скатах, и

иногда таких крутых, что, кажется, чуточку подтолкни домики, и они посыплются в воду. Но ничего, цепко держатся за землю, не падают... Вот так на самом съезде к реке, шагах в пятидесяти от нее, стоит и домик Арепиных, новый, свежерубленый, еще терпко пахнущий смолой, с резными наличниками на окнах, с затейливыми украшениями по фасаду, которые делают это жилье похожим на теремок.

Алексей Васильевич — уроженец здешних мест; он из села Луньгинского, что входило когда-то в Ардатовский уезд, а сейчас — в соседнем Козловском районе. Марья же Васильевна из дальних краев — она уральская, из-под Кунгура.

Марья Васильевна и Алексей Васильевич Арепины.

Как повстречались они? Где скрестились их жизненные пути?

Алеша Арепин был у отца с матерью старшим сыном, учиться ему дали только три года: нужен был работник в хозяйстве,— а в восемнадцать лет поспешили женить, чтобы появилась в семье еще пара рабочих рук. Женили на нелюбимой, старше годов на шесть, засидевшейся в девках. Зато считалась богатой. Сваты посулили в приданое всякой ткани. «Теперь хоть в рубахах нужды не будет,— говорил отец.— А не мила, так стерпится — слюбится».

Но с приходом снохи хлеба в доме не прибавилось. Все чаще и чаще отсылал отец сыновей в отхожий промысел. Алексей то нанимался путевым рабочим на станции Алатырь, то уходил на рубку и распиловку леса, то батрачил у оренбургских казаков. А однажды в Саратове попал матросом на баржу, потом на буксире плавал. Таскали в волжском устье, по ерикам, рыбачьи лодки с уловом, зачаливая сразу штук по десять. Матросская служба пришлась по душе. Уже в штурвальные выбился и, наверно, остался бы на Волге, но отец согласия не дал, паспорта не выслал, и надо было возвращаться... Зимой Алексей снова уехал — теперь еще дальше, под Владивосток. Там пробивали в скалах тоннели. Завербовался в бурильщики. Думал прожить здесь с годок, а остался надолго: из деревни написали, что жена его Ефимья померла от тифа...

Работали артелью — мостовщики, каменщики, бурильщики. Народ все пришлый: кто из-за Волги, кто с Урала, кто поближе — из Сибири. Был в артели каменщик Зот Мальцев, по слухам, уральский, из-под Кунгура, что ли. С женой приехал, с детьми. Жена Марья — красавица, лет на двадцать моложе его. Говорили, что выдана она за Мальцева силком. Выгадывал отец Марьи жениха побогаче, печника, да не выгадал: пил Зот беспробудно. Печку сло-

Елена-старшая в лаборатории.

жит — выручку пропьет. А потом перестали его звать в дома: руки от пьянства начали трястись, и прежнего мастерства не было. Злобу срывал на жене, колотил ее смертным боем... Тут приехал как раз вербовщик с Дальнего Востока — Мальцев записался в каменщики.

Марья была в артели стряпухой, белье стирала, рваные штаны латала холостякам. И хотя все знали, что муж нещадно бьет ее, и по вечным синякам это видно было, она никогда никому не жаловалась. Раз только прибежала в барак вся в крови. Зот — за ней с поленом в руке... Алексей Арепин, отдыхавший на нарах, соскочил босой на пол, встал в дверях, заградив дорогу пьяному Мальцеву. Тот замахнулся было поленом, чтобы ударить смельчака, но, встретившись с ним взглядом, опустил руку, весь как-то сразу обмяк, привалился к стене.

В ту ночь он напился до потери сознания, пьяного его вытолкали из кабака на мороз, он валялся до утра в канаве, а когда привезли в больницу, промучился с неделю и помер.

Через год Алексей и Марья поженились. Так нашли они друг друга. Было это в год Октябрьской революции...

Алексея взяли во флот. Служил на морской радиостанции, которая стояла на острове. Здесь с Алексеем жила и семья. У Арепиных родилась дочь, назвали Любой, еще дочка — Елена, потом сын. Долго думали, какое ему дать имя, и решили: Иов. Он позже обижался на отца с матерью: вот уж дали имечко, лучше найти не могли... Отец объяснял, что долго ждал сына и, когда он появился, хотел назвать его как-нибудь пособенней. Сестры, приятели звали Иова Володей, и это имя так и осталось за ним.

Анна, дочка Марьи Васильевны от первого мужа, бегала уже в школу. Впрочем, слово «бегала» в данном случае совсем не подходит. Жили на одном острове, школа — на другом. Чтобы попасть туда, нужно переплыть через довольно широкий пролив. Анна садилась в лодку, гребла и, зная, что в одном месте сильное встречное течение, правила именно туда, чтобы лодку как следует качнуло... Она была отважная девочка и даже в норд-ост ее нельзя было удержать дома.

Подошел срок, Алексей Васильевич демобилизовался и поехал с семьей к себе на родину, в Ардатов, на постоянное жительство.

Работы искать не нужно было: она ждала. В районе осушали болота, и Арепин, еще на строительстве тоннелей познакомившийся немножко с дренажным делом, поступил в мелиоративный отряд. Первое болото, которому объявил войну этот отряд, было Титовское. Мелиораторы спустили озерцо, заболачивавшее большую площадь, в речушку Аверичеву, а ее — в Алатырь, и на месте трясины образовалось отличное пастбище, которым и сейчас пользуются колхозы. Покончили и с другими болотами. Потом в селе Покровском построили плотину, превратив безыменный ручеек в великолепный пруд, где вот уже двадцать с лишним лет разводят зеркального карпа и прочую рыбу. Это был первый колхозный пруд в Мордовии... Принялись за речку Нуя: сделали запруду, прорыли канавы и с помощью насосов погнали на поля воду.

К этому времени Алексей Васильевич был уже межрайонным мелиоратором. В брезентовом плаще, повидавшем всякую погоду, в болотных сапогах, намесивших немало грязи, с деревянным ящичком, в котором лежали нивелир, рулетка, карта, пара теплых шерстяных варежек и пара еще более теплых носков, положенных Марьей Васильевной, исходил Арепин вдоль и поперек Ардатовский, Козловский, Атяшевский и другие районы, везде оставляя следы: то пруд, то колодец, то осушительную канаву... Он был практик, но и книг прочитал много по мелиорации, по гидротехнике. А в пятьдесят пять лет решил сесть за парту — поехал в Куйбышев на курсы строителей. Вернувшись с дипломом, поступил прорабом в райзо. Строил колхозные фермы, силосные башни, амбары под зерно... Работала все эти годы и Марья Васильевна. Она была портнихой в артели. И тоже училась — в кружке ликбеза...

Детей прибавилось. Появилась дочка Ида. И еще одна дочка — Ия. В день ее рождения у Арепиных гостила мать Марьи Васильевны, приехавшая с Урала. Когда девочку принесли из родильного дома, старуха незаметно ото всех вынула ее из люльки, запеленала потуже и сунула под кровать. Марья Васильевна хватилась — нет ребенка. Спрашивает мать:

— Куда девали девочку?

Старуха показывает:

— Вон... Под кроватью.

— Зачем же вы, мама, ее туда положили?

— Примета такая... Чтоб счастливой была.

— А меня, мама, вы тоже клали под кровать?

— Клала, доченька, клала...

— А почему же так долго не шло ко мне счастье...

Дети подрастали. Первой расправила крылья и покинула родное гнездо Анна, та самая девочка, которая не боялась переплывать через пролив в норд-ост и любила, чтобы лодку подбрасывало на волне. Она и выросла такой — смелой... Она занималась в школе с педагогическим уклоном, и после девятого класса ее послали учительницей в село Вечхусы, Ичалковского района. Кто-то из подружек предупредил: «Ой, Нюрка, откажись, попросись в другое место. Кулаков в Вечхусах тьма. Убьют...» Пора была трудная — первый год коллективизации. Но какая ж из нее комсомолка, коль она откажется! Поехала...

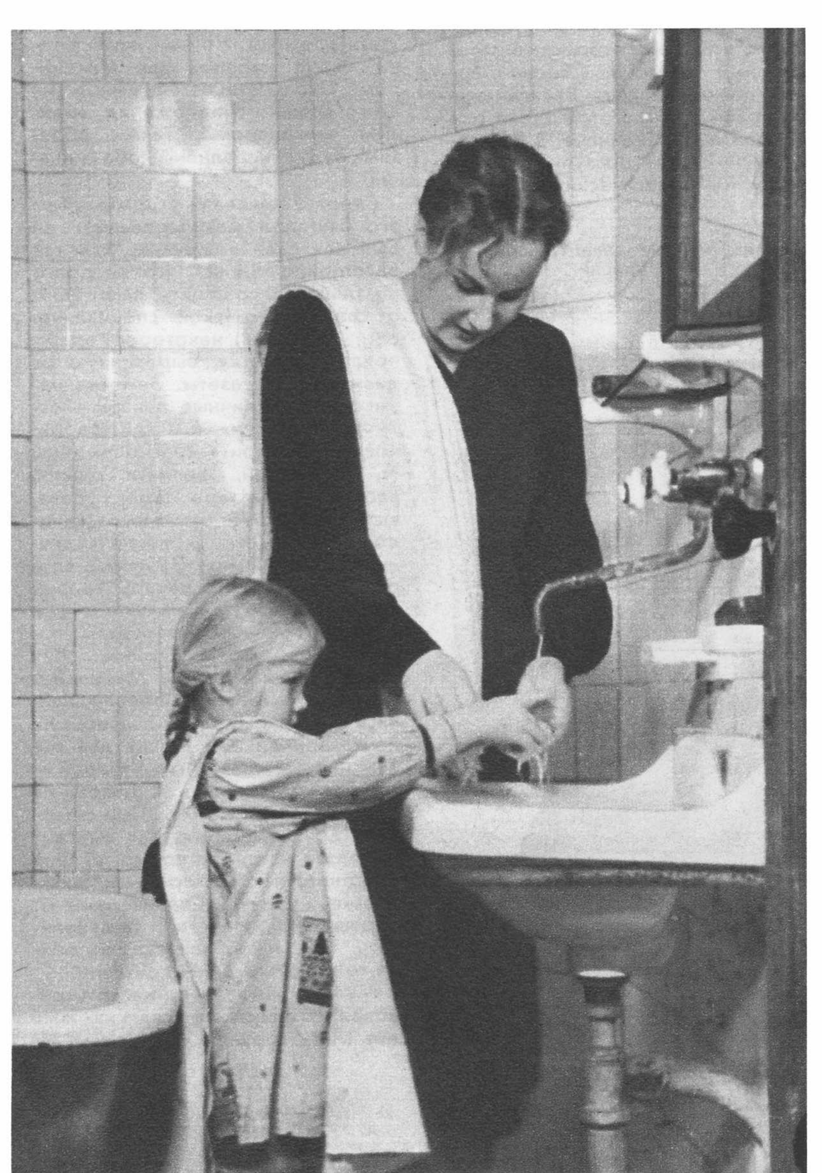
Если бы Анна только учила детишек и ни в какие другие дела не совалась, может, тогда бы и не тронули ее. Да характер не такой, чтобы не соваться... Идет запись в колхоз, активистов мало, кулаки распоясались. Как же стоять в стороне ей, комсомолке, члену областного исполнительного комитета! Нет, она должна быть в самой гуще событий. Выступает с докладами о международном и внутреннем положении, говорит на сельских сходах, выпускает стенную газету, ходит по избам — агитирует за колхоз, разоблачает кулаков. Ей уже подбросили в портфель записку: «Учителка, сматывай удочки, пока цела». По вечерам, проверяя тетради, сидит в простенке между окнами, чтобы пуля не достала...

В село приехала культбригада из Москвы, комсомольцы со швейной фабрики. Собирались показать кинокартину, поставить спектакль. Кулаки решили выбрать этот момент для выступления. Ко-

Анна, воспитательница детского сада в Саранске.

Любовь Алексеевна с дочкой.

Елена-младшая учительствует в Краснодаре.

гда шло кино, раздались выстрелы — прострелили экран. Началась свалка. Трех человек из культбригады выволокли на улицу, убили... Арепина была в это время в сельсовете. Услышала выстрелы, крики, выбежала. Схватили, потащили к дому мельника. Там на крыльце стоял его сын, пропадавший где-то и сейчас вернувшийся в село. Оделся, как на праздник: красная рубаха, поясок с кисточкой. Крикнул Арепиной:

— Вот и свиделись!.. Может, в колхоз запишешь?

Учительница молчала.

— Молчишь, партейная?.. Убью!

— Советскую власть не убьешь...

Анну нашли с рассеченной головой, всю израненную. Привезли в Ардатовскую больницу, к знаменитому на весь край хирургу Николаю Васильевичу Иванцеву, и он спас ее...

Дети постепенно разлетались. Уехала в Краснослободск, в ветеринарный техникум, Елена-старшая, дочка Алексея Васильевича от первой жены. Потом стала она лаборантом в Саранске. В фельдшерскую школу поступила Люба. В Тулу, в педагогический институт, на факультет литературы и языка, отправилась Елена-младшая, Ляля, как зовут ее в семье. И вот уже собрался в путь Володя, любимец отца, единственный сын.

Ида работает электриком в Саранске.

В душе Володи, когда он, кончая десятилетку, думал о будущей профессии, боролись два желания: он мечтал быть инженером-строителем, и в то же время ему хотелось стать военным. В газетах тогда много писали о событиях на озере Хасан. В Ардатов пришла весть о том, что уроженцу города комиссару Ивану Пожарскому за подвиг в бою на сопке Заозерной присвоено звание Героя Советского Союза. Многие ардатовцы помнили сына лесника Ваню Пожарского, который был здесь секретарем укома комсомола. Учителя, у которых Ваня занимался в школе, рассказывали ребятам о своем славном воспитаннике... Это еще сильнее укрепило в Володе Арепине желание стать военным. Но кем же все-таки быть: военным или инженером? Отец подсказал выход из этого сложного положения: военным инженером... Таким образом будут исполнены оба желания.

Володю призвали в армию. Там его ожидало разочарование: он был зачислен в пекари. Это так расстроило юношу, что он долго не решался сообщить родителям о своей армейской специальности. А через некоторое время прислал заметку, вырезанную из дивизионной газеты. Заметка называлась «Отличные пекари — отличные стрелки», и в ней говорилось: «Пекари - красноармейцы тт. Яндовицкий, Арепин и Гришин, настоящие мастера своего дела, выпекают хлеб отличного качества. Они являются также отличными стрелками». Забежим вперед и скажем, что пекарь Арепин стал позже солдатом-сапером, а потом и военным инженером.

Подошли годы войны. Как сотни тысяч матерей, Марья Васильевна с тревогой прислушивалась ко всякому стуку в дверь: не почтальон ли? Он стучит два раза: первый раз тихо, второй — громко. Это он не в дверь — в сердце матери стучит... Сын с первого дня на фронте. Как он там? Но разве из писем поймешь? Они короткие, как телеграммы: жив... здоров... целую... Старик говорит: «Правильно. Нечего рассусоливать. Там, мать, некогда, на войне-то!» Но это он бодрится.

Матери надо бы одно: хоть разочек взглянуть на всех них, кого нет в эту грозную пору дома. На Любашу в ее московском госпитале. На Идочку в цехе далекого уральского завода. Пишет: «Мама, не волнуйся, я уже совсем большая, совсем взрослая... У нас есть монтеры еще меньше меня и моложе...» На Лялю взглянуть бы. Уже девять дней нет от нее ни строчки. Последний экзамен сдавала в Туле под бомбежкой. И в тот же день с дочкой-малышкой на вокзал: отходил эшелон в Казахстан. Было несколько писем оттуда. Устроилась в колхозе, довольна. Да разве она напишет, что ей плохо?..

И вот годы послевоенные. Как бежит время! Вот и Ия — выпускница. Даже не верится. Но верь — не верь, а аттестат зрелости у нее в руках... Выбор, который сделала Ия, тревожит стариков. Хочет быть актрисой, киноактрисой. Пошла мать к Федору Игнатьичу Бобкову, преподавателю литературы, самому большому для Ии авторитету, просила его отговорить дочку. А он отвечает: «Она взрослый, вполне серьезный человек. С сильным характером, с волей... Мы беседовали с ней. Она понимает, как труден путь в искусство, как нелегко стать хорошей артисткой. Но хочет быть такой. Пусть идет к своей цели. Не будем ей мешать...»

Володя, который учился в то время в военной академии, прислал Ие из Москвы вызов на экзамены в Государственный институт кинематографии. Начались сборы. И вот за неделю до отъезда на носу вскакивает фурункул. Ну как с таким носом ехать в актрисы!.. Дочка сидит у зеркала, плачет, и мать плачет. Пошли к доктору, к Николаю Васильевичу Иванцеву. А ему все шуточки: «Ужасная, непоправимая трагедия!» Сделал разрез и наклеил на нос какую-то белую нашлепку. Еще того не легче — поезжай с нашлепкой в Москву...

В институте 25 желающих на каждое вакантное место. Ясно, что нет никакой надежды попасть. Куда ей, ардатовской простушке, тягаться вон с той красавицей с невероятным коком на голове, одетой по последней моде и окруженной молодыми людьми в белых пыльниках! Красавицу приглашают в зал, где заседает жюри, и она проходит туда, чуть прикрыв за собой дверь: послушайте, мол, как я сейчас буду покорять комиссию. Но в щелку слышно совсем другое, слышно, как народный артист страны, председатель жюри, говорит: «Матушка моя, зачем столько химии? Смойте, пожалуйста, краску. И причешитесь попроще, вот так хотя бы, на прямой пробор... Будьте любезны, приведите себя в порядок, и тогда милости прошу...»

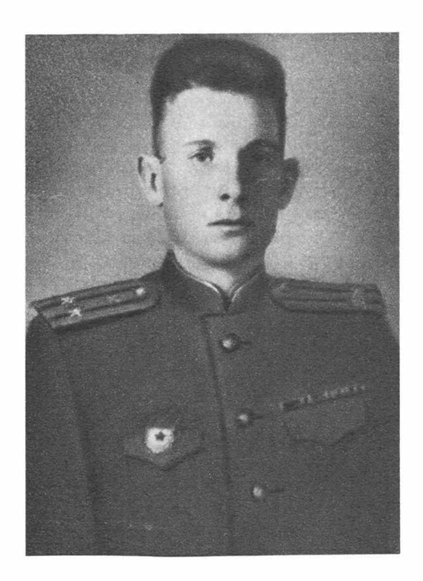
Теперь очередь за девушкой из Ардатова. Она читает речь Павла Власова на суде, стихи Некрасова «Памяти Добролюбова», «Девочку» Горького... И видит, как теплеют глаза членов жюри. К ней подходит народный артист и просит что-нибудь спеть. Она поет: «Тучи над городом встали...»

Это первый тур конкурса, следует второй, третий, и после третьего в Ардатов летит телеграмма: «Папа мама приняли обнимаю целую Ия».

Самая младшая дочка, Ира, «меньшенькая», тоже уехала. Она в Минске, в политехническом, на третьем курсе. Идет по стопам отца — в гидротехники. А в Минск поехала, потому что там сестра Люба с мужем и дочкой. В институт приняли без экзамена: медалистка.

Опустел дом Арепиных, но тянутся от него крепкие, нервущиеся ниточки в Москву, в Краснодар, в Саранск, в Минск. Нет детей Арепиных в Ардатове, а старикам кажется, что они тут... Идет Марья Васильевна по городку. Навстречу Ираида Васильевна Суркова, у которой все молодое поколение Арепиных занималось с первого по четвертый класс. Спрашивает Ираида Васильевна: «Как поживают мои ученики?» «Хорошо!» Идет дальше Марья Васильевна, встречает Николая Васильевича Иванцева, который сорок лет лечит ардатовцев. «Как здоровье моих пациентов?» «Отличное!» А у базара — разговор с Любовью Андреевной Декопольцевой, которая пятьдесят лет выдает ардатовцам в библиотеке книги. «Не забывают меня мои читатели?» «В каждом письме шлют вам привет, Любовь Андреевна».

Далеко дети... И близко! Старики живут с ними одной жизнью, одними интересами... Анна, воспитательница детского сада в Саранске, сообщает в письме, что ее баловной сынишка Лева катался на коньках по озеру, провалился сквозь лед и пришел домой мокрый. Марья Васильевна велит мужу, своему секретарю, написать

Инженер-подполковник Иов Арепин.

Нюре, чтобы получше натерла Левушку спиртом. «Мать,— говорит Алексей Васильевич,— это ж было неделю назад. Зачем теперь-то натирать?» «Все равно пиши...» Из Краснодара Ляля пишет, что в этом году она ведет выпускной класс. Старики беспокоятся: хорош ли будет выпуск? Ия заканчивает в феврале институт, она снимается сейчас в дипломном фильме «Девицы-красавицы». Алексей Васильевич идет в библиотеку за этой пьесой, чтобы, прочитав ее, дать дочке кое-какие советы по поводу роли. Сына поздравляют со званием инженера-подполковника, и тут же наказ: не зазнаваться. Ирина собирается на одну из гидростроек, и отец пишет ей, как, по его мнению, лучше провести первую студенческую практику. Иде, которая работает в Саранске электриком, категорическое требование: немедленно прислать Любашку, внучку.

Сидят старики Арепины в своем «теремке», перебирают письма детей, и вся их большая, хорошая, дружная семья незримо с ними, вокруг них...

Да здравствует романтика!

Галина ШЕРГОВА

Я не прислушивалась. Но вот приоткрылась дверь, рыженькая, остроносенькая девочка вышла из кабинета, и сквозь дверную щелку пробралась фраза: «Сила слова...» И комната поглотила ее конец. Видимо, там, в комнате, занимался литературный кружок. И незаметно для себя я стала думать об этом — о силе слова.

Есть слова, наделенные для человека своей необычайной силой, дарящие радость, греющие душу, ранящие и поднимающие. Для каждого — свои. Но есть слова обыкновенные, привычные, которые исполнены смысла для любого. И, может быть, одно из самых волнующих — это слово «помнишь?». Оно вобрало в себя и заливистые звонки школьных перемен, и неумелые слова первой любви, и распутицу военных дорог, и досадные слезы первых «мук творчества».

Я все ходила и ходила по комнатам и коридорам московского Дома пионеров и сама себе говорила: «Помнишь? Помнишь?». И слово это раздвигало годы, обнажая подмосковную осень, липкую листву на башмаках, ребячьи ладони, перемазанные глиной. На ладонях лежали старинные украшения вятичей, тронутые драгоценной для нас пленкой времени — голубовато-зеленой окисью. Это мы, кружковцы-историки, выезжали на археологические раскопки вятических курганов. Мы строили гипотезы, пожалуй, более смелые, чем это допускалось наукой. Мы спорили и не сдавались, даже поняв наивность своих открытий.

Недавно в газетах я прочла, что наш бывший руководитель Борис Александрович Рыбаков избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Тогда он был скромным кандидатом наук. Но я думаю, что и сейчас Бориса Александровича, уже одного из видных историков, больше порадовали бы ребячьи, даже неверные домыслы, чем затверженные чужие слова, потому что в тех наших работах было главное: самостоятельность и смелость мысли, пусть еще слабо оснащенной,— эрудиция дается трудом, и ее можно приобрести.

Так было с нами там, в поле. Так было в угрюмых кельях Ново-Иерусалимского монастыря, куда ездили мы на каникулы. Тогда мы взволнованно ощущали, как снег, порошащий недвижные глыбы здания, летит к нам через столетия.

Как мы говорили потом об этом!

И здесь, в Доме пионеров, учились мои вихрастые друзья любить Отчизну — самозабвенно и преданно. Эту любовь потом принесли они в блиндажи, истекающие ноябрьской сыростью. Многим из них так и не пришлось стать взрослыми. Но миллионы живых пронесли по дорогам строек свое вдохновение, неутолимую жажду созидания, невянущую романтику юности.

☆ ☆ ☆

И сейчас я знала, что встречусь с ней, юностью, не чужой, а своей, пусть даже бурлит она в других уже ребятах.

Я знала наперед, что все будет так же, как когда-то: увлекательно, горячо, фантастично. Иначе и не могло быть. Ведь я шла на заседание клуба юных географов, посвященное дружбе московских ребят с пионерами далекой горной Сванетии. Мне уже была известна история этой дружбы. Она возникла шесть лет назад, в дни празднования 800-летия Москвы С тех пор, перебираясь через кряжи, шли из столицы и в столицу письма и посылки. Москва во плоти возникала перед глазами сванских ребят, когда они сидели вокруг костра в горах, а языки пламени лизали, казалось, совсем близкое небо. И в подмосковном лагере вырастали перед глазами ребят неприступные скалы.

Этим летом сванские ребята приехали в Москву. Впервые в истории. Им все было нипочем — ни завалы, будь они из камня или снега, ни шесть дней пути. Ребята приехали в Тушинский пионерский лагерь, и москвичи гордо показали им юную красоту столицы.

Я даже повторяла про себя стихи С. Маршака, посвященные этому событию:

Перешагнув через столетия
И кряжи в шапке снеговой,
Сроднилась горная Сванетия
С вершиной Родины — Москвой.

Об этом тушинцы собирались сейчас рассказать географическому клубу Дома пионеров.

И надо же так случиться, что мой приход с самого начала стал для меня еще более волнующим, чем я даже предполагала! Первый человек, которого я увидела, был Валериан Николаевич Кузьмин. Тот самый Валериан Николаевич, который еще до войны руководил здесь кабинетом юных географов, — мы, историки, занимались с ними дверь в дверь.

Оба мы — и Кузьмин и я — узнали друг друга, расчувствовались и не скрывали своей растроганности.

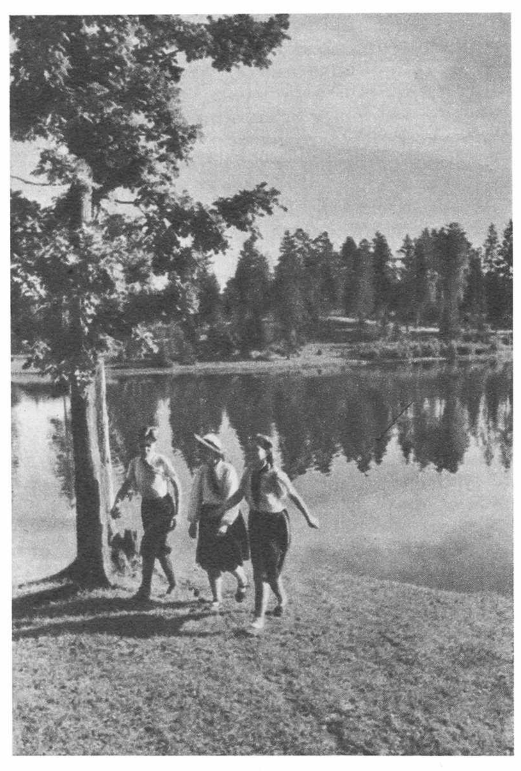
Валериан Николаевич сказал вступительное слово — простое и интересное. Как все это было похоже!

Руководила вечером педагог Л. В. Лысогорская, жившая и в Сванетии и в Тушине. «Душа этого дела» — назвал ее Кузьмин. Хотя Лысогорской было на вид лет тридцать пять, мне казалось, что и косы, сложенные сзади, и пылающие возбуждением щеки делают ее похожей на школьницу.

Но вот одна за другой стали выступать девочки-тушинцы. Они вынимали аккуратные бумажки и читали — кто сбивчиво, кто монотонно — какие-то скучные слова о своих веселых делах. В бумажках было написано о «незабываемой встрече», но, видимо, кто-то очень беспокоился, что она, эта встреча, забудется,

В Доме пионеров собрались юные географы.
Фото Е. Умнова.

Открывать новые земли!.. Даже под Москвой!

Только «погоны» Геологоразведочного института отличают руководителя кружка Ирену Польшинскую от юных геологов: интерес к древним камням одинаков у всех, а энтузиазм тем более.
Фото О. Кнорринга.

поэтому зафиксировал ее на листочках. Были отмечены все «мероприятия». И ни слова не было о ясных ребячьих чувствах, которые нельзя назвать ни «линией поведения», ни «пунктом программы». Вышла какая-то девочка, курносая, краснощекая, со своенравными стрижеными волосами. Вероятно, у нее было о чем вспомнить, рассказывая про дни встречи со сванскими ребятами. Мне казалось, что уж она-то обязательно скажет что-то свое, интересное. Ох, как хотелось, чтобы железный синтаксис надломился, не выдержав напора ее чувств! И синтаксис, действительно, заскрипел. Но по другим причинам. Девочка читала очередную бумажку, делая паузы в середине фразы или полностью игнорируя не только знаки препинания, но и сам смысл. И было видно, что и для живой, смешливой девочки эта бумажка стала нормой.

Пионервожатая, сидя рядом, строго косилась в «текст выступления», следя за тем, чтобы «свои» слова не пробрались в завизированные строчки.

Стало горько и за эту девочку, и за сванских ребят, и за далекие огни пионерских костров нашей юности.

Когда выступления закончились, Л. В. Лысогорская сказала возбужденно, но строго: «А теперь все встанем и споем один (!) куплет «Гимна демократической молодежи». Все встали, нестройно затянули. «А теперь скажем хором «До сви-да-ни-я!» — скомандовала руководительница. И все так же нестройно проскандировали.

...И все-таки на другой день я снова пришла в Дом пионеров.

Я собиралась говорить с Лилией Владимировной Лысогорской,— как казалось, сухим организатором-«мероприятчиком», который сообщит «пункты» и «тезисы», познакомит с «установками» и «постановками дела». И вдруг... передо мной оказался увлеченный, влюбленный в дело человек, и я бы не покривила совестью, сказав, что дружба сванских и московских ребят была выращена ею в собственном сердце. Туда, в Сванетию, поехала Лысогорская работать. И сейчас, когда она мне говорила об этой стране, я видела и скалы, кропотливо возведенные природой, как хитроумные башни, и серые древние башни, похожие на выветренные тысячелетиями скалы. Я видела людей, рожденных в горах, которые вернулись туда педагогами и врачами, строителями и учеными, чтобы сотворить в ущельях новый мир. И я верила, что эти люди стали истинными друзьями Лысогорской — взрослые и дети. Но стоило ей заговорить о «работе по дружбе» — снова серые слова из резолюций и педагогических учебников выползали, расталкивая все другие. Правда, для нее, как человека горячего и увлеченного, слова «мероприятие», «линия», «повестка дня» звучали первозданной поэзией, и она даже не могла поверить, что к детям эти слова могут придти без поэтического флера.

Снова с пылающими щеками Лысогорская говорила: «Это было так торжественно и так весело — встреча ребят в Тушине! Вы знаете, я даже отошла в сторону и только наблюдала, не руководя весельем». А я думала о том, как было хорошо ребятам, когда их весельем «не руководили». Тем более, что для Лысогорской-то эти казенные «формы мероприятий» были просто заразой, пришедшей от других. Но ведь сколько есть людей, для которых пионерские сборы с трескучим докладом о положении дел «на сегодняшний день» вместо взволнованного обсуждения проступка товарища или «отчет о работе над собою» вместо рассказа о прочитанной книжке стали самим их существом!

Лысогорская показала мне письма в Сванетию, посланные Музеем истории и реконструкции Москвы: музей принимал деятельное участие в общении ребят. И там тоже мелькало: «...хочется отметить ваши замечательные мероприятия... Вы поставили задачей осуществить дружеские взаимоотношения...» А в других «документах переписки» лезло в глаза: «...вечер прошел под знаком высокой художественности и явился мощной демонстрацией...»

И люди, писавшие это, не хотели думать, что слова убивают действительно важные дела, творимые ребятами для ребят. И что так приходят к детям страшные болезни взрослых — казенщина и бюрократизм.

* * *

Если ты встретился с собственной юностью и не узнал ее в лицо, тебе захочется увидеть ее еще и еще раз, — всмотреться пристальней, чтобы найти все-таки дорогие черты.

Конечно,— и это поймет каждый — я еще раз пошла в Дом пионеров. Теперь я заглядывала в кабинеты, стоя возле двери, слушала обрывки разговоров. И рядом со мной спешили ребята — деятельные и озабоченные, болтали — веселые и беззаботные. Нет, нет, разумеется, нет: все было похоже — те же кружки, те же разговоры. И вдруг я услышала, как, выходя из пионерской комнаты, белобрысый мальчуган с недвусмысленным следом кулачного боя над бровью недовольно фыркал:

— Вот еще! Одни стишки для сбора дали, список литературы да инструкцию, как сбор проводить, рассказали,— разбирайся тут.

— А что разбираться? — поднял на него глаза тихий худенький мальчик. — Сбор про свои дела проводить будете — вот стихи и вставишь.

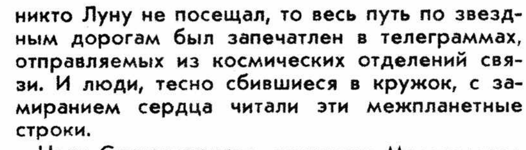
— Не-е, — поморщился первый, — раньше давали полный текст всего сбора да еще говорили: «Вот тут отреагируют, вот тут реплики будут», — а теперь и не знаешь, где реплики, где отреагирования.

И опять стало грустно, что в этом юном гражданине из мальчишеской плоти и крови уже жил бюрократ и начетчик, требующий для проведения сбора «полного текста с отреагированиями».

Кто же был виновен в этом?

* * *

Три геолога отправились в путешествие на Луну. У них было полным-полно дел. Прежде всего — исследовать геологическое строение верного спутника Земли. Но так как до них

никто Луну не посещал, то весь путь по звездным дорогам был запечатлен в телеграммах, отправляемых из космических отделений связи. И люди, тесно сбившиеся в кружок, с замиранием сердца читали эти межпланетные строки.

Неля Стихотворцева, студентка Московского геологоразведочного института, она же руководитель геологического кружка Дома пионеров, рассказывала мне об этом удивительном походе. Путешествие было воображаемым, но телеграммы — настоящими, хотя место отправления — более близким. Путешественники тоже реальные: три девочки — кружковцы.

Да, и Неля Стихотворцева, и ее «однокашник» Станислав Александров, и другие их товарищи рассказали массу интересного: о дальних путешествиях кружковцев на Урал и в Крым, о блужданиях юных геологов по подмосковным древним пещерам, об экскурсиях под проливным дождем и о поисковых партиях, где юные геологи трудились с мужеством, достойным их взрослых коллег.

Но самым интересным мне показался задор и вдохновение молодых руководителей геологических кружков.

В этом, правда, не было ничего удивительного: нынешние студенты еще два — три года назад сами были кружковцами Дома пионеров. И кровная дружба Дома пионеров с институтом, шефствующим над многими геологическими кружками, была скреплена молодыми порывами, романтикой, которым чужды прописные истины шпаргалок для выступлений. И романтика будущей профессии была полновластной хозяйкой на занятиях кружка. Ее здесь оберегали.

Но бывало и так, когда детская мечта сгибалась перед несгибаемой мощью взрослого равнодушия и невнимания.

Весь прошлый год почти все кружки Дома пионеров жили строительством гидроэлектростанции на реке близ пионерлагеря. Были сделаны чертежи, построены машины, даже распределены должности. Ребята уже видели свой лагерь, озаренный огнями их станции. И вдруг... Дом пионеров просто не включили в список организаций, которым разрешается открыть пионерские лагери. Потребовалось вмешательство Моссовета, чтобы лагерь смог все-таки жить. Но, к сожалению, это было уже в конце лета, ни о какой электростанции не могло быть и речи.

Так равнодушные люди, для которых слова «вдохновение», «фантазия», «творчество» звучали ересью и «не являлись достаточным основанием», погребли в бумажном водовороте ребячью мечту.

* * *

И вот, узнав обо всем, что рассказано здесь, я захотела выяснить, что же думают об этом люди, руководящие воспитанием детей.

В приемной работника, который мог ответить на волнующие меня вопросы, ждала длинная очередь посетителей. В кабинет то и дело входили сотрудники с папками в руках. «Товарищ готовится к совещанию,— догадался кто-то,— доклад ему готовит аппарат».

И мне расхотелось говорить с человеком, у которого в приемной часами ждали люди и которому — взрослому! — «аппарат» носил готовые шпаргалки для выступления. Вероятно, такому человеку казалось естественным, что на вечере дружбы со сванами девочки читали скучные бумажки, что на недавнем всемосковском слете юных туристов ребята говорили о дальних походах выученными накануне фразами, которые им написали взрослые.

И, идя домой, я мечтала о том, что вот однажды на очередном совещании, где будут обсуждаться пионерские дела, во время прений на трибуну взойдет молодой человек. Он сделает обстоятельное сообщение о своей пионерской организации. А потом отложит в сторону бумаги, махнет на них рукой и скажет:

— Да здравствует романтика пионерской юности! Да здравствует мир, широкий и просторный, мир первооткрывателей, мир, в котором живут следопыты и ракетные воздухоплаватели, созидатели грядущего! Да здравствует мир, над которым трубят северные вьюги и барханы послушно осыпаются к ногам человека, потому что человек этот смел, дерзок, потому что юность неувядаема!

Суп на костре! Это великолепно!

А. П. Боголюбов (1824—1896). СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

Центральный Военно-Морской музей. Ленинград.

В. Г. Пузырьков. ПРИБОЙ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Фушуньские шахтеры избирают своих депутатов.
Выборы в сельских местностях и многих рабочих поселках Китая проходят открытым голосованием. Тайные выборы применяются там, где позволяет уровень грамотности.

Рабочие фушуньских угольных копей поздравляют с избранием своего депутата, образцового рабочего высшего разряда Чжен Хуай-шаня (с цветами в руках). В честь выборов его бригада увеличила погрузку угля с 10 до 13 вагонов в день.

НАРОДНЫЕ ВЫБОРЫ В КИТАЕ

По всей необъятной территории Китайской Народной Республики проходят всеобщие выборы в низовые органы народной власти. По неполным данным, опытно-показательные и всеобщие выборы проведены в 10 тысячах избирательных участков волостей, поселков, городских районов и городов. Эти выборы по числу избирателей — самые широкие в истории человечества и являются глубоко демократическими. Избирать и быть избранными могут представители всех слоев населения — рабочие, крестьяне, рыбаки, служащие государственных учреждений, предприятий, промышленники, торговцы и т. д. Все проживающие в Китае национальности избирают в собрания народных представителей своих депутатов. Например, в волости Даньгуй, уезда Сюйюн, провинции Сычуань, в депутаты собрания народных представителей было избрано 35 человек, из них 9 — представители национальности мяо, которая составляет лишь 15 процентов всего населения этой волости (5 депутатов от национальности мяо были выдвинуты китайцами).

Выборы в местные органы народной власти завершатся созывом Всекитайского собрания народных представителей для принятия конституции, утверждения первого пятилетнего плана строительства страны и избрания нового Центрального народного правительства.

Регистрация избирателей-мусульман в Харбине.

Китайские трудящиеся выбирают народными депутатами лучших людей своей страны. На снимке: рабочие и работницы шанхайской красильной фабрики знакомятся со списками кандидатов.

Основную массу избирателей сельских районов составляют крестьяне. Го Цзу-лин (на переднем плане) избрали своим депутатом крестьяне деревни Лаоемяо, уезда Фынчжен (Северо-Восточный Китай).

После снижения цен в магазинах увеличилось число покупателей. На снимках: в берлинском универмаге «ХО» после снижения цен.

Жить стало лучше

Письмо из Берлина

Это случилось месяц тому назад, 24 октября. В тот субботний вечер один человек вдруг остановил все уличное движение на Александерплатц, в самом оживленном районе Берлина.

И хотя голос этого человека вовсе не был столь мощным, чтобы заглушить шум уличного движения, тем не менее он дошел до сознания каждого, кто оказался в то время на площади.

Человек повторял всего четыре слова: «Экстренный выпуск! Снижение цен!»

Густая толпа окружила газетчика. Потом вокруг каждого из обладателей экстренного выпуска стали возникать новые и новые группы. Водители автомашин поспешно опускали боковые стекла:

— Что там такое?

— Снижение цен, парень, вот что!..

С понедельника товары массового потребления уже продавались по значительно сниженным ценам. В коммюнике правительства ГДР говорилось, что это снижение цен вместе с уменьшением налогов даст населению республики за год реальную выгоду в три с половиной миллиарда марок.

* * *

В течение следующего месяца многие жители ГДР по окончании каждой недели занимались подсчетами. Примем участие в этих подсчетах и мы.

На сталепрокатном заводе в Кирхмозере, небольшом городке близ Берлина, работает крановщицей Фрида Винниг. Она вдова, и на ней одной лежит забота о двоих детях. После решения правительства об упорядочении налогового обложения ее полностью освободили от налога. Потом пришло снижение цен. Для личного хозяйства Фриды Винниг это означает в общем увеличение годового дохода на 656 марок 40 пфеннигов. Она уже распределила эти деньги. Сверх того, что она приобретает обычно, Винниг купит в течение года: для себя велосипед, он стоит теперь только 285 марок; пару кожаных туфель за 58 марок; два платья — они обойдутся примерно в 76 марок каждое; и, наконец, две пары чулок первого сорта — по 21 марке. Для детей же она приобретет 5 метров материи за 74 марки и сошьет два добротных пальто, а кроме того дети получат по паре кожаных башмаков — это будет стоить около 50 марок.

Таков подсчет Фриды Винниг. Не подумайте, что Фрида собирается прежде всего тратиться на себя: до снижения цен в ее бюджете подавляющая часть расходов шла именно на детей.

* * *

После 24 октября заметно подешевело все. Берлинец ощущает это, покупая бутылку молока, кружку пива, пачку сигарет, фотоаппарат, радиоприемник. Продовольственные товары и ткани снизились в цене в среднем на десять — пятнадцать процентов, домашняя утварь, электроприборы — на двадцать, иногда даже на пятьдесят.

Люди в ГДР занимаются подсчетами. Но не только теми, которые проделала Фрида Винниг.

На берлинском народном предприятии «Бергман — Борзиг» работает в фрезерном цехе бригада Вундерлиха. Недавно перед началом смены бригада собралась и порешила: отдать трех самых лучших фрезеровщиков в другую бригаду, пусть ребята образуют там ядро передовиков, пусть и там, как и у Вундерлиха, возрастет производительность на сорок процентов. Такое обязательство Вундерлих и его товарищи взяли в ответ на решение правительства о снижении цен. С того времени каждый из них обслуживает два фрезерных станка. Теперь от этой бригады «отпочковываются» другие, движение идет вширь. С ростом производительности растут заработки, а снижение цен увеличило покупательную силу каждой заработанной марки. «Хорошая жизнь не падает с неба»,— говорит Вундерлих. Этим рабочий хочет сказать, что благосостояние народа будет расти тем быстрее, чем активнее будет проявляться трудовая инициатива каждого гражданина ГДР.

Франц ФИЛИПП

Берлин, ноябрь.

Бедствия в Калабрии

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Нынешняя осень снова принесла тяжелые испытания населению Калабрии (юг Италии). После нескольких дней непрерывных дождей вода залила оливковые рощи, виноградники, деревни. В селах Калабрии погибло более 100 человек — мужчин, женщин, детей. Тысячи гектаров посевов были смыты наводнением, десятки тысяч крестьян, полураздетые, покидали дома.

Повторилось то, что происходило в тех же местах около двух лет тому назад. Тогда наводнение, прорвавшее плотины, унесло 77 жителей, около 6 тысяч человек остались без крова, пострадали 84 селения. Ущерб достиг почти 3 миллиардов лир.

Стоит напомнить, что месяц спустя, в ноябре 1951 года, на севере Италии вышла из берегов река По — пострадало от наводнения несколько сот тысяч человек. Уже тогда правящие круги Италии старались убедить народ, будто стихийные силы природы «не могут быть укрощены». Разумеется, это было ложью. Существует большая литература, созданная еще в годы объединения Италии, о почвенных условиях Калабрии и реки По. Талантливые ученые посвятили жизнь доказательству того, что человек способен противостоять природе, оградить от ее враждебных сил свою землю. Они обращались к правящим классам с просьбой действенно помочь предотвращению повторяющихся бедствий. Но итальянский империализм растрачивал национальные силы на захватнические войны, оставляя целые районы страны не защищенными от стихии. В наши дни продолжается антинародная политика вооружений, навязанная Италии Соединенными Штатами, а десяткам тысяч итальянцев предлагают вручить «воле неба» плоды своего труда и жизнь детей.

Общественное мнение страны не раз уже требовало использовать средства не на производство пушек, а для защиты земель Италии от стихийных бедствий. Кое-что было сделано после наводнений 1951 года, но очень, очень мало. В Калабрии для людей, лишившихся имущества и крова, построили бараки. Но в этом году жалкие постройки были сметены мощными потоками воды. Несколько насыпей, возведенных в этих местах, тоже не могли устоять под напором наводнения.

— Что поделаешь? — вздыхают люди, правящие Италией.— Надо просить бога, чтобы он не посылал наводнения!

Эту фразу можно часто услышать в теперешней Италии, особенно в церквах.

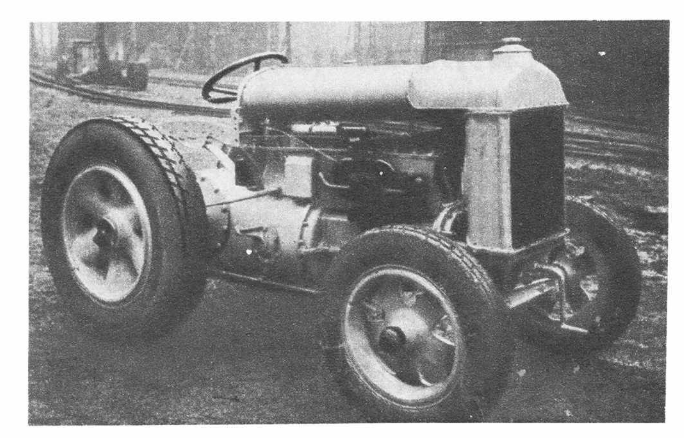
Под давлением народного негодования правительство на этот раз поспешило выделить Калабрии несколько сот миллионов лир. Если бы это было сделано два года назад, вероятно, несчастье могло бы быть предотвращено. Теперь же этих денег недостаточно. Итальянский народ требует серьезной национальной программы широких мероприятий.

Рим.

Мужчины, женщины и дети бежали из деревень Калабрии, залитых водой. Полураздетые они приютились где попало. Все их имущество погибло.

Из экспонатов музея С. М. Кирова. Путиловский трактор переоборудованный в тягач.

Экспонат кировского музея

В Ленинграде нет, пожалуй, такого крупного завода или фабрики, где не бывал Сергей Миронович Киров. Об этом напоминают нам экспонаты музея С. М. Кирова. В эти дни, когда исполняется 19-я годовщина со дня злодейского убийства С. М. Кирова, особенно многолюдно в музее.

Киров в цехах «Электросилы», «Большевика», Металлического завода имени Сталина, «Красного гвоздильщика», фабрики «Красный ткач», завода имени Егорова... Особенно тесной была связь Сергея Мироновича с рабочими «Красного путиловца» — Кировского завода. В партийной организации третьего механического цеха Киров состоял на партийном учете, приходил сюда на партийные собрания.

В те годы путиловцы осваивали выпуск советских тракторов. Сергей Миронович часто появлялся в цехах, беседовал с рабочими, вникал в детали организации производства, следил за успехами молодых тракторостроителей.

Летом 1931 года с конвейера сняли 25-тысячный трактор. Трактору номер 25002 рабочие присвоили имя Кирова и просили отправить эту машину в лучший колхоз.

Под стеклом на алом бархате лежит крохотный нагрудный знак. На нем изображен трактор с маркой «Красного путиловца». Это юбилейный значок, отчеканенный в честь 125-летия завода и преподнесенный Кирову.

Интересен демонстрируемый в музее экспонат № 77. На фото запечатлен тягач. На обратной стороне фотографии — запись С. М. Кирова, сделанная 13 ноября 1931 года. Это фотография трактора, изготовленного на «Красном путиловце» и переоборудованного в тягач по техническим расчетам С. М. Кирова.

В тот период ощущался недостаток в транспорте для перевозки грузов. Возникла идея использовать красноπутиловские тракторы как тягачи. Многие ленинградцы и сейчас помнят эти тягачи с прицепами на крюке. Они курсировали тогда на территории заводских дворов и по улицам города, доставляя тысячи тонн груза к магазинам, складам, вокзалам.

К. ЧЕРЕВКОВ

Памяти словацкого патриота

Десять лет назад в боях за украинский город Овруч погиб смертью храбрых командир чехословацкого партизанского отряда капитан Ян Налепко (партизанская кличка — Репкин).

Сын словацкого крестьянина, он стал сельским учителем, а затем, призванный в армию, окончил офицерскую школу. Честный патриот, Налепко был возмущен капитуляцией чешской буржуазии перед гитлеровцами. Попав в составе словацкой части на территорию Советской Белоруссии, временно оккупированную фашистскими захватчиками, Налепко установил контакт с белорусскими партизанами.

Весной 1943 года большая группа чехословацких солдат и офицеров под командованием Налепко включается в состав советского партизанского соединения. Уже через несколько месяцев за активное участие в боевых операциях Ян Налепко и многие его товарищи были награждены медалями.

В ноябре того же года перед чехословацкими партизанами была поставлена задача — принять участие в штурме вокзала украинского города Овруча. Под руководством Яна Налепко партизаны прорвались к вокзалу. В одной из уличных стычек отважный сын словацкого народа Ян Налепко пал смертью храбрых.

Трудящиеся Овруча переименовали в честь Налепко одну из улиц своего города.

В 1945 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Яну Налепко было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В октябре 1948 года президент Чехословацкой Республики Клемент Готвальд посмертно наградил Яна Налепко высшей наградой республики — орденом «Белого Льва».

Жива память о стойком патриоте словацкого народа Яне Налепко, скрепившем своей кровью дружбу народов Чехословакии и СССР.

Ф. МОЛОК

Ян Налепко.

Лекторий в Рязани

Новое здание лектория.

В центре Рязани высится красивое светлорозовое здание. Его фронтон украшен барельефом, в центре которого — раскрытая книга.

Здесь помещается рязанское областное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В просторном здании, вступившем в строй в текущем году, имеются большой зал, кабинеты секций и другие служебные комнаты.

По вечерам сюда направляются рабочие, студенты, инженеры, учителя, люди самых различных профессий и возрастов. В этом «народном университете» трудящиеся Рязани слушают лекции по истории Коммунистической партии и марксистско-ленинской теории, международному положению, по вопросам коммунистического воспитания подрастающего поколения, знакомятся с историей родного города.

Сейчас здесь читают циклы лекций для животноводов, хлеборобов, овощеводов, работников МТС, популяризируя опыт передовиков сельского хозяйства.

В нынешнем году члены общества прочитали около четырех тысяч лекций, в том числе более половины в районах области. Областное отделение объединяет около двух тысяч представителей интеллигенции.

Вл. РУДИМ

Последний пароход...

Последний пассажирский пароход уходит из Горького в затон.

Фото Н. Капелюша.

В этом году зима долго не могла сковать льдами широкую Волгу. В середине ноября даже потеплело, и пассажирские пароходы возобновили рейсы от Горького до Городца, Юрьевца и Кинешмы. Странно было видеть меж заснеженных берегов суда, раздвигающие стальными корпусами крошево льда.

За минувшую навигацию по великой водной артерии страны — Волге — перевезено огромное количество грузов. Широко использован новый метод вождения, с помощью толкания. Освоена трасса, протянувшаяся от Москвы до Ростова-на-Дону, испытаны первоклассные дизельэлектрические пассажирские суда.

Но вот густо повалил снег, по реке пошел сплошной лед, и последние пароходы поспешили в затоны. Умолк шум корабельных винтов, заглохли в заволжских далях гудки, погасли огни маяков. Сейчас над Волгой бушуют метели, и по ледяным полям на тысячи километров пролегла невиданная в мире ледяная дорога. Там, где проходили самоходные баржи и сияющие зеркальными иллюминаторами пассажирские экспрессы, по льду мчатся колхозные грузовики, идут тракторы, тянутся санные обозы.

А в затонах, судоремонтных мастерских, на заводах готовят суда к будущей большой навигации.

Е. КАРПАЧЕВ

«Магистраль» во дворе

Камышловское ремесленное училище № 1 — старейшее в Свердловской области. Оно выпустило тысячи путейцев, вагонников, паровозников и других специалистов железнодорожного транспорта.

В прошлом году учащиеся соорудили во дворе училища железнодорожную «магистраль». Семафор, рядом с ним — будка путеобходчика, стрелочный пост, а немного дальше — светофор. Вдоль железнодорожного полотна установлены путевые знаки.

Эта «магистраль» со всем своим сложным хозяйством — хорошее учебное пособие. Будущие путейцы получают здесь первые практические навыки. Монтеры знакомятся с автоматической блокировкой, обслуживают учебную высоковольтную линию.

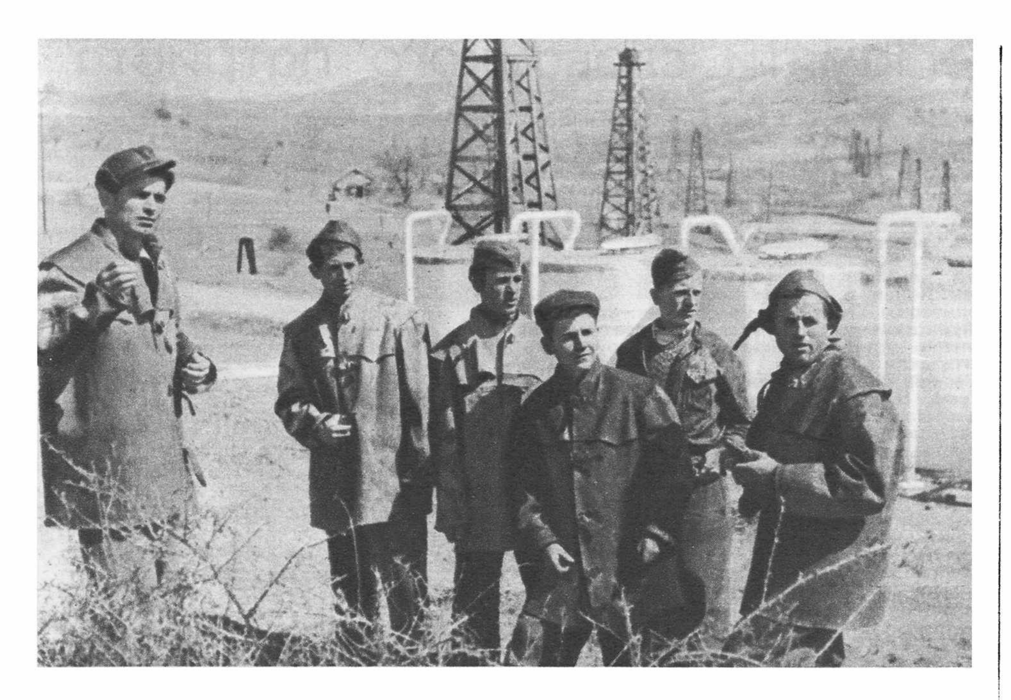
Ю. УРАЛОВ

Учащийся Г. Чупраков знакомит с управлением стрелки новичка В. Кучигина.

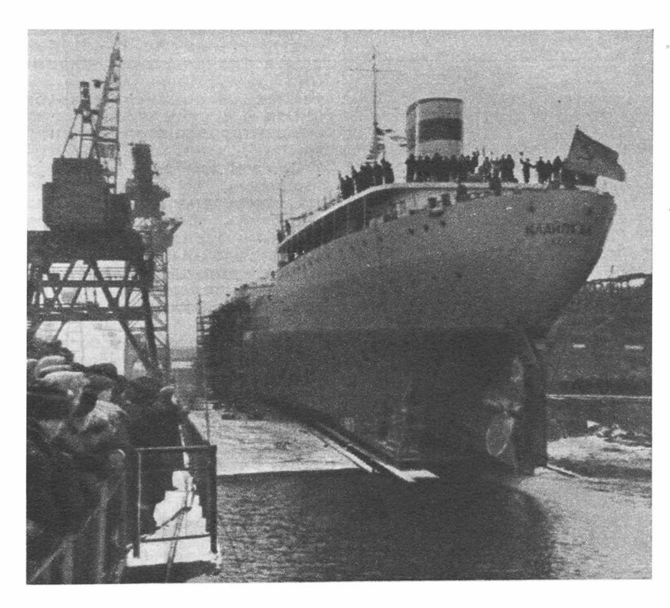
Фото И. Шубина.

29 ноября исполняется девять лет со дня освобождения Албании от фашистского ига. Свой национальный праздник албанцы встречают трудовыми достижениями в промышленности, в сельском хозяйстве, науке и культуре. Вместе со всей молодой албанской индустрией растут предприятия нефтяной промышленности. Сплошной лес вышек окружает города Сталин и Патос — центры нефтедобычи Албании. Рабочие из месяца в месяц увеличивают здесь добычу «черного золота». На снимке: бригада, руководимая Вели Алайбей (первый слева), выступившая инициатором соревнования за высокую культуру производства.

Советские танкеры

Спуск на воду танкера «Клайпеда».

Утром подул свежий морской ветер, в воздухе закружились снежные хлопья, и обширная территория судостроительного завода вмиг покрылась белой пеленой. На фоне зимнего пейзажа еще отчетливее вырисовывались огромные корабли, стоящие на стапелях в строительных лесах, повисшие в воздухе крановые стрелы, высокие стены производственных корпусов...

Воскресный день. Цехи безмолвствуют. Стоит необычная тишина. Но уже в начале двенадцатого часа заводской двор заметно оживает. Собираются судостроители, одетые по-праздничному, многие идут с женами и детьми. Предстоит большое событие: на воду спускается новый океанский корабль.

Вот и стапель, на котором высится готовый к спуску танкер. На бортах носовой части и на корме надпись: «Клайпеда». Через весь корабль вытянулись в ниточку флаги расцвечивания. По обе стороны судна, вдоль стапеля, стоят сотни людей. Здесь и те, кто проектировал, и кто строил, и гости.

— Товарищ директор! Спусковая комиссия подтвердила готовность танкера «Клайпеда» к спуску на воду! — докладывает командующий спуском судна. — Все команды расставлены по местам. Прошу разрешить спуск нового корабля на воду!

— Добро! Разрешаю! — слышится ответ.

Зрители устремляют взоры на корабль. Со всех сторон несутся возгласы:

— Пошел!

Загремел оркестр. Взлетела к небу ракета, возвещая о рождении еще одного мощного корабля советского торгового флота. Скользя по насаленным спусковым дорожкам, «Клайпеда» набирает скорость.

— Ура! В путь добрый! — кричат судостроители.

Танкер сползает в воду и бросает якорь. Но люди долго не покидают набережную, любуясь красавцем-кораблем.

Это событие было не единственным на заводе в воскресный день. Закончились швартовые испытания однотипного танкера «Ленинград», являющегося одним из серии подобных судов, которые начал строить завод Министерства транспортного и тяжелого машиностроения СССР.

Мы поднимаемся на палубу танкера «Ленинград». Этот современный огромный корабль спроектирован советскими инженерами. Его длина — 145,5 метра, ширина — свыше 19 метров. По трапу и площадкам спускаемся в машинное отделение. Здесь смонтирована дизельно-редукторная установка. Серебристым металлом поблескивают два мощных отечественных дизеля. Управление машинами ведется с небольшого автоматизированного пульта. Грузоподъемность судна — 10 тысяч тонн горючего.

В проекте корабля ряд принципиальных новшеств. Его корпус цельносварной; строился танкер крупными секциями, которые подавались на стапеля для сборки корабля. Это значительно ускоряет и удешевляет строительство. Танкер «Клайпеда» был спущен на воду через шесть месяцев после закладки.

На танкере, как и на каждом корабле советского торгового флота, предусмотрены удобства для экипажа. Матросы живут в одноместных и двухместных каютах, оборудованных всем необходимым. В красном уголке и каюткомпании — пианино, картины, библиотека.

...«Ленинград» уходит на ходовые испытания. На стапелях высится еще один, третий по счету танкер.

К. ПЕТРОВ

Встречи в Вене

Из зала заседаний сессии Всемирного Совета Мира

Двери небольшого двухэтажного дома Дреерпарк, у границы знаменитого Венского леса, гостеприимно раскрылись для участников сессии Всемирного Совета Мира.

Они прибыли в Вену из разных стран Европы, Америки, Азии, Африки, движимые высокой целью — содействовать ослаблению международного напряжения, обсудить пути дальнейшего развития борьбы народов за мир, изыскать новые средства для объединения всех миролюбивых сил.

Небольшой голубой зал. Сцена окружена флагами всех государств земного шара. Мы найдем в этом зале деятелей науки, артистов, врачей, служителей культа, писателей, поэтов — людей большого мужества и высокой честности, чье слово в защиту мира не раз глубоко волновало все прогрессивное человечество. Рядом с писателем героической Кореи Хан Сер Я, японским ученым Икуо Ояма, видным итальянским деятелем Пьетро Ненни мы видим и людей, которые примкнули к движению сторонников мира совсем недавно.

...Внимательно вслушивается в слова доклада Жолио-Кюри индийский юрист Индер Сингх, впервые присутствующий на заседании Всемирного Совета Мира. Семь лет назад Индер Сингх закончил юридический факультет университета в Дели. Он выступает у себя в штате как адвокат, большей частью в уголовных процессах. Был министром в правительстве одного из крупных штатов на севере Индии.

Что заставило его оставить свои дела и совершить нелегкое путешествие из Индии? Когда Жолио-Кюри закончил свою речь, мы спросили об этом Индера Сингха.

— Я заинтересован,— говорит он,— в мирном разрешении корейского вопроса. Поэтому я приехал в Вену. Люди Индии, как всех других стран, видят ныне во Всемирном Совете Мира своего духовного руководителя...

Все, что я слышу здесь, подтверждает это. Решения сессии, я убежден, вселят новую уверенность в сердца миллионов людей...

...Бразильский писатель Жоржи Амаду знакомит нас со своей соотечественницей, одной из популярных актрис Бразилии, исполнительницей народных песен Венжией Орика. Она приехала в Вену со своим отцом Освальдо Орика, депутатом парламента, писателем и ученым.

— Вы, наверно, желаете знать,— говорит госпожа Орика,— почему я здесь? Потому, что на этом совещании собрались представители всех рас, наций и религий и у всех желание защитить мир. Я увидела здесь людей, глубоко убежденных в силах мира, глубоко верящих в то, что они проповедуют и что чувствуют сердцем. Лично я всегда была далека от борьбы, вся моя жизнь была в искусстве...

— Песни госпожи Орика,— вставляет слово Жоржи Амаду,— это тоже борьба за мир...

— Да, я люблю песни, особенно навеянные негритянским и индейским фольклором. Ведь у нас в Бразилии живут белые, желтые, черные. Народные песни любой страны — это песни о мире и счастье...

Теперь все эти песни наполняются для Венжии Орика новым смыслом. Она хотела бы, чтобы уверенность, которая царит в этом зале, передалась всем большим и малым народам: тогда война станет невозможной... Когда сессия закончится, Венжия Орика поедет в Советский Союз.

— Я буду петь в Москве и русские песни,— говорит она.— Я выучила их в Бразилии потому, что в них звучит голос народа, который ценит мир и хочет мира...

Таких людей, как Индер Сингх, как Венжия Орика и ее отец, привела в Вену тревога за судьбу мира. Они присутствуют здесь в качестве гостей и наблюдателей. Но широкая, свободная дискуссия, развертывающаяся с трибуны, глубоко захватывает и их. И это понятно, ибо нет сегодня вопросов более важных, чем те, которые стоят в центре внимания сессии: разрешение международных разногласий и конфликтов путем соглашений, приемлемых для всех, урегулирование корейской и германской проблем, запрещение водородной бомбы и всех видов оружия массового уничтожения, сокращение вооружений...

...На сессии Всемирного Совета Мира кулуаров нет. Участники сессии все время в зале. Выступают представители Италии, Франции, Англии, Вьетнама. Они говорят о желании народов идти по пути мира, о том, что общественное мнение становится доминирующим фактором в решении международных проблем и не считаться с ним нельзя.

Отвечая на вопрос вашего корреспондента, председатель Канадского Конгресса защиты мира Джеймс Эндикотт говорит:

— Вопрос об ослаблении международного напряжения сейчас приобрел величайшую важность. Народы все более активно поддерживают идею искренних переговоров, честное стремление к соглашению во всех областях. Они видят в этом единственно верный путь разрешения международных проблем, угрожающих миру. Сессия Всемирного Совета Мира, я уверен в этом, будет способствовать мобилизации общественного мнения в защиту мира, сделает его более эффективным. Сессия, безусловно, привлечет к движению за мир новых людей. Мы, сторонники мира, должны быть оптимистами и верить, что все трудности и осложнения, которые стоят на пути ослабления международного напряжения, будут преодолены.

...Участники сессии окружают в перерыве профессора Генриха Брандвейнера и поздравляют его с недавним избранием в председатели Австрийского совета мира. Это совпало с другим, тоже значительным событием в его жизни: восстановлением в правах профессора Грацского университета. Как известно, за свою деятельность в защиту мира Брандвейнер был уволен из числа профессоров. После его поездки в Корею, когда он выступил с разоблачением зверств американских интервентов, его даже хотели судить. Брандвейнер расценивает свое возвращение в Грац как успех австрийских сторонников мира, которые выступили в его защиту.

Профессор Брандвейнер считает, что нынешняя сессия явится новым важным стимулом для дальнейшей борьбы за мир, за ослабление международного напряжения.

— Мы, австрийские сторонники мира,— говорит профессор Брандвейнер,— сделаем все для того, чтобы решения сессии и все, что здесь происходило, стало известно австрийскому народу.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Вена (по телефону).

Таджикская курдючная

Вице-президент Академии наук Таджикистана
Г. А. АЛИЕВ

— Я не буду говорить о том, какие у нас высокие горы, бурные и многоводные реки,— обо всем этом сказано в любом учебнике географии. Отмечу только, что и климат и горы чрезвычайно усложняют работу животноводов. Ведь у нас так: на горе зима, а в долине лето. И, конечно, никакие привозные породы животных к таким условиям привыкнуть не могут. А свои — и овцы и коровы — имеют очень много недостатков.

Вот потому-то мы и занялись улучшением гиссарской породы овец. Эта овца дает много мяса и сала. А шерсти стригут с нее немногим больше полукилограмма в год, да и то грубой, непригодной для промышленности. Двадцать лет занимаются ученые гиссарскими овцами. Скрещивали их с мериносами — получались овцы с полугрубой шерстью. У них и мясо вкусное и вес хороший, но они утрачивали свое драгоценное качество — курдюк.

— Удалось ли вам вывести курдючную овцу с хорошей шерстью?

— Да, удалось, хотя, честно говоря, мало кто верил, что мы сможем это сделать. Много было толков и споров. И тем не менее такую породу, в которой сочетались бы сразу три качества: мясо, шерсть и сало,— получили. Не сразу, конечно. Больше семи лет пришлось работать мне и моим помощникам Евгению Григорьевичу Задорожному и Татьяне Михайловне Васильевой. Назвали мы новых овец курдючными шерстяными, а хотим перекрестить в курдючных таджикских. Имеется пока эта порода овец только в одном хозяйстве — в Куйбышевском овцесовхозе Сталинабадской области. Там насчитывается двенадцать тысяч овец, из них около четырех тысяч сочетают нужные качества в хорошей пропорции. Это еще немного, но для начала неплохо.

— Кто родители новой породы овец?

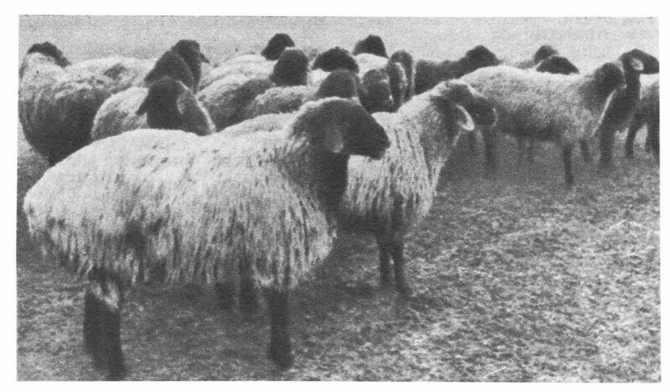
— Гиссарская овца и сараджинский баран. Таджикская курдючная сохранила все качества гиссарской овцы: ее вес, курдюк, а самое главное, она приобрела длинную шерсть сараджинских овец. Шерсть у новой овцы стала даже длиннее, чем у сараджинов. Длина шерсти — в среднем 35 сантиметров, и, что очень важно, она белого цвета — в любой можно выкрасить.

Шерсть таджикской курдючной широко используется в текстильной промышленности: из нее ткут отличные ковры, изготовляют сукно для шинелей.

— Что делают ученые Таджикистана для улучшения пород крупного рогатого скота?

— Эта область животноводства у нас еще отстает, но сейчас есть все основания надеяться, что эту отсталость мы преодолеем. У нас уже выведена новая порода коров, которая в 2—2,5 раза крупнее местной и молока дает в 6—7 раз больше.

До последнего времени разведение крупного рогатого скота затруднялось отсутствием необходимых кормов. Я говорю, затруднялось, потому что теперь эта проблема близка к разрешению. Действительному члену Таджикской академии наук Семену Ивановичу Плешко после многолетних трудов удалось разработать новую для наших мест систему севооборота. Теперь остается провести ее в жизнь.

Таджикские курдючные овцы.

125-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ФРАНЦА ШУБЕРТА

В Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Выступают С. Рихтер и Н. Дорлиак.

Фото М. Озерского.

Общественность столицы отметила 125-летие со дня смерти великого австрийского композитора Франца Шуберта, творчество которого знают и любят советские слушатели.

В Большом зале Московской консерватории состоялось торжественное заседание, проведенное Министерством культуры СССР, Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей и Союзом советских композиторов СССР, посвященное памяти Франца Шуберта.

После торжественной части был дан большой концерт из произведений Шуберта, в котором приняли участие мастера искусств столицы.

Электричество — селам

Газопровод Саратов — Москва проходит по территории пяти областей Российской Федерации. Расположенные по трассе компрессорные станции представляют собой индустриальные предприятия с механическими мастерскими и энергетической базой. Эти станции снабжают электричеством десятки сел.

Немало электрической энергии отдают компрессорные станции колхозам и МТС Кораблинского района, Рязанской области, и Кирсановского района, Тамбовской области.

Более миллиона киловатт-часов ежегодно получают сельскохозяйственные артели Луховицкого района, Московской области.

Работники газопровода помогают колхозам строить теплично-парниковые хозяйства.

Л. СТРОЕВ

Мяч на воде

Московский бассейн № 2. Финал «Кубка СССР» по водному поло. Фото А. Бочинина.

Еще летом начались соревнования на «Кубок СССР». Приз оспаривало более двухсот команд. Однако после каждой встречи число их сокращалось: проигравший коллектив выбывал из розыгрыша. К заключительным играм дошло всего 16 коллективов.

Пожалуй, наиболее интересной была встреча в ¼ финала между московскими командами ЦДСА и «Динамо». И в том и другом коллективе — известные мастера, входящие в состав сборной СССР по водному поло. Первый тайм закончился со счетом 1 : 0 в пользу динамовцев. После перерыва армейцам удалось забить три мяча, пропустив в свои ворота еще один гол. Таким образом, с результатом 3 : 2 они вышли в полуфинал, выиграв его у бакинской команды Краснознаменной Каспийской флотилии.

В финале команда ЦДСА встретилась с чемпионом СССР 1953 года — московским «Торпедо». Армейские ватерполисты выиграли со счетом 8 : 1.

Мастер театрального искусства

Театральная общественность отмечает 50-летие со дня рождения народного артиста СССР Михаила Ивановича Царева.

С юных лет М. И. Царев посвятил себя сценическому искусству. Его первым учителем был известный артист Ю. М. Юрьев. Окончив школу при бывшем Александринском театре (ныне Государственном академическом театре драмы имени Пушкина), Царев дебютировал на ленинградской сцене в Большом драматическом театре, затем с успехом работал в Махачкале, Казани, Симферополе. В 1937 году он был принят в труппу Малого театра, где вскоре выступил в роли Чацкого в спектакле «Горе от ума».

Уже в этой роли ярко сказались особенности дарования Михаила Царева: романтическая приподнятость и воодушевленность игры, свободное владение стихотворной речью, склонность к четкому, выразительному внешнему рисунку образа. Прошло уже пятнадцать лет, но и поныне М. И. Царев играет свою любимую роль.

Ряд лет играл он Шарля Гранде в инсценировке «Евгения Гранде» Бальзака, играет и по сей день Хиггинса в «Пигмалионе» Бернарда Шоу, Жадова в «Доходном месте» А. Н. Островского.

Но больше всего усилий артист отдает воплощению образов наших современников. Генерал Огнев во «Фронте» А. Корнейчука — темпераментный, целеустремленный военачальник новой, советской формации; Гарри Смит в «Русском вопросе» К. Симонова — честный американский журналист; Макс Вента в «Заговоре обреченных» Н. Вирты — мужественный воин лагеря мира и демократии — вот роли, наиболее близкие дарованию М. И. Царева.

Народный артист СССР М. И. Царев.

М. И. Царева знают не только зрители Малого театра, но и многочисленные радиослушатели, знакомые с ним как с мастером художественного слова и прекрасным чтецом.

В настоящее время М. И. Царев готовит роль Макбета в одноименной трагедии Шекспира, которую Малый театр предполагает показать в 1954 году.

С 1950 года артист М. И. Царев является директором Малого театра.

А. АНАТОЛЬЕВ

На земле Албании

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунки Ф. Решетникова.

Шкильким Бумчи, начальник строительства текстильной фабрики в Тиране.

В горах и у моря

Мы совершили по Албании много поездок. Мы подымались на почти отвесные стены гор по дорогам, вырубленным зигзагами, наподобие того, как изображают электрическую молнию на мачтах линий высокого напряжения.

Каменный карниз дороги свободно висит над бездной. Ощущение такое, словно паришь в воздухе. Но, признаюсь, при этом мы не испытываем орлиного тщеславия... Как-то не очень хотелось на такой дороге отвлекать нашего шофера Пилё разговорами, хотя он сообщал нам очень интересные факты.

Указывая на вертикально торчащую скалу цвета слоновой кожи, он задумчиво произносит:

— Здесь мы уничтожили целый отряд оккупантов в 1942 году.

Проезжаем по краю глубокого ущелья, на дне которого бьется и рычит весь в голубой пыли водяной поток. Пилё, простирая руку над пропастью, категорически заявляет:

— Здесь скоро будут строить гидростанцию.

Показывая на селение Дримадесс, каменным гнездом прилепившееся к скалистому боку высоченной горы, Пилё выпаливает единым духом:

— Тут очень хорошие маслины, уже построена гидростанция, лучшие наши шоферы — из этой деревни.

Пилё отличался исключительной лаконичностью. Но когда однажды сквозь утреннюю дымку тумана мы увидели возвышающуюся многозубчатой каменной башней гору Томори, Пилё торжественным голосом прочел нам стихи Зако-Чаюпи:

Ты гора, наш храм, отец Томори,
Все ты знаешь сам про наше горе.
То, что было, каждый не забудет,
Расскажи нам лучше то, что будет.

Потом он вдруг стал спрашивать, загибая при каждом утвердительном ответе палец на руке:

— В политехникум мы ездили? В педагогическом, в сельскохозяйственном институте были? Сельскохозяйственные кооперативы объездили, МТС тоже? На текстильном комбинате имени Сталина были? На гидростанции имени Ленина тоже? На новую стройку на реке Мат ездили? На рисоочистительном заводе, на табачной фабрике были? Вот всего этого у нас до освобождения не было. А теперь есть, и еще много будет!

Так в прозе Пилё дополнил то, чего не сказала гора в стихах Чаюпи.

Мы приехали в селение Бордж...

Албанские пионеры, дети пастухов, заботливо и нежно выращивают породистый молодняк.
— Вот смотрите!— говорили они нам с гордостью.— Это же не ягнята, а львы!

Мы приехали в селение Бордж... Между горами и морем лежала земля, рассеченная каналами. А на ней, как на параде, выстроились тысячные шеренги совсем юных апельсиновых и лимонных деревьев.

Этот цитрусовый питомник возник недавно, возник на земле, только что отвоеванной у болот субтропических джунглей. Столетние платаны и чинары торчали здесь, как древние сторожевые вышки: ползучие растения с колючками, острыми, как когти рыси, оплетали всю эту землю своей зеленой проволокой; лианы, толстые, как морские канаты, мертвыми узлами вязали древесную гниль. Болото кишело водяными гадами. Здесь даже птицы не летали, а только летучие мыши.

В 1947 году шестьдесят рабочих будущего питомника, вооруженных только топорами, лопатами и веревками, вступили в битву с болотными джунглями.

Рабочий Василь Кабуци рассказывает нам:

— Я был партизаном. Когда нечего было есть, я ел траву. Когда не было патронов, я сбрасывал на врагов камни. Но все это нельзя даже сравнить с тем, когда по пояс в воде в зимние ливни — они продолжаются до шести месяцев — приходилось рубить твердые, словно из железа, стволы платанов толщиной чуть ли не в нефтяную цистерну... А потом, когда подрубленное дерево наконец падало, его нужно было в этот же день распилить на куски и оттащить их к морю, иначе болото засасывало древесину... Я не знаю, где у вас находится Колхида. Но я слышал о том, что советские люди, осушая ее болота, дрались с природой, как и мы. Это воодушевляло нас...

В нынешнем году весной сюда пришел советский трактор на гусеничном ходу. Мощный, как танк, он за месяц выкорчевал столько деревьев, сколько люди корчевали в год с неимоверным трудом...

Василь предложил нам посмотреть, как трактор выдергивает чинары, словно гнилые зубы.

Гигантская чинара рухнула на наших глазах так, точно ее швырнула на землю взрывная волна. А потом мы увидели и советский трактор. Он волок за собой захлестнутое стальным тросом дерево, будто оно внутри пустое, как птичья кость.

Юноша-тракторист в зеленой майке и замасленной феске, завидя Василя Кабуци, задорно крикнул:

— Готово четыре гектара, завтра пахать буду!

— Вот видите,— с ласковой усмешкой сказал Кабуци,— четыре гектара! И он еще вечером с девушками поплясать успеет: четыре гектара — ему дело привычное. А нам, когда на первых своих двух гектарах, раскорчеванных вручную, мы посадили первые саженцы, хотелось плакать от радости!

В этом году питомник снабдил сельскохозяйственные кооперативы пятьюдесятью тысячами саженцев. Партия дала указание превратить в цитрусовые рощи все побережье. Так и будет. Вчера сюда прислали еще два мощных советских трактора.

Секретаря партийной организации питомника зовут Тине Чалё, она два года вместе со всеми рубила и выкорчевывала заросли, спала на поваленных деревьях, потому что не было сил добраться до дому. Недавно она сказала на собрании: «Было время, когда старейшина рода вручал юноше, достигшему совершеннолетия, оружие, и юноша становился мужчиной. Советская страна дает нам машины. Тот, кто не умеет обращаться с машиной, подобен жалкому человеку, не умеющему владеть оружием. Все члены партии должны изучить трактор».

— И вот сейчас все мы учимся в кружке трактористов,— говорит Василь Кабуци.— Хотя я лично считаю, что иногда Тине Чалё позволяет себе слишком резко говорить с мужчинами, которые, бывало, с одной винтовкой обращали вспять роту врагов...

Это строят бывшие пастухи

Во Влоре мы были на строительстве мощного автоматизированного цементного завода.

Гигантские колонны цилиндрических печей, опоясанные стальными обручами зубчатых передач, наклонно лежали на бетонных лафетах, словно стволы орудий, предназначенных стрелять снарядами для межпланетных путешествий. Так по крайней мере выглядели здесь эти изделия Уралмаша, водруженные в седловине меж гор, среди серебристых оливковых рощ и мясистых агав.

Этот завод строили бывшие албанские крестьяне и пастухи, ныне бетонщики, арматурщики, монтажники, электрики. Подобные профессии были неведомы в старой Албании.

Неведомы были они в той Албании, о которой ее поработители хвастливо вещали в туристских путеводителях, что эта страна занимает первое место в Европе по нищете и отсталости народа, что это — единственное европейское государство, где нет железных дорог.

В народно-демократической Албании построены не только железные дороги, фабрики и заводы. Творческая энергия народа получила такое всестороннее и свободное развитие, что только диву даешься, как быстро и глубоко люди овладевают тут важными для строительства социализма знаниями, профессиями.

Сали Вита носит почетное прозвище «Лев туннелей». Это один из лучших строителей горных дорог в Албании.

Мы увидели здесь и советских людей с обжаренными южным солнцем лицами — мужественных

строителей. Биографии их еще далеко не дописаны. Но в этих биографиях уже числятся заводы, построенные и в нашей тундре, и в тайге, и в песках Средней Азии, и в дружественных нам странах.

Никто из них в разговоре с нами не распространялся ни о своих заслугах, ни о трудностях, с которыми приходится встречаться на каждом шагу. Но вот о своих албанских товарищах они могли говорить бесконечно. Говорили с любовью, восхищаясь их трудовым упорством, неиссякаемым энтузиазмом и жадностью, с которой они перенимают передовой опыт советских строителей.

— Наше дело не только завод поставить,— сказал мне советский инженер, приехавший сюда из Польши.— Нужно здешних людей поднять до уровня высокой техники — вот главное!

Молодые албанские специалисты почти с благоговением говорили нам о советских товарищах. И было видно: ничто не роднит людей больше, чем общий труд, и нет ничего прекрасней и могущественней на свете, чем воплощенная в трудовых свершениях дружба народов.

«Вечер воспоминаний»

Вечером мы сидели с Федором Решетниковым на берегу залива, смотрели на море и, вспоминая все виденное за последние дни, тщетно пытались навести какой-то порядок среди обилия нахлынувших впечатлений. Рыбаки, освещая воду белыми лучами бензиновых ламп, манили в сети рыбу. Казалось, что чистый и нежный запах пушистых пунцовых цветов, растущих в камнях набережной, исходит откуда-то из усыпанного звездами зеленоватого неба.

— Послушайте, Федор Павлович,— сказал я,— пожалуй, первое, о чем следует рассказать дома,— это то, что мы видели на цементном заводе.

Решетников долго молча ходил у самой воды, хрустя галькой, потом нерешительно возразил:

— Вы же беседовали со Шкилькимом Бумчи, начальником строительства текстильной фабрики в Тиране? Ему восемнадцать лет. Он научился говорить по-русски у советского инженера. После двух лет работы Бумчи расставался с ним с такой же горечью, как сын расстается с отцом. Так вот расскажите о нем...

Мы стали припоминать, перебивая друг друга:

— А Левта Шани? Она сняла на своем участке в десять гектаров по двадцать два центнера хлопка с гектара и после того, как в Албанию приезжала Басти Багирова, научилась собирать хлопок обеими руками и собирала в день по сто тридцать шесть килограммов!..

— А то, что во всей Албании до освобождения только шестьсот женщин работало на производстве, а сейчас их двадцать пять тысяч?

— А деревня Зерват, где мы были в греческом сельскохозяйственном кооперативе,— он носит имя погибшего греческого партизана Григория Барка!.. Помните, как эти греческие крестьяне пели песню о другом своем, тоже павшем герое, Ерго Караяни: «О тебе, Ерго, плачут горы и долины, и весь наш народ плачет о тебе. Мы празднуем день освобождения, а тебя нет среди нас. Тебя нет, но мы строим новую жизнь здесь и будем строить ее и в Греции».

— А помните концерт в Шкодере? Мы слушали фрагменты из оперы «Пограничники» молодого албанского композитора Тонина Харапи... И потом, в Доме пионеров Шкодера встречались с отцом пионера Ника Ндрека, которого задушили диверсанты, после того как мальчик отказался дать им сведения о людях родного села. Его подвиг и послужил темой произведения Тонина Харапи, и трудно забыть эту музыку гнева и торжества человеческого духа...

Все — для трудового человека

Завтра в албанский порт Дуррес придет «Трансильвания». На ней предстоит нам совершить обратный путь на родину.

Последние часы бесед с албанскими друзьями. Нет уже времени для того, чтобы восполнить зияющие прорехи в путевых заметках. А сколько бы еще нужно узнать и расспросить!

Профессор Федор Федорович Талызин, сидя в садике под сенью субтропических растений, обсуждает вместе с албанскими врачами планы работ Научного медицинского общества, созданного в Албании в период только что окончившегося месячника дружбы.

Лицо Талызина одухотворенное, он с таким упоением произносит латинские фразы, словно это не названия болезней, а строфы из стихов Гомера.

В годы освободительной борьбы сотни албанских селений единодушно подымались на борьбу с оккупантами и наносили им тяжелые поражения. Даты этих побед стали днями народных праздников. Крестьяне деревни Широкой собрались, чтоб отметить десятую годовщину своей победы над отрядом иноземных захватчиков.

После каждого посещения новой больницы Талызин возвращался к нам, охваченный волнением. В больнице Гьинокастра он видел спасенных от смерти людей: молодые албанские врачи сделали им операции, применив самые последние, новаторские методы советской хирургии.

Во Влоре в детском костнотуберкулезном санатории его приветствовала девочка-пионерка стихами, посвященными Советской стране. Потом она сказала:

— Когда на всей земле станет социализм, нигде никакие дети не будут болеть туберкулезом и все люди будут счастливыми.

После того, как мы побывали в поликлинике в Корче, где за последний год было зарегистрировано только два новых заболевания малярией, Федор Федорович Талызин, сияя от радости, заявил:

— Друзья, это крупнейшая победа албанского здравоохранения. Ведь район Корчи был самым свирепым очагом малярии!

Академик Елизавета Ивановна Ушакова считает, что в победе над болотом немалая заслуга принадлежит и албанским агрономам.

Действительно, на месте осушенного озера Малить, служившего смертоносным источником малярии, сейчас простираются плантации сахарной свеклы, по производству которой Корчанская область занимает первое место в стране. Когда из земли извлекли корневище величиной с кабанью голову, лицо Елизаветы Ивановны вспыхнуло. Она взяла в руки эту черноволосатую глыбу, определяя ее вес. Потом вынула из сумочки перочинный нож, осторожно отрезала от свеклы тонкий ломтик и, как дегустатор, закрыв глаза, съела его при общем почтительном молчании.

Свой приговор она произнесла сурово и отрывисто:

— Хороша свекла, процент сахара высокий!

Захватив горсть земли с бывшего дна озера Малить, Елизавета Ивановна долго мяла ее, растирала между пальцами, нюхала и, не без сожаления расставаясь с ней, лаконически изрекла:

— Золото!

Вслед за Елизаветой Ивановной мы исходили много километров по полям сельскохозяйственных кооперативов под нестерпимо жгучими лучами солнца, мечтая хотя бы о самой тощей тени. А Елизавета Ивановна неутомимо рвалась все дальше, обрадованная тем, что видела, и тем, что, по ее мнению, может еще дополнительно подарить здешняя благодатная земля.

* * *

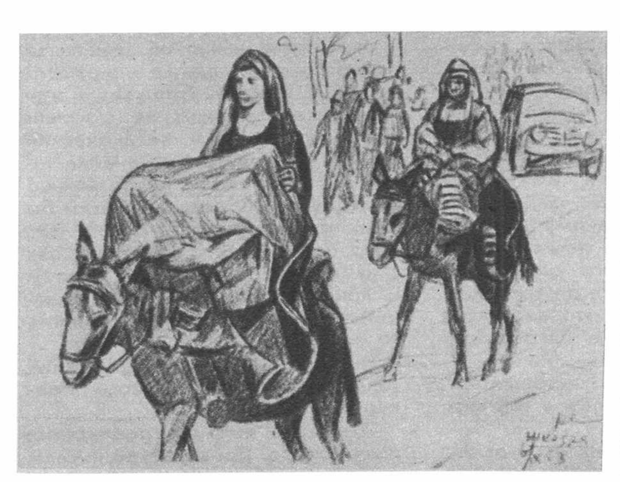
И вот мы снова на палубе «Трансильвании». Но теперь албанская земля не приближается к нам, а удаляется от нас. Уже видны над водой только одни фиолетовые вершины гор. Потом и они исчезли. И только море трепещет своей бирюзой и небо горит голубым пламенем. Потянулись угрюмые коричневые скалы Пелопоннеса.

Бомбардировщики с греческими опознавательными знаками бомбили воду вокруг плавающих мишеней — парусиновых конусов, орудия грохотали на берегу. Маневры... Довольно отвратительная пародия войны, которая разыгралась здесь под строгим полицейским надзором американских эсминцев.

И снова безбрежное море, чистое, лазурное.

И снова нам увиделась Албания, мужественная, гордая, сильная духом своего народа, страна наших друзей, страна единого лагеря мира.

Тирана.

Из самых далеких горных селений албанские крестьяне съезжались на свой народный праздник. И среди них было немало женщин-крестьянок, которые с оружием в руках сражались против врагов.

Одному из этих кавалеристов предстоит читать на празднике стихи. — Самое главное, не волноваться, помни, что ты мужчина,— дает последние наставления испытанный друг юного чтеца.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ КЕЛЬНСКОГО ТОКАРЯ

И. ЛИНДЛЕР

Эта история — не литературный вымысел. В дни Всемирного конгресса профсоюзов в Вене ее рассказал делегат конгресса от Западной Германии беспартийный слесарь из Кельна Иозеф Линдлер, а затем по просьбе нашего корреспондента записал этот рассказ о злоключениях своего друга в том виде, как он печатается ниже.

Рабочий-токарь из Кельна — назову его Густав — вернулся два года тому назад из плена. В разбомбленном американцами городе он с большим трудом отыскал свою семью. Жена с детьми ютились в каком-то погребе под развалинами большого дома. Хотя жена представила в полицию документы о том, что Густав — ее муж и отец ее двоих детей, ему долго не разрешали поселиться вместе с ней. Только после долгих хлопот, уплатив последний десяток марок за прописку, он наконец был снова признан жителем Кельна, города, в котором родился.

После долгих поисков Густав нашел временную работу. Он решил соорудить над погребом хоть подобие какой-то комнаты. В учреждениях, ведающих строительством,— точнее, бумажной перепиской об отсутствующем строительстве,— это намерение не встретило возражений. Однако затея явно превышала финансовые возможности токаря. Пришлось самому добывать строительные материалы из хаотического нагромождения обломков.

Однажды, орудуя ломом и лопатой, Густав нашел кусок кабеля: здесь когда-то проходила телефонная линия. Токарь отнес кабель в лавку старьевщика. Там ему, сверх всякого ожидания, предложили сказочные деньги — шестьдесят марок! Честный рабочий переспросил старьевщика, думая, что тот ошибся, назначив такую цену. Но старьевщик успокоил Густава: дело в том, что оккупационные власти платят за цветные металлы высокую цену: они ведь вывозят их за границу и перепродают с огромной прибылью...

Густав вернулся домой веселый: он рассчитывал, что теперь постройка жилья быстро двинется вперед. Но дело шло к зиме; деньги пришлось истратить на топливо и теплую одежду для семьи. И тут-то пришла ему несчастная мысль: поискать, не найдется ли в развалинах еще кабеля. Скоро он нашел еще несколько метров, отнес старьевщику и на вырученные деньги раздобыл все, чего ему недоставало для постройки комнаты.

Прошло около полугода. Вдруг старьевщика арестовывает полиция и опечатывает все его приходо-расходные книги. Оказалось, что он совместно с группой местных спекулянтов занимался перепродажей крупных партий металла и тем «провинился» перед оккупационными властями, считавшими это дело своей монополией. На беду Густава в книгах была обнаружена запись о проданном им кабеле.

На очной ставке в полиции токарь признал, что действительно продал старьевщику найденные в развалинах куски кабеля. Но так как полиция доискивалась, кто перепродал большие партии металла, а старьевщик своих друзей-спекулянтов выдавать не хотел, то обвинение обратилось против Густава. Его посадили в следственную тюрьму.

Шесть месяцев просидел он в камере, от сырости сплошь покрытой грибком. Расшатавший здоровье на войне, измученный морально, терзаемый страхом за судьбу семьи, Густав тяжело заболел. Но к тому времени банда спекулянтов была тоже арестована, и токарь попал на скамью подсудимых, как обвиняемый по большому «показательному» процессу. Явно желая выслужиться перед оккупационными властями, прокурор требовал для обвиняемых «примерного наказания». О вине Густава прокурор говорил так, будто речь шла о повреждении телефонных проводов на действующем предприятии, а самого «преступника» блюститель закона рисовал в таких мрачных красках, что Густаву стало казаться, будто он и впрямь закоренелый злодей.

Густава приговорили к двум годам тюрьмы. Почтово-телеграфное ведомство сверх того предъявило иск «в возмещение убытка» в размере двух тысяч марок. Иск судом был удовлетворен. Отбывать наказание Густаву пришлось в центральной тюрьме города Кельна.

Как только токарь очутился в тюрьме, его заставили работать по специальности в принадлежащем тюремному ведомству предприятии. Оно выполняло заказы частных предпринимателей и торговцев. Здесь, разумеется, никакой охраны труда не было и в помине, царила самая изощренная потогонная система, не говоря уже о зверском обращении с заключенными мастеров-надсмотрщиков. Густав написал письмо в адрес юридического бюро социал-демократической партии. Он описывал совершенно нечеловеческие условия труда, отсутствие элементарных предохранительных устройств на электроустановках, тусклый свет, ужасную духоту в цехах. Письмо это тюремная цензура задержала под тем предлогом, что заключенным «воспрещается обсуждать административные правила».

Тогда Густав решил обратиться в прокуратуру. Прибывший оттуда чиновник вел с ним долгий разговор и все уговаривал его отказаться от дальнейших жалоб: прокуратура-де обещает ему «помочь во всех отношениях». Но ничего, как и следовало ожидать, не изменилось. Зато обвинения, выдвинутые Густавом против администрации, подтвердились: в мастерских вскоре произошла крупная авария, и это стоило жизни нескольким заключенным.

По мере того, как «производственный план» этого каторжного предприятия расширялся, условия труда становились все хуже. В тех же тесных и душных цехах начали работать еще на какого-то крупного спекулянта, того же примерно сорта, что и люди, с которыми Густаву выпало на долю сидеть вместе на скамье подсудимых. Раньше этот спекулянт имел собственный завод, а потом, как и многие его коллеги в Западной Германии, предпочел стать посредником по экспортной торговле и поэтому закрыл свое предприятие и выбросил рабочих на улицу. Война в Корее создала «хорошую экспортную конъюнктуру», и этот тип весьма ловко использовал органы юстиции, чтобы систематически выжимать прибыли из труда заключенных: ведь дневная плата заключенному составляла всего сорок пфеннигов!

Густаву стало ясно, что судебные органы в Западной Германии, по сути дела, играют роль посредников: доставляют сверхдешевую рабочую силу для капиталистов, наживающихся на военных поставках и прочих спекулятивных аферах. С грустью понял он также, что, вероятно, немало людей органы юстиции нарочито запутывают в свои сети за «преступления», подобные тому, в котором обвинили его...

Пока Густав отбывал наказание и терял последние силы на подневольной работе, учреждение, ведающее «строительством», вдруг решило взять обратно когда-то выданное ему разрешение на постройку комнаты. Жене и детям Густава пришлось переселиться в подземный бункер, где ютилось еще несколько семей.

Наконец пришел срок, и Густава выпустили из тюрьмы. Не успел он повидаться с семьей, как почтово-телеграфное ведомство потребовало уплаты присужденных двух тысяч марок «возмещения за убытки». Разумеется, взять с нищей семьи было нечего. Истец «пошел навстречу»: было решено, что Густав станет вносить в погашение долга по 15 марок ежемесячно с начислением 6 процентов годовых.

Проходит еще несколько дней. Густаву приносят из ведомства юстиции «счет» на оплату расходов... по содержанию его в тюрьме. Сумма счета составляет тысячу марок, уплатить предлагается в течение трех суток.

Но не успели истечь эти трое суток, как токаря вызывают в бюро по налогам. Там ему было предложено погасить «задолженность» по подоходному налогу. Налог, оказывается, начислялся с «полной суммы» его заработка, которую Густав имел до того, как попал в тюрьму. И это несмотря на то, что в тюрьме он получал гроши.

Терпение токаря истощилось. Густав написал жалобу в органы прокуратуры.

«Я прошу,— писал он,— отменить требования, которые ко мне предъявляются, как бесчестные и незаконные.

С первого дня моего пребывания в заключении я работал по своей специальности — токарем.

Я не знаю, требует ли закон, чтобы каждый заключенный работал так тяжело, как работал я и другие заключенные, но уж, во всяком случае, есть различие между рабочим, имеющим квалификацию, и подсобным, неквалифицированным поденщиком. Разница в почасовой оплате составляет 50 пфеннигов, значит, в день — четыре марки, а в месяц — около 100 марок. Все два года я получал одинаковую плату с неквалифицированными рабочими, следовательно, я дал, по крайней мере, тысячи две прибыли. Выходит, что тяжелое положение мое было использовано в целях наживы. Я нахожу это бесчестным! Это никак не вяжется с моим представлением о законе и законности.

Теперь — второе. Ссылаются на закон, что заключенный должен платить за свое содержание. Но почему же мы втроем были помещены в камеру, рассчитанную на одного человека,— не для извлечения ли большей выгоды? И не потому ли месяц за месяцем, несмотря на устные протесты, мы получали только пятую часть питания, предусмотренного правилами?

Ваши требования об уплате за содержание в тюрьме опираются на закон, который был введен при гитлеризме. Можно ли с точки зрения требований человеческой морали оправдать применение таких законов теперь, после войны? Было бы очень печально, если бы нам пришлось когда-либо с вас потребовать такого же отчета, как с нацистских начальников тюрем и концлагерей. Несмотря на ясный урок, вы продолжаете делать то же самое...»

Так писал западногерманский токарь западногерманскому прокурору.

Ответ на письмо последовал очень скоро. Прокуратура писала, что все требования, предъявляемые к Густаву, вполне обоснованы с точки зрения закона и поэтому отмене не подлежат.

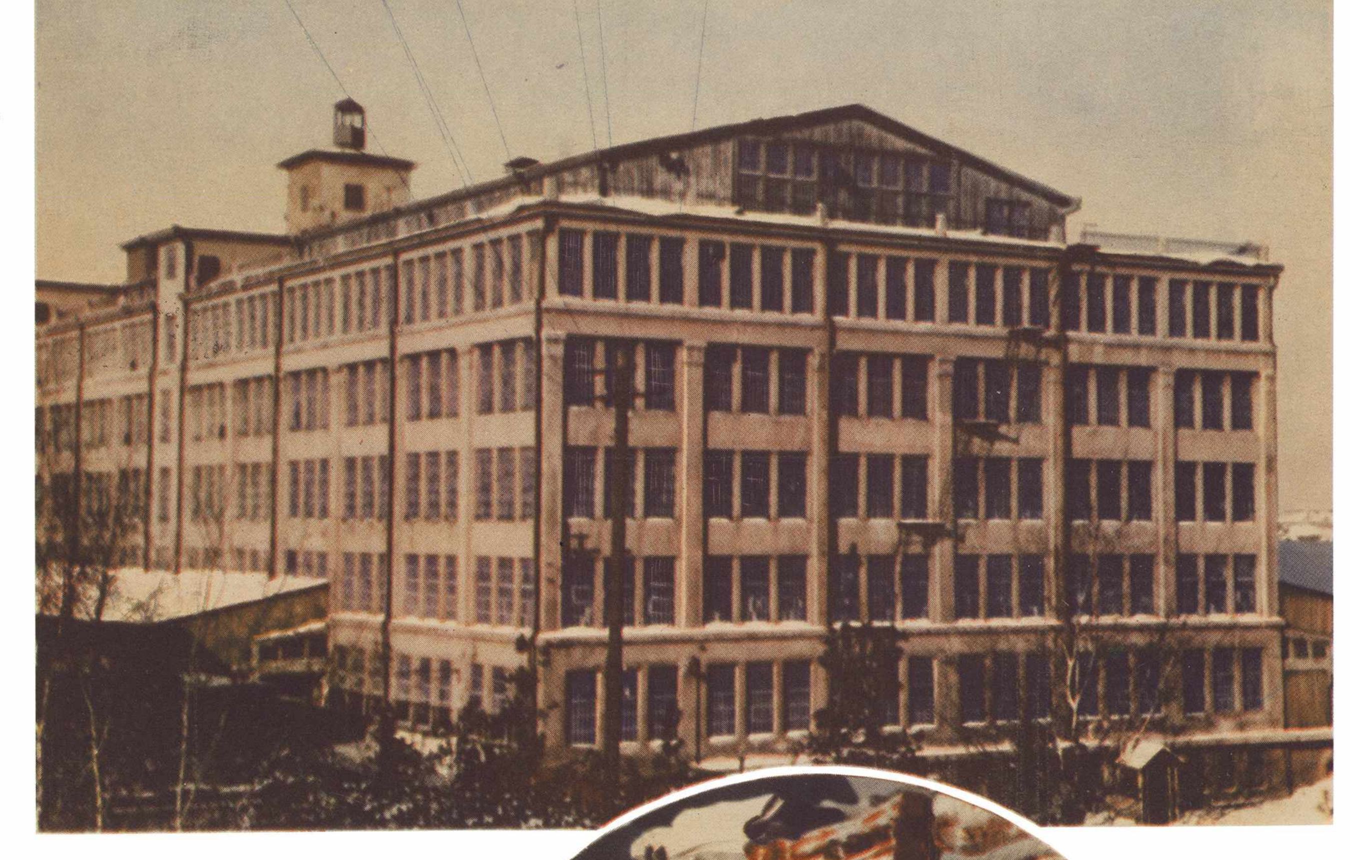
Чуть ли не каждый прохожий на улицах западногерманских городов находится под подозрением полиции. На этом снимке, помещенном в итальянском журнале «Вие нуове», запечатлен момент, когда полицейские обыскивают случайного прохожего в поисках антиамериканских листовок.

Слесарь-инструментальщик ленинградского завода «Экономайзер» лауреат Сталинской премии Иван Петрович Карташев.

Фото С. Фридлянда.

Общий вид здания Ивановской выходной базы.

В текстильном крае

Фото Я. РЮМКИНА.

Дом этот, с виду такой суровый, хранит в своих стенах веселое и пестрое богатство. Каждый день по широкой дороге подъезжают к нему машины, и люди грузят в лифт тяжелые брезентовые тюки, туго стянутые деревянными шестами. Из Иванова и Вичуги, из Кинешмы и Родников — со всей Ивановской области свозят на выходную текстильную базу несметное количество хлопчатобумажных тканей. Отсюда его путь к потребителю.

Ситцы и сатины, гладкокрашенные и пестротканные, одежные ткани и штапельные полотна — все, чем славен текстильный край, недолго ждет отправки. Проверено, упаковано — и в дорогу.

Каждый день вдоль платформы выстраиваются на подъездных путях тридцать железнодорожных вагонов.

→ Передовые работницы Ивановской выходной базы Александра Морозова (слева) и Антонина Марфина контролируют прибывший с фабрик товар.

↓ Так выглядит один из цехов выходной базы.

Каждый день база грузит и отправляет около трех миллионов метров тканей.

Может случиться, что где-нибудь в далеком селе женщины войдут в магазин и разочарованно ахнут: одни горошки!.. Нет, этого не случится. Перед отправкой ткани заранее складывают в кипы, подбирая куски так, чтобы ассортимент был богатый, разнообразный.

Кипу зашивают в плотную матерчатую рубашку, с двух сторон окружают дощатыми стенками и, сжав под тяжелым прессом, окантовывают жестяной лентой. С верхних этажей по широким винтовым спускам, окованным толстым медным листом, кипы с тканями опускаются вниз. Готовые в путь, как две капли воды, похожие одна на другую, здесь они ожидают отправки. Чтоб ни одна из них не заблудилась в этом море деревянных ящиков, на их дощатые стенки ставят штампы — цифры и буквы. Теперь штапельное полотно в синий горошек не зашлют туда, где его не ждут, и сатин в больших ярких цветах не перепутают с теплой клетчатой фланелью...

С разных концов страны приходят на выходную базу отзывы торгующих организаций о том, какая ткань пользуется спросом, какая долго лежит на полках. Здесь внимательно изучают все пожелания, знакомят с ними фабрики.

Когда в одном из московских универмагов была открыта выставка тканей ивановских фабрик, посыпались отзывы. Люди разных профессий говорили свое слово: «От Никитина Ф. А. за хорошую расцветку большое спасибо!», «Ваши ткани поражают своей красотой, сочностью красок, подходят любому возрасту. Рисунки один лучше другого», «Желательно иметь по черному сатину голубые цветы — некрупные, редкой разброски», «Полки магазина цветут, как поле летом. Спасибо ивановским текстильщикам за труд, за добрую заботу о советских людях!»...

К. Яковлева

Упаковщица Мария Невзорова.

На машинно-счетной станции Ивановской выходной базы. Табуляторщица Александра Степанова (на переднем плане) за работой на счетно-аналитической машине.

Василий Афанасьевич Гребешков пятьдесят лет работает браковщиком мануфактуры в Иванове. Свой опыт он передает молодой браковщице Але Новиковой.

У телевизора. В семье колхозницы Анны Андреевны Юхановой. Колхоз «Путь к коммунизму», Раменского района, Московской области.
Фото Б. Кузьмина.

МАШИНЫ ЛУГОВ И ФЕРМ

Подборщики-копнители действуют одновременно.

М. АРЛАЗОРОВ,
Д. ПОЛОНСКИЙ

Технику, способствующую крутому подъему сельского хозяйства, с нетерпением ждут колхозы и совхозы. Особенно остро нуждаются в ней животноводы. Лугам и фермам страны нужны новые разнообразные машины. И это понятно: работы, связанные с животноводством, очень трудоемки. Они начинаются далеко от скотных дворов. В горячую пору, когда наступает сенокос, людям становится особенно трудно. Инженеры ополчились на эти трудности. Созданные ими машины по-новому повели уборку. Это машины коллективного действия — одна помогает другой.

Ножи широкозахватной двухвалковой косилки, работающей «в содружестве» с трактором «ДТ-54», первыми встречаются с травой, посеянной в степи человеком. Машина движется вперед, оставляя позади четырнадцатиметровую полосу скошенных растений. Убирая за смену 70 гектаров, косилка укладывает свою продукцию двумя аккуратными валками. Недолго лежать им тут. Едва трава подсохнет, как ее подберут другие машины.

Два подборщика-копнителя действуют одновременно. Такая спаренная установка, точно два больших совка, подбирает провяленное сено. Скользнув вверх по горке (дну этого совка), сено проваливается в клетку из металлических прутьев. Когда наполнившаяся клетка освобождается от груза, в поле вырастает копна.

Однако самое интересное впереди. Подъехавший стогометатель подхватывает копну, и 700 килограммов сена легко отрываются от земли. На мгновение повиснув в воздухе, копна опускается на широкую платформу. Здесь в течение одного часа собирается стог — настоящая гора сена весом в 12 тонн. К платформе прицеплен трактор, и эта сухопутная баржа буксируется к ферме.

Машины, о которых мы рассказали, созданы работниками Всесоюзного научно-исследовательского института механизации и электрификации совхозов (ВНИИМЭСа) в тесном содружестве с конструкторами нашей промышленности. В минувшее лето эти машины можно было встретить на полях Ростовской области. Там, где еще совсем недавно трудились 130 человек, имевших в своем распоряжении тракторную косилку и 36 лошадей, теперь легко управляются двенадцать человек.

Однако заготовка кормов — только половина дела...

Цех-кухня

Старая поговорка гласит: «У коровы молоко на языке». Современный зоотехник перевел бы ее так: в рацион животных входит 16 видов различных кормов. В нашей стране есть фермы, где содержатся тысячи коров, свиней, птиц. Строго соблюдая режим, животных кормят на этих фермах несколько раз в сутки. Пищу нужно готовить тоннами. Какие руки справятся с этой работой?

— Не только человеческим рукам, но даже машинам не всегда по плечу такой труд! — говорит инженер Владимир Георгиевич Васильев.

Мы познакомились с Васильевым в подмосковном совхозе «Петровское». Здесь инженер Васильев вместе с работниками Всесоюзного института механизации сельского хозяйства Г. И. Новиковым и А. Е. Астаховым спроектировал и построил цех приготовления кормов. В цехе мало людей. Немного и машин, однако это никак не отражается на количестве выпускаемой продукции.

Васильев раскрывает нам «секрет» возможностей цеха. Его производство организовано по наиболее совершенному способу — потоку. Этот способ позволил организовать приготовление кормов без прикосновения человеческих рук.

Поток начинается у приемников «сырья». Зерно попадает на шнек — винт длиной в несколько метров, который гонит его к небольшой мельнице. Однако, чтобы попасть под ее жернова, зерну придется подняться на верхний этаж. К его услугам своеобразный лифт. Маленькие ковшики-кабинки закреплены на ленте. Движение ленты происходит безостановочно, и пока одни ковши опрокидывают свой груз, другие черпают новые порции.

Сбегающая с жерновов мука держит путь к бункерам. Плотно прижавшись друг к другу, бункера висят под потолком цеха. На них таблички: «Ячмень», «Комбикорм», «Кукуруза», «Овес»...

Целый лабиринт транспортеров связывает мельницу с этими кладовыми. Но заблудиться невозможно. Каждому сорту муки услужливо открывается заслонка нужного бункера.

Теперь по рецепту зоотехника, главного технолога этого необычного цеха, надо составить питательные смеси. Движение рычага открывает муке дорогу к весам.

Управляя рычагами, работница без всякого напряжения перемещает тонны кормов, смешивая их точно отмеренными порциями.

Как будто бы в весах, помогающих выполнить эту работу, нет ничего особенного. Но их история раскрывает одну характерную черту советских конструкторов: создавая новую машину, они всегда помнят о людях, которые будут пользоваться ею.

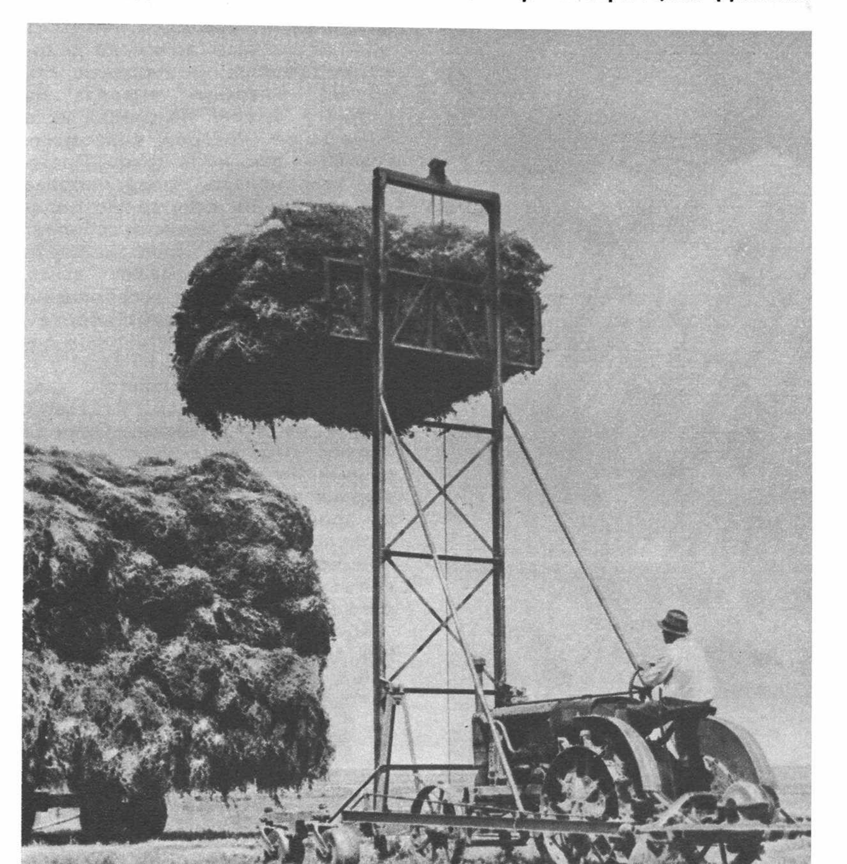
Поначалу в цехе установили обычные весы. Но каждый раз, отвешивая очередную порцию смеси, работница вынуждена была отходить от рычагов, чтобы переставить гири. За смену 140 хождений туда и обратно. Небольшое расстояние — 18 метров — вырастало в 2,5 километра. Теперь ходить не нужно. Показания весов видны на циферблате. Не требуется и перестановка гирь.

Путешествие корма продолжается. Он заполняет бункера готовой смеси. Бункера наверху, под потолком. Но смесь лежит в этих промежуточных кладовых недолго. Когда работница открывает заслонку, сила тяжести влечет смесь вниз, наполняя подъехавшие серебристые цистерны.

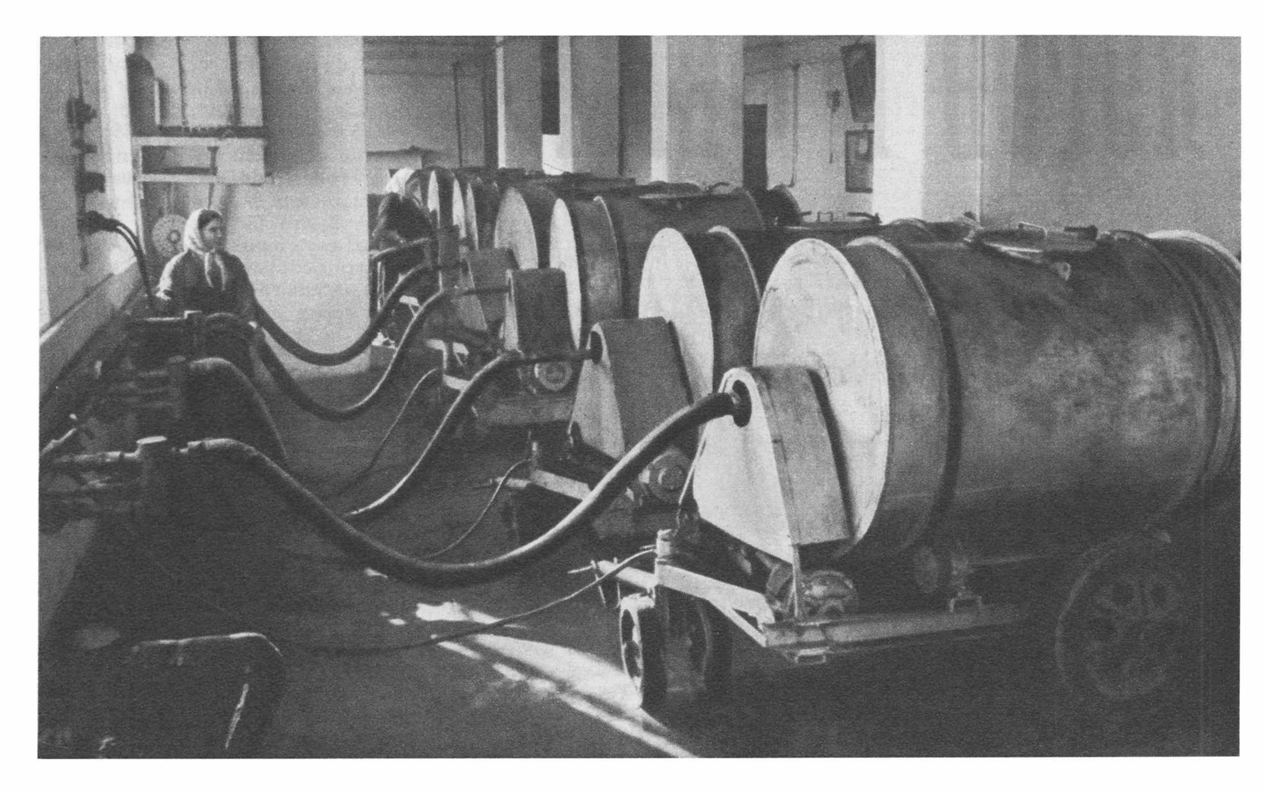
Приняв до 500 килограммов сухой смеси, цистерны догружаются овощной крошкой. Картофель и корнеплоды, пошедшие на приготовление этого винегрета, уже тщательно вымыты, измельчены — это сделано другими машинами.

Цистерны устанавливаются перед трубами, подающими воду и пар. Смесь запаривается и одновременно перемешивается. Отсюда и название устройства: запарник-смеситель. Через положенное время запарник (опять-таки механически) выдает готовую продукцию. Ее можно развозить по кормушкам.

Говорят, хорошее познается сравнением. Вероятно, поэтому одна из старейших работниц совхоза «Петровское», Ольга Николаевна Петражицкая, часто вспоминает о совсем недавнем прошлом. Она работает в совхозе девять лет, и ей хорошо памятны облака пара, наполнявшего помещение старого кормоцеха. Двигаясь

Семьсот килограммов сена легко отрываются от земли. В течение часа на платформе собирается двенадцатитонный стог.

В строю кормозапарников завершается процесс подготовки кормов.

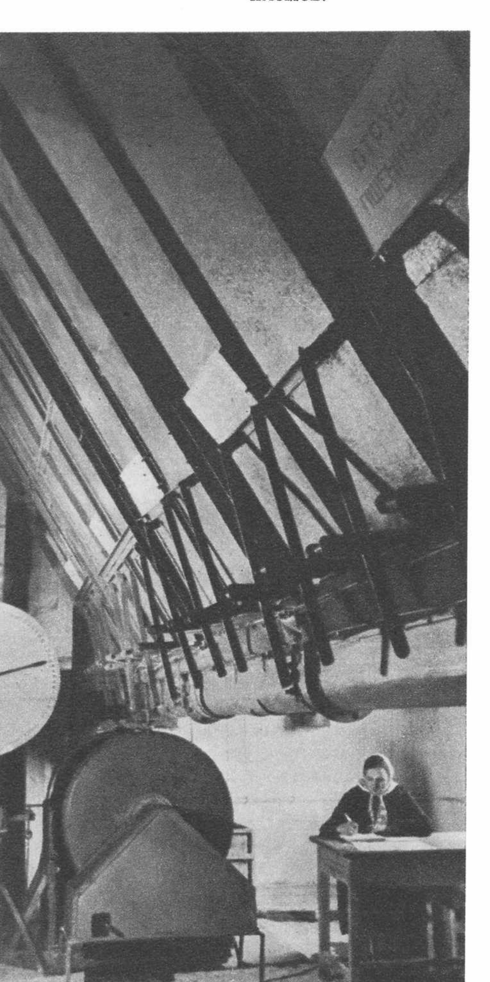
в густом тумане, люди натыкались друг на друга. «А теперь,— говорит Ольга Николаевна,— пар аннулировали, и легче стало».

Но «аннулировали» не только пар. Работница, лопатой и вилами месившая корм, стала уверенно управлять механизмами.

Семь человек заготовляют корма для сотни коров и четырех тысяч свиней. Эту возможность дал им поток.

Подбирая оборудование кормоцеха в соответствии с масштабами хозяйства, можно построить «кухню» и для небольшого стада и для фермы, где содержатся тысячи голов рогатого скота, свиней, птицы.

Теперь по рецепту зоотехника Ольга Николаевна Петражицкая составляет смеси при помощи механизмов.

Новая техника — новое качество

В научно-исследовательском институте, принимавшем участие в проектировании кормоцеха для совхоза «Петровское», был спроектирован и другой цех — доильный.

Лучшие в мире советские электродоильные аппараты, освободившие доярок от тяжелого труда, уже получили широкое распространение. Однако многое в процессе доения все же оставляло желать лучшего. Доение происходило на скотном дворе, аппараты вручную переносились от коровы к корове, молоко переливали во фляги и опять-таки вручную доставляли на приемный пункт. В молоко, надоенное на скотном дворе, где развозились корма и убирался навоз, проникали бесчисленные полчища микробов.

Этим невидимым врагам была объявлена жестокая война. Ее повели научные сотрудники института В. Ф. Королев, В. П. Похваленский и В. П. Ларин. Повели — и одержали победу.

...Настали часы дойки, но доярки не торопятся в коровник. Напротив, животных выводят из скотного двора, направляя их в помещение, которое колхозники называют доильным цехом. Прежде чем попасть сюда, корова должна пройти санитарную обработку. Пылесос начисто собирает пыль и грязь с ее шерсти. Струи теплого душа омывают вымя. Только после этой, совершенно обязательной процедуры коровам разрешают переступить порог доильного цеха.

Стены светлого и чистого зала облицованы кафелем. Раздается звонок. Вводят животных. Один за другим работница включает доильные аппараты. Шланги от них тянутся к молокосборникам. В поле зрения доярки одновременно пять коров. Она лишь следит за процессом, временами поглаживая вымя вакуум-массажным аппаратом.

Быстро наполняется прозрачный цилиндр. Шкала мерной линейки, прижавшейся к стеклу, позволяет точно учитывать удои.

Поворот небольшой рукоятки — и молоко, накопленное в приемных резервуарах, хлынуло по стеклянным трубопроводам к приемному пункту. Весь путь молока от вымени коровы до резервуара измерялся даже не минутами, а секундами. И, что самое главное, к молоку не прикасались человеческие руки.

Молоко должно быть идеально чистым. Случайных загрязнений не может быть: на пути потока стал очиститель. Только очищенное молоко поступает на охладительную установку.

Именно здесь и происходит то, чего так настойчиво добивались наши ученые.

Молоко содержит все питательные вещества и витамины. Но, увы, оно продукт скоропортящийся. Скисание происходит довольно быстро. Даже парное молоко способно только на протяжении 20—30 минут задержать развитие попавших в него бактерий.

Для того, чтобы предотвратить быстрое размножение бактерий, молоко должно быть абсолютно чистым и охлажденным. В доильном зале удалось получить такое чистое молоко (ведь оно не соприкасалось ни с атмосферным воздухом, ни с руками доярок). Если его немедленно охладить, а затем хранить при низкой температуре, все вкусовые и питательные качества сохранятся не 20—30 минут, а двое — трое суток.

О таком молоке уже давно мечтали детские врачи. Ведь обычно, воюя с бактериями, приходилось прибегать к пастеризации, к нагреву до высокой температуры. По дороге от фермы до детской кухни при консультации молоко пастеризовалось неоднократно. И раз от раза уменьшались его питательные свойства.

Член-корреспондент Академии наук СССР Г. Н. Сперанский в свое время обратил внимание на это обстоятельство. Ему хотелось сократить число пастеризаций до одной. Доильные залы, строительство которых будет развертываться в нашей стране, и дают животноводам возможность ответить на эти требования советских врачей.

Цель близка

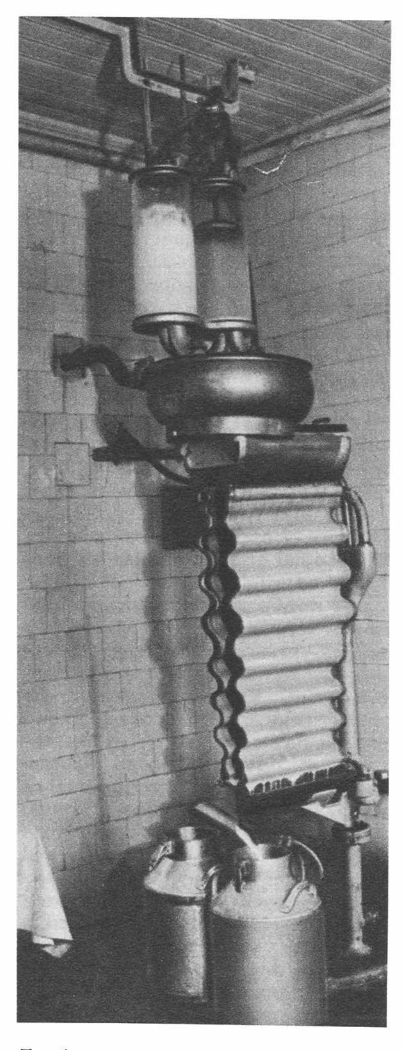
Комплексность и поток — вот основные принципы, лежащие в основе дальнейшей механизации животноводства.

Поточная линия кормоцеха совхоза «Петровское» оборвалась в тот самый момент, когда приготовленную продукцию нужно было раздать животным. Раздачу кормов также необходимо механизировать. Решена и эта задача. Нужные машины сконструированы, построены.

Совсем скоро, в первой половине 1954 года, в подмосковных совхозах «Поля орошения» и «Коммунарка» войдут в строй цехи, где будет механизировано и автоматизировано не только приготовление кормов, но и раздача их животным. Машины и механизмы будут кормить тысячу коров и пятьдесят тысяч кур в «Коммунарке», триста пятьдесят коров и три тысячи свиней в «Полях орошения». А вслед за этими хозяйствами кормоцехи появятся в тысячах колхозов и совхозов.

Доильный цех скоро перестанет быть смелым экспериментом. Молоко, о котором мечтали врачи, пойдет по трубам сотен новых доильных залов, разбросанных по разным районам страны.

Много советских ученых, инженеров, конструкторов работает над созданием новой техники для животноводов. И чем больше машин получат они, тем раньше мы придем к тому, что формулируется одним словом — изобилие.

Трубы доставили молоко на приемный пункт. Стекая по ребристой поверхности охладителя, оно наполняет фляги.

Фото И. Тункеля, А. Узляна и Л. Портера (ТАСС).

АРИЯ ЛЕНСКОГО

Рассказ

Б. ПОЛЕВОЙ

Рисунки В. Высоцкого.

Рукоплескания, как буйный ливень под ударами ветра, то на мгновение стихали, то припускали с новой силой и гремели весело, настойчиво, упорно.

Стоя за кулисой, Сергей Лапшин вытирал вспотевший лоб и, возбужденно улыбаясь, прислушивался к тому, что происходило в зале. Овации слушателей были ему не в диковинку. Он уже давно привык к ним, воспринимал их как нечто само собой разумеющееся.

Но сегодня он пел в родном городе, где не бывал уже много лет, в старинном зале, где когда-то в юности дебютировал как солист хора военных курсантов, где впервые познал он силу своего чудесного голоса, обаяние успеха. И, выходя на эстраду, певец волновался, как в дни первых своих выступлений, волновался так, что принужден был спрятать в карман книжечку в сафьяновом переплете, которую привык держать в руках во время концертов и которая сегодня предательски задрожала, выдавая его душевное состояние.

Земляки встретили Лапшина восторженно. Весь зал поднялся на ноги и, стоя, долго приветствовал его. А певец между тем жадно вглядывался в публику, ища старых друзей.

В зале он не увидал ни одного знакомого лица. Но ему все время казалось, что слушают его и земляки из большого села, славившегося некогда своими ямщиками, и рыбаки, которым он мальчишкой помогал прочесывать бреднем прибрежные водоросли здешних рек, и друзья-комсомольцы, шумевшие некогда под сенью вот этих массивных аляповатых колонн на общегородских собраниях и слетах. Певец чувствовал, как его волнение передается туда, в зал. Это радовало и волновало еще больше.

В этот день Лапшин был необыкновенно щедр. Снова и снова выходил он на вызовы и вместо своих обычных «гвоздевых» номеров, прибереагемых им для «бисов», исполнял старые народные песни, которыми когда-то, еще в годы гражданской войны, пленял в этом зале сердца земляков голосистый эскадронный запевала.

Концерт затянулся больше чем на час, но аплодисменты, вызовы звучали настойчиво. И хотя Лапшин был действительно утомлен, а его аккомпаниатор Иван Арнольдович сердился и требовал, чтобы он поберег голос, певец все же вышел еще раз и спел арию Ленского, которая, как почему-то казалось ему, особенно отвечала его сегодняшнему настроению.

После этого его наконец отпустили.

Разгоряченный, веселый, чувствуя одновременно приятную усталость и легкость во всем теле, он, по-мальчишески перепрыгивая через две ступеньки, сбегáл в артистическую. Аккомпаниатор едва поспевал за ним. И вдруг в конце лестницы дорогу им преградил невысокий человек, настолько коренастый, что фигура его издали могла показаться квадратной. Он был в пальто, кепку держал подмышкой.

— Не узнаешь? — тихо произнес незнакомец, вопросительно посматривая на певца.

И сразу Лапшин все вспомнил.

— Гошка! — воскликнул он, и в голосе его прозвучали и радость и удивление.

Они долго мяли друг друга в объятиях — стройный седеющий блондин в отутюженной фрачной паре и этот квадратный человек в реглане из жесткого бобрика, с простецкой кепкой в руках.

Затем коренастый окинул певца с головы до ног восхищенным взглядом:

— Серега! Да ты ж ни черта не изменился! Такой же красавец-парень — смерть ткачихам!

— А ты... — певец запнулся.

По правде говоря, в этом грузноватом человеке с медвежьей развальцей в походке, с грубоватым лицом, исчерченным тонкими морщинами, он едва узнал самого боевого курсанта кавалерийской школы — Егора Куприянова, весельчака, плясуна, общего любимца, одинаково отличавшегося когда-то и на политзанятиях и на рубке лозы. Да, это был уже не прежний лихой Гошка, который когда-то, в последние дни гражданской войны, заменив в сабельной атаке убитого командира эскадрона, повел курсантов в бой и сам был потом тяжело ранен... Только глаза, светлокарие, зоркие, по-мальчишески озорные, и остались, пожалуй, прежними.

— А я что? — спросил Куприянов, посмеиваясь и по старой своей привычке смотря прямо в лицо смущенному собеседнику.— Постарел, да?

— Ну что ты, что ты!.. Ты чýдно выглядишь. Просто я...

— Серега, врешь,— сказал Куприянов с той прямотой, какой он и раньше отличался во всех своих делах.— Ну, правильно, постарел. Знаю. И ничего в этом обидного нет. Я, брат, уж дедушка, да, да. А ты что думаешь? — Вдруг он спохватился: — Нашли о чем толковать! Ты ведь совсем тут освободился? Ну вот. Сейчас поедем, город тебе наш покажу. Глянешь, что мы тут без тебя отгрохали, а потом ко мне на рюмку чая... Нет, нет, не отказывайся, не выйдет... Я ведь тебя, чертушка ты этакий, все время в сердце держу. Все пластинки, что ты напел, у меня есть. Полное собрание песнопений. Портрет твой на стене висит. Как кто придет: вот глядите, любуйтесь, старый дружок, наш эскадронный соловей куда вознесся!

Их уже обступили. Какие-то незнакомые люди, должно быть, просочившиеся сюда из раздевалки, улыбаясь, слушали разговор старых друзей. Аккомпаниатор Иван Арнольдович, уже успевший переодеться, с чемоданчиком в руке стоял поодаль, нетерпеливо переминался с ноги на ногу и сердито показывал глазами на часы.

Волнение, вызванное неожиданной встречей, уже схлынуло. Лапшину стало неловко. То, что Куприянов, так неузнаваемо изменившийся, держался с ним попрежнему, будто оба они были курсантами, и не желает замечать, что разговор их слушают, ухмыляясь, какие-то незнакомые люди, вероятно, пошучивающие в их адрес, — все это неприятно поразило Лапшина. Ему захотелось поскорее отделаться от Куприянова, попасть в гостиницу и тут наедине с самим собой посмаковать впечатления этой своей встречи с земляками.

Аккомпаниатор понял его.

— Сергей Игнатьевич, голуба моя, мы же должны торопиться,— сказал он, недоуменно косясь на коренастого человека, большие руки которого все еще держали руки Лапшина.

Певец сейчас же ухватился за этот брошенный ему спасательный круг.

— Да, да, Гоша, увы... В гостинице заказан ужин. В двенадцать отходит поезд.

— Нет, нет. Ужинаешь ты у меня... Сегодня женка там вовсю развернулась. А поезд, что поезд? Мы завтра утром тебя со скорым отправим...

— А ты где живешь-то?

— В Красной слободке. Помнишь?

— Та-а-к! И что же ты теперь делаешь?

— Я? — В голосе приятеля прозвучала вдруг нотка удивления, и он почему-то вопросительно взглянул на певца.— Мастером работаю на Первомайке. Не забыл Первомайку? Ну, которая еще над Кавшколой-то нашей шефствовала. Ну, вот там... Сегодня ко мне кое-кто из заводских придет. Поклонники твоего таланта. Да какие! Споешь нам. А?.. Ну, пошли.

Тащиться поздним вечером после концерта на самую далекую окраину, встречаться с какими-то незнакомыми людьми, петь им... Поклонники таланта!.. Нет, бесцеремонность старого друга уже определенно раздражала певца.

— Не могу,— решительно сказал он, подпустив в голос холодку.— И билеты на поезд уже вот тут.

Для убедительности он хлопнул себя по карману фрака, из которого девственно белел уголочек батистового платка.

— Э, что билеты... Ерунда... Говорю, утром со скорым отправим.

— Утром, милый Гоша, я должен быть дома. Днем в театре репетиция. У нас, родной мой, тоже на этот счет строго.

Никакой репетиции ни завтра, ни в ближайшие дни не предполагалось. Лапшин соврал, чтобы не обижать друга, и, к его радости, аргумент был принят. Куприянов отпустил руки артиста, и на немолодом лице его, так странно сохранявшем юношескую живость, отразилось такое искреннее огорчение, что певцу стало его жаль.

Застрял человек в этом городе, живет в своей Красной слободке, и, когда по радио долетает до него из столицы пение друга, можно представить себе, как он гордится, вспоминая юные годы... Пластинки собрал... портрет вон повесил... И, наверное, перед концертом нахвастал всем: придет закадычный приятель. Поди, всю получку на вечеринку потратил... Вон он какой убитый стоит.

— Гоша, ужин в гостинице, бог с ним, пусть пропадает. Но ведь репетиция, понимаешь? — сказал Лапшин как можно ласковее.— А до поезда, верно, давай, пожалуй, по городу прошвырнемся, старину повспоминаем... Да, да, Иван Арнольдович, вы не беспокойтесь, к поезду поспеем. А ты, Гоша, погоди тут, я переоденусь моментально: алюр три креста.

Когда в плаще, в шляпе с полями, чуть приспущенными на левую бровь, моложавый, элегантный Лапшин вышел из артистической, друг его стоял у двери, и лицо у него было все такое же, не то чтобы обиженное, но очень опечаленное.

— Женке звонил. Знал бы ты, как она огорчена. Но мы понимаем, репетиция...— Куприянов тяжело вздохнул.— Ну, чего там, двинулись, хоть город покажу. Эх, днем бы!

Лапшину было очень жаль Куприянова. Душа всех комсомольских сборищ, гордость эскадрона. Какое будущее ему все прочили! И вот... Певцу даже почему-то было совестно перед старым приятелем за свое положение, за сегодняшние овации, которые все еще звучали у него в ушах, за свой моложавый вид. И хотя перспектива бродить по городу мало его привлекала и куда заманчивей было бы сейчас попасть в ресторан новой гостиницы, где, как Лапшин уже успел убедиться, была неплохая кухня, он все же испытывал удовлетворение. Этот вечер он великодушно жертвовал юношеской дружбе...

Пройдя какие-то коридоры, они вышли в общий вестибюль. Последние зрители разбирали с вешалки последние пальто. Когда приятели проходили мимо, все лица повернулись к ним. Для Лапшина это было привычно, но он насторожился, когда уловил за спиной:

— Какой, какой? Этот, в бобриковом реглане? Что с Лапшиным идет?

— Ну да. Они же, говорят, старые друзья... И юный девичий голосок громко перебил:

— Где, где? Покажите, пожалуйста, Куприянова...

Друзья вышли на улицу. Огромные тополи старого городского сада дохнули на них ароматной прохладой. Вершины деревьев темнели, как грозовые тучи, сливаясь с ночным небом, а листья нижних ветвей, просвечиваемые сильными электрическими огнями, нежно зеленели и трепетали, отбрасывая под ноги живые, зыбкие тени. Из сада доносилась музыка. Хороший духовой оркестр играл старинный вальс. За кустами двигались тени гуляющих. Все было очень знакомо. И юность, забытая юность вдруг ожила и нахлынула на певца. В это мгновение он, может быть, впервые понял, как это здорово было когда-то в ладной курсантской гимнастерке, в шлеме-буденновке, в скрипучих ремнях, позванивая шпорами, идти в зеленом светящемся полумраке аллей, идти и думать, что вот-вот за этим поворотом мелькнет тоненькая фигурка, которую сразу отличишь в любой толпе гуляющих.

Маша! И вдруг вспомнилась маленькая стройная девушка с тонким бледным лицом, на которое длинные ресницы точно бы отбрасывали синеватые тени, ее льняные кудри, такие пышные, что если она не повязывала их красной косынкой, они разлетались в разные стороны, и головка ее казалась объятой белым трепетным пламенем. Маша — хохотушка, певунья, насмешница, по которой вздыхал весь второй взвод первого эскадрона и которая, увы, безжалостно предпочла стройному Лапшину коренастого Куприянова. Все: слава, известность, общее внимание, привычные артистические радости и досады,— все это как-то растаяло в звуках старинного вальса и терпком запахе бальзамических тополей. Под купами старых деревьев снова шел, позвякивая шпорами, стройный, гибкий курсант, взволнованно ожидая, не появится ли в полутьме боковой дорожки маленькая головка в красном платочке или в белой кипени льняных кудряшек...

Певец вздохнул.

— Где-то сейчас наша Маша? Помнишь ее?.. Ткачиха...

— Маша? — удивленно переспросил Куприянов и вдруг засмеялся.— Ах да, откуда тебе знать? Маша здесь. Только уж не ткачиха — врач. Да еще какой врач-то! И, между прочим, моя жена. Ну да! Чего ты так на меня уставился?.. Уж как она тебя видеть хотела! Она и концертом-то пожертвовала, чтоб Сережу-певца как следует встретить... Ну чего ж, садись, что ли?..

Оказывается, они стояли уже возле новенькой автомашины, притулившейся к тротуару. Куприянов открыл дверцу и показывал другу на сидение.

— Замечтался!.. А хорошо тогда, Серега, было! А? Юность, брат, — чудесная штука... Ну, лезь, лезь в машину. Времени-то у нас мало.

Сам Куприянов сел за руль. Машину он вел привычно, уверенно, но, как казалось Лапшину, злоупотреблял скоростью.

— Поедем потише...

— Не бойся, не расшибу. У меня права первого класса.

— Любительские? — Певец вопросительно посмотрел на друга.

— Любительские... Да ты не на меня, ты на город гляди, не зевай... Видишь, что мы тут понастроили-то!

Действительно, какие-то новые, совсем незнакомые улицы бежали за стеклом. Крыш домов Лапшину было не видно, но, судя по нижним этажам, на месте пузатых и нескладных купеческих особняков, какие привык видеть здесь его глаз, поднимались большие, красивые дома. От прежнего остались только тополи вдоль тротуаров. Когда-то он сам, в дни комсомольских субботников, сажал их здесь. Тогда это были тоненькие, беззащитные прутики, которые приходилось мочалой привязывать к кольям, чтобы ветер не раскачивал их. Теперь вдоль тротуаров поднимались деревья, и кроны их почти смыкались над проезжей частью улицы.

— А старые мы с тобой, Гошка, становимся,— сказал Лапшин, глядя на эти неузнаваемо разросшиеся деревья.

— Не замечаю,— ответил собеседник.— Да гляди ты, гляди, что за стеклом-то!

Машина выехала на набережную. Здесь, у песчаных пляжиков городского откоса, курсанты когда-то купали по вечерам коней. Теперь берега реки были забраны в гранит. Чугунная вязь перил обрамляла их. И река была другая: незнакомая, широкая, неторопливая,— какой раньше бывала разве только в половодье. У противоположного берега шел большой пароход. Огни его золотыми змейками извивались в медлительной воде, и от этого она казалась черной и густой, как деготь. Это была красивая набережная, но Лапшину, много ездившему по стране, видевшему много хороших городов, было даже жалко тех, прежних, поросших травой откосов и пляжиков, с которых так приятно было, раздевшись, заезжать в холодную воду на храпящем, танцующем коне. Лапшин зябко передернул плечами.

— Ты мою кобылу Антапку помнишь? — спросил он.

— Ну как же, выдающееся существо! Об одном ухе. А другое, помнится, ей один мой знакомый на рубке ухитрился отхватить,— отозвался Куприянов. Впрочем, воспоминания, должно быть, мало интересовали его.— Ты знаешь, сколько мы за эту набережную отвалили? Двадцать один миллион! Вот мы какие теперь богатые стали! Э, да что набережная! Поедем дальше, вот я тебя сейчас удивлю.

И опять он вез друга по неузнаваемо преображенному городу. Куприянов показывал его с той ревнивой настойчивостью, с какой хорошая хозяйка показывает гостю свою новую квартиру. Он называл цифры, отпущенные по бюджету на ту или другую стройку, говорил о планах, о том, что где строится и что где будет заложено в ближайшее время.

А певец думал о своем: о пролетевшей молодости, о юных днях, вспоминал давнишние происшествия,— и чем упорней он обо всем этом думал, тем больше хотелось ему теперь остаться здесь на денек—другой.

Сверкая глазами, явно гордясь, откровенно хвастая, показывал Куприянов свой город, а певец все с нарастающим интересом косился на своего приятеля. Нет, он даже и не очень постарел, этот Гошка, черт его подери! И глаза, и задорные морщинки у носа, и этот его вихор — единственная, как шутили когда-то курсанты, «кудря» в прямых волосах — по-прежнему озорно торчит из-под кепи.

Все больше и больше хотелось увидеть Машу. У Лапшина было с тех пор немало увлечений, коротких и продолжительных, легких и мучительных. А вот настоящей, большой любви не случилось. Он так и остался холост. О девушке по имени Маша час назад он даже и не думал. Но эта давняя, юношеская любовь, должно быть, бережно хранилась в памяти под спудом впечатлений, накапливавшихся с годами. И вот теперь Маша возникла перед ним такой же, как прежде,— тоненькой, юной. Он видел каждую черточку ее лица до крохотной родинки в уголке глаза. И хотя он знал, что не может быть уже ни легкой, девичьей фигурки, ни красной косынки, ни буйных светлых кудрей, подобных белому пламени, ему все больше хотелось взглянуть на жену друга, какой бы она теперь ни стала.

— Ну, вылезай. Зажмурься, а то упадешь,— сказал Куприянов, открывая дверцу и явно стараясь замаскировать шуткой свое волнение.

Машина стояла на высокой дамбе, которая вела к большому мосту, висевшему над рекой двумя гирляндами причудливого стального кружева. Как знаком был этот мост Лапшину! Когда-то отец-рыбак на попутной подводе вез сына в город, и мост этот, бывший в те поры крыльцом города, совершенно подавил маленького Сережу своей грандиозностью и красотой. Теперь он казался совсем небольшим и вовсе не поражал воображения. И не на мост показывал Куприянов.

Отсюда, с дамбы, широко открывалась панорама всего Заречья. В дни юности Лапшина это был трущобный район, куда курсантам небезопасно было провожать девушек. Теперь зыбкая панорама электрических огней светлым пунктиром обозначала во тьме новые, неведомые улицы, разбегавшиеся во все стороны от просторной площади. А дальше, на горизонте, подсвечивая его красным, колеблющимся заревом, виднелся огромный завод.

— Первомайка... Наша Первомайка — не узнаешь? — спросил Куприянов. Лицо его сияло, лукавинки выглядывали не только из плутов-

ских его глаз, но, казалось, и из каждой морщинки. — Видал? Здорово, а?

— А это?

— Да это же и есть Красная слободка! — Куприянов гордо показал на широкий асфальтированный проспект, начинавшийся прямо за дамбой. Ряды чугунных светильников, выстроившихся вдоль тротуара, освещали красивые дома. — До моей хаты рукой подать. Да,— он взглянул на часы и вздохнул,— времени мало... Еще опоздаешь. Эх, кабы не эта чертова репетиция!

Лапшин уже колебался. Может быть, признаться, что давеча он наврал, что уезжать ему сейчас не хочется, что он с радостью бы остался погостить у друга, повидался бы с Машей, посмотрел родной город днем. Он даже собрался с духом, чтобы все это сказать, но к ним подошел милиционер. Сердито откозыряв, он сказал:

— Граждане, здесь стоять с машиной нельзя.

— Простите. Сейчас уедем... Город вот наш старому другу показываю. Лет двадцать здесь человек не был,— общительно пояснил Куприянов.

— Это никак Егор Григорьевич? Виноват, товарищ Куприянов, не узнал.— Милиционер снова откозырял, на этот раз старательно, даже пристукнув каблуками.— Простите, что помешал беседе, но не положено. Большое движение.

— Правильно, правильно, товарищ старшина. Мы сейчас уедем,— ответил Куприянов и, когда машина уже неслась на максимально возможной скорости, вздохнул: — Эх, Серега, будь время, я б тебя повозил...

— Да ты что, начальство здесь, что ли, какое?

— Начальство не велико — мастер.

— Что же это перед тобой вон милиционеры тянутся? Все тебя знают?

— Ну и что ж такого! Давно здесь живу — вот и знают! Можно сказать, старожил. Знаешь, которые существуют для того, чтобы чего-нибудь не припомнить?

— И ты действительно только мастер?

— Что значит «только»? Мастер — фигура на производстве не маленькая. А у нас на заводе «Первого мая»... Чего ты на меня уставился?

Лапшин теперь действительно глядел на старого друга, будто заново видел его. «Мастер с завода имени Первого мая Егор Куприянов», «Почин мастера Куприянова», «Методы мастера Куприянова», «Последователи мастера Куприянова»... — все это столько раз мелькало в газетных заголовках.

— Так это ты мастер Куприянов?

— В пятый раз спрашиваешь, Сергей... — уже не скрывая досады, ответил тот.

И вдруг певцу стало стыдно, так стыдно, что уши его сделались горячими. Он еще не совсем понимал, откуда и почему появилось это чувство, но стыд был таким сильным и жгучим, что он не смел поднять на приятеля глаза.

— Кажется, во-время приехали,— сказал Лапшин только для того, чтобы нарушить неловкое молчание.

Машина остановилась у перехода через пути.

— Через две минуты — поезд. Мы, механики, привыкли к точности.— Куприянов легко взбежал на виадук, спустился к вокзалу. Навстречу, размахивая руками, как крыльями, бежал представитель областной филармонии, а за ним — аккомпаниатор Иван Арнольдович с расстроенным и обиженным лицом.

— Товарищ Лапшин, мы уж совсем отчаялись!..

— Сережа, голуба, можно ли так тянуть за нервы! Вот поезд...

И действительно, в эту минуту из-за здания вокзала, тяжело дыша и притормаживая, как бегун, уже оборвавший финишную ленту, появился паровоз.

Когда, прощаясь у высокой подножки, приятели целовались, реглан Куприянова распахнулся, и Лапшин увидел на лацкане пиджака косой флажок депутата Верховного Совета.

— А ты не забывай нас, приезжай! С концертом или так, в гости. Отдохнешь, рыбу половим. Или уж забыл, как и червяка на крючок насаживают? Да лезь, лезь, трогается!

Лапшин вскочил на подножку, которая уже пришла в движение. Иван Арнольдович заботливо поддерживал его за плечи.

— Сумасшедший, под колеса попадешь! Переложили вы там, что ли, с дружком-то?

Лапшин не слыхал этой добродушной воркотни. Ему вдруг ясно представился этот же вот старый вокзал, теплушки, острый запах ременной кожи, конского пота и креозота. Толкотня посадки. Тягучие звонки. Скрип разбитых вагонов. И в серой толпе провожающих воинский эшелон — маленькая, тоненькая девушка в синей кургузой жакетке, бледное лицо, на котором тени длинных, густых ресниц. Вот она замахала рукой, вот побежала, расталкивая толпу, вот сорвала с головы красную косынку, размахивает ею. Белые кудри, рассыпавшись, мечутся над ее головкой, как языки белого пламени. А она все бежит и что-то кричит, и кажется Лапшину, что кричит она: «Ребята, возвращайтесь с победой!» И он, высунувшись за дверь поскрипывающей теплушки, кричит в ответ: «Вернемся, обязательно вернемся! Помни нас, Маша!» Уже не видно девушки, вокзала, промелькнула улочка железнодорожного поселка, прогрохотал и остался позади виадук, все быстрей бегут мимо какие-то склады, вот и их уже нет, горизонт расступается, и уже медленнее плывут перед глазами поля, леса, перелески — Родина, которую надо защитить...

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни...

— Поет на ветру! Безумие! Так надраться!.. Горло, горло же, Сережа! — кричит в ухо не на шутку испуганный аккомпаниатор.

— Голос-то вам, Сергей Игнатьич, беречь надо. Пройдите в вагончик,— назидательно говорит незнакомая пожилая женщина в одежде проводницы.

Лапшин смотрит на них, не понимая, чего они оба от него хотят.

Весны моей златые дни,—

повторяет он, грустно улыбаясь чему-то своему.

Искры из паровозной трубы торопливыми золотыми штрихами перечеркивают мрак, вздрагивающий и качающийся за дверью вагона.

РАССКАЗЫ ТУРЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Рисунки О. Верейского.

Замок

Зия ЯМАЧ

К нам в газету взяли нового курьера — худого, высокого крестьянина средних лет. Раз тридцать за ночь его посылали в телеграфное агентство за информацией. Он никогда не жаловался, но никогда и не улыбался. После полуночи, когда дел у него становилось меньше, он садился где-нибудь в углу и, насупив брови, внимательно читал старые газеты. Мы думали, что его интересуют убийства, кражи и другие преступления, о которых мы, смакуя подробности, каждый день сообщали миру.

Однажды вечером я был занят последними телеграммами. Наш курьер, как всегда, углубился в чтение. Вдруг я услышал, как он воскликнул: «Готово!». Я не поднял головы, думая, что дело идет о поимке какого-нибудь убийцы. Но он подпрыгнул на месте и радостно засмеялся. Я уже собирался было узнать, что его так рассмешило, как он сам подбежал ко мне и сунул мне под нос газету:

— Простите, это сообщение оттуда, куда вы меня всегда посылаете?

Я взглянул на газету. Телеграмма из Парижа о забастовке докеров.

— Да. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Я его принес в газету?

— Конечно, ты.

Он повернулся ко мне спиной. Я подумал, что он собирается уйти, но он, громко чмокая, стал целовать свои руки. Я испугался и тихонько отодвинул стул, стараясь, чтобы курьер не заметил этого. Но он заметил и покраснел:

— Простите мою глупость, эфенди[1], но уж очень это мне понравилось.

Вижу, он успокоился. Я молча указал на пустой стул. Он еще больше покраснел и, глядя в землю, проговорил:

— Осрамился я перед вами, эфенди.

— Садись,— сказал я ему,— садись, рассказывай, в чем дело.

И он рассказал. Вернее, я спрашивал, а он отвечал. Я расспрашивал его обо всем, о детях, о семье. Наконец, мне захотелось узнать, почему он ушел из деревни и как попал сюда. Сначала он не хотел говорить об этом. Потом, увидев, что я настаиваю, сказал:

— Из деревни меня выгнали теща, адвокат да еще Маршалл.

— Теща — это понятно. Знаем, какие они бывают. Ну, а остальные двое? Особенно этот Маршалл, кто такой?

— Американский генерал.

Я не на шутку рассердился. Издевается он надо мной, что ли?

— Послушай, я не шучу. Понимаешь? Хочешь говорить серьезно, говори.

Все так же устремив взгляд в землю, он улыбнулся. Но я заметил горькие складки в уголках его губ.

— Что было, то было,— сказал он спокойно.— Я уж расскажу вам, чтобы вы не любопытствовали.

История долгая. Наша деревня находится недалеко от города. Там каждый четверг бывает базар. Мы редко туда ходим: от хозяйства не оторвешься. Все больше — старухи. Теща моя ни одного базара не пропускала.

Два года тому назад вернулась она как-то с базара с замком. Стыдно мне стало. Мы ведь в деревне веревочкой двери завяжем и идем по своим делам. Не пристало нам на двери или ворота замок вешать! Но старуха настояла на своем. «От добра глаза не лопнут,— говорит.— Где я еще достану замок с двумя ключами за двенадцать яиц?! Все набросились на американские замки, а мне что, с открытым ртом стоять, что ли?!» И пошла, и пошла...

Я особенно расстроился, когда услыхал, что это товар американский. Сколько лет нам голову морочили: американская помощь да американская помощь! И хоть бы одна вещь, что эти молодцы нам прислали, в дело годилась! Все скверное, поддельное. Словом, не по душе мне пришелся этот замок, будто чувствовал я, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Как-то утром собрался я в поле. Смотрю, теща идет. Удивился я.

— Доброе утро,— говорю,— откуда это так рано?

Она начала объяснять что-то невнятно, потом и говорит:

— Вчера вечером рыжая телка не вернулась. Искать ходила.— Оказывается, старуха пошла проведать больную соседку. Вышла из дому да возьми и повесь на ворота замок. Возвращается под вечер, глядь — стадо домой идет. Стала она второпях замок отпирать. Хлоп — ключ и сломался. Чего уж там, товар-то — гниль! Тут наша теща и запрыгала. Наконец через соседский двор забежала домой, схватила второй ключ, что на воротах висел, снова через соседский двор на улицу выскочила.

К тому времени скотина уже по дворам разошлась. Пока теща замок открывала да его дома прятала, совсем уж темно стало. Сколько ни бегала она потом по деревне, телку не нашла.

Когда мы поздно ночью домой с поля вернулись, она мне побоялась рассказать, что произошло. А утром хоть и бегала с самого рассвета, но на след не напала и не встретила никого, кто бы нашу телку видел.

Несколько дней мы ждали. Потом бросили все хозяйство, стар и млад принялись искать по холмам да по лесам. Прошли недели, а телки все нет и нет.

Целое лето прошло, так и не смог я найти телки.

Чего-чего в жизни только не бывает! И надо же ведь, чтобы она в конце концов сама меня нашла! Да разве смог бы я ее узнать, если бы она мне прямо в лицо не замычала? Она разжирела порядком. А потом разноцветные ленты на рогах не только меня, даже мать ее сбили бы с толку. Короче, встретился я со своей телкой на выставке. Уже несколько лет в нашем городе в Касым[2] устраивают выставку скота. Я-то никогда не ходил. А в тот раз пришлось так, что время у меня было. Я вместе с любителями нашими и пошел.

Когда узнали мы свою телку, начали расспрашивать да разузнавать. Оказывается, ее сюда привел староста одной из соседних деревень, кулак Ариф ага.

Как услышал я это, чуть с ума не сошел.

---

[1] Эфенди — господин.

[2] Касым — 8 ноября, начало зимы по народному календарю.

Я бросил работу и бродил по горам да лесам, а он взял мою телку да на выставку выставил!

Только я собрался шум поднять, тут старик из нашей деревни и говорит мне:

— Крика не подымай, Али Чавуш! А я сейчас с Арифом агой потолкую, договоримся.

Не успел я опомниться, а он уже возвращается и чуть не плачет. Ага его скверно обругал и, закурив сигарету, заявил:

— Пусть попробует взять! В нашей стране есть, слава аллаху, суды, мы с ним тогда поговорим!

Забыли мы про телку, занялись агой. Видим, гнев его не проходит, вернулись в деревню.

На следующее утро отправился я в город. Пришел прямо в контору адвоката Эмина бея. Такой шалопай! До обеда и не показался. А другого в городке нет, не к кому больше идти. Зашел снова после обеда. Адвокат оказался на месте. Я ему все рассказал. Он думал, думал и говорит:

— Здесь наверняка ошибка.

— Как,— говорю,— ошибка? Вся деревня...

— Вся или не вся деревня, мне до этого дела нет. Он человек богатый, врать не станет.

— Если ага не врет,— говорю,— значит, Али врет?

— И что ты только болтаешь! Богатый бедному ровня, что ли?

— Значит, ты за мое дело не возьмешься?

— Как это ты угадал? Конечно, не возьмусь. Ариф ага — почтенный человек в нашей местности.

— А я кто же?

— Никто!

И правда. Кто он, а кто я? Вижу, ничего не получается, отправился к сторожу школы. Он из нашей деревни. Взяли мы да вместе и написали прошение. Отдал я его в суд и сейчас же в деревню вернулся.

Больше двух месяцев ни слуху, ни духу. А в середине зимы пришла бумага.

Вместо аги на суд пришел тот самый адвокат, который со мной и говорить не хотел. Послушав меня, судья дал ему слово. Тот как пошел врать, как пошел, держись только! Будто бы это телка Арифа аги да в моем хлеву ее нашли. А под конец говорит, что если, мол, я не принесу бумагу, в которой сказано, что телка моя, то возбудят против меня дело за клевету. И без того тошно мне стало, а тут еще судья говорит:

— Слыхал? Если ты у нас своей брехней время зря отнимать будешь, посажу в тюрьму. Ясно?

«Ясно, хватит»,— думаю. Пошел тихонько к двери. «Вернусь,— думаю,— в деревню». Только я собрался порог переступить, судья кричит:

— Ты еще и суд оскорбляешь?! Ах ты, оборванец, сейчас я тебе покажу!

Велел что-то записать девчонке, что за машинкой сидела, и через пять минут меня отправили под охраной жандармов в тюрьму.

Двадцать дней очень трудно прошли.

Выйдя из тюрьмы, я решил отступиться от этого дела. Но теперь уже суд не дозволил: являйся, возвращайся, уходи, приходи...

Тем временем и половина лета прошла. Дела мне свои бросить или в долги влезать? Не знал я, что и делать. Наконец продал я одну из двух коров, которых в соху впрягал, чуть полегче мне стало. К тому же и дело начало на мою сторону склоняться: из деревни свидетелей привел. «Получу свою телку, запрягу ее в пару с оставшейся коровой и займусь хозяйством»,— думаю. Но не знаю, как это вышло, что ага тоже свидетелей привел. Снова все кувырком полетело.

Вижу, дело не пойдет. Поехал в вилайет[1], нанял адвоката. Он раз пять выступал на суде, шумел, болтал, с другим адвокатом спорил, но не сумел телку мою выручить. Наконец один старик из нашей деревни посоветовал пустить телку в стадо. Суд согласился.

Когда в первый раз судья да адвокаты приехали в деревню, дождь пошел. Отложили. В другой раз ждали, ждали — телка не вернулась. Хоть эти разъезды адвоката мне дорого обошлись, я решил стоять на своем до конца. Взял свою вторую корову и продал.

В третий раз стемнело раньше, чем стадо в деревню вернулось. Наконец в четвертый раз все пошло, как надо. Но когда стадо в деревню вошло, наша рыжая телка возьми да поверни обратно на пастбище. И как побежит! Наши сельчане закричали:

— Солью накормили скотину, вот она к воде и побежала!

Я не знал, что теперь будет. Но наш адвокат к этому прицепился, предложил, чтобы следующий раз телку за день привезли в деревню и передали старосте. Судья очень обозлился, да, делать нечего, согласился. Так и сделали. Утром телка вышла на луг вместе с деревенским скотом, а под вечер вместе с ним вернулась в деревню. У первого проулка от стада отделилось несколько коров. Наша сначала подумала: «Давай и я пойду». Потом решила: «Не стоит». Так у каждого угла она останавливалась, а у меня душа в пятки уходила. Сельчане наши еще больше меня переживали: неужели на глазах у всех уйдет к чужому человеку телка, которую знала вся деревня, от мала до велика? Наконец дошла она до нашего проулка, но сколько пришлось пережить за это время! Оказывается, у нас в деревне столько улиц, а я раньше и не замечал.

«Что теперь будет?» — думаю. Прямо перед нашим домом телка остановилась. Потом возьми да пойди за другими коровами мимо дома. «Все погибло»,— думаю. Вдруг телка наша опять остановилась. Наконец медленно-медленно подошла к нашим воротам, толкнула их рогами и вошла во двор. Законы богатеев теперь уже не стоили ни гроша. Надо было видеть, что сделалось с нашими крестьянами!

Тут через толпу пробирается теща и сует мне что-то в руку. Смотрю: замок.

— Ради бога, сынок,— говорит,— что бы там ни было, запри на всякий случай ворота.

Бросил я эту поганую штуку на землю да как поддам ее ногой! Все захлопали в ладоши. Что тут было, и не спрашивай!

С тех пор и до сего дня скитаюсь по чужим краям, чтобы рыжей телке пару добыть. Хоть нелегко это, да что делать! Не сидеть же сложа руки!

Теперь где бы я не увидел надпись: «План Маршалла», «Американская помощь»,— все во мне переворачивается.

Но то, что я сейчас прочел в газете,— другое дело. Для такого дела ничего не жаль!

[1] Вилайет — административная единица в Турции.

Фотограф

Сабри СОРАН

На одном из углов улицы Бахрие торгуют жареной рыбой, на другом — черствым хлебом. Все самое скверное и самое дешевое — на улице Бахрие. Здесь находят сбыт протухшие дыни и зеленые арбузы, негодные для Шишане или Тозкопаран[1]. Огромные черные мухи вьются над запыленными сластями.

Метельщик присел в углу. Он знает, что его тощей метлой все равно не вымести всей грязи с улицы Бахрие, и спокойно смотрит на прохожих, на ругающихся и пинающих друг друга ногами и кулаками цыганят и чистильщиков сапог. Десятник метельщиков и не заглядывает на улицу Бахрие. Вот на Шишане, Тозкопаран — там он кричит, ругается. А что толку, если вдруг станет чисто на улице Бахрие? Все равно снова замусорят.

[1] Бахрие, Шишане, Тозкопаран — кварталы Стамбула.

Частные автомобили, машины больших людей здесь и не показываются. Улица Бахрие достойна лишь грязи. Сюда не выходят окна и двери богатых особняков или больших доходных домов. Повсюду здесь живет народ, называемый «чернью».

Показав гнилые, черные зубы, метельщик зевнул, не считая даже нужным прикрыть рот рукой. Вынул табакерку и стал свертывать самокрутку. Чуть поодаль парикмахер и бродячий фотограф, болтая, поджидали клиентов. Фотограф и парикмахер едва-едва сводят концы с концами: хотя война давно уже окончилась, цены на все бешеные, даже на улице Бахрие...

Я вспомнил о своем паспорте. Он был уже весь истерт и порван. Давно я собирался обменять его, но нужны были две фотографии. А я никак не мог выбрать время, чтобы сняться. Я подошел к фотографу. Парикмахер, думая, что я буду бриться, сказал:

— Пожалуйте!

— Нет, я хочу сняться,— ответил я и сел на стул, стоявший против фотографа. Наверное, я был его первым клиентом с самого утра.

— Сядьте чуть прямее! Подымите немного голову!

Усадив меня, он подошел к своему аппарату и сунул голову в черный мешок.

На стекле аппарата я был вверх ногами, вниз головой. Этот секрет фотографии я знал еще в школе, но давно забыл... Сколько вещей забывает тот, кто узнал их из книг! Но фотограф, если даже бросит свое ремесло, и много лет спустя не забудет этого секрета. Потому что он вошел в его жизнь, на нем замешан его хлеб. Я хотел заговорить об этом с фотографом, но он вынул голову из черного мешка и сказал:

— У вас блестят очки!

— Не беда, пусть блестят.

— Смотрите сюда... Вот так... Хорошо...

Он снова залез в черный мешок, отрегулировал объектив, укоротил одну ножку у треножника, переставил другую.

Метельщик закурил самокрутку. Клубы дыма, который валил из его волосатых ноздрей, закрыли от него улицу Бахрие. Он уже все потерял: отца, мать и родину... Завтра исчезнет и он сам. Ему уже много лет. Муниципалитет набирает молодежь для работы по очистке улиц, и к тому же растет день ото дня число молодых людей, оторванных от родных мест и пришедших в город на заработки. Надо благодарить судьбу за то, что есть еще у него плов из пшеницы, приправленный прогорклым оливковым маслом. А в табакерке есть у него табак. Чего еще ему желать? Пусть пропадет пропадом улица Бахрие! Экая важность!

Мысли о метельщике, его метле и улице Бахрие заставили меня на несколько секунд забыться перед объективом наведенного на меня фотоаппарата.

— Внимание! Снимаю! Раз... Два... Три...

Сосчитав до десяти, фотограф сказал:

— Готово!

С облегчением вздохнув, я встал со стула. Я избавился от власти хотя бы фотографа. Он уже не мог мне больше приказывать: «Сядь так или этак! Смотри сюда! Внимание!»,— и моргать глазами я мог сколько угодно.

Молодой парень в широченных брюках, говоривший на жаргоне апашей, вошел в лавчонку парикмахера.

— А ну-ка, приятель, поскреби меня как положено!

Этот парень, наверное, собирался отправиться на Зыбу [1]. Там у него была подружка. Еще не так давно он мог иметь двух подруг и с шиком распечатать «Ендиже». Он не привык ходить к подружке трезвым и без сигарет «Ендиже».

Подружка его была, быть может, уже опытной проституткой или еще совсем молоденькой девчонкой, начинавшей только привыкать к своему ремеслу. Если он возьмет ее оттуда, приведет домой и скажет: «Вот моя жена!»,— кто будет знать, откуда она?

Какой-то солдат, держась одной рукой за патронташ, опершись другой о спинку стула, улыбается среди цветов. Мне, или своей деревне, или матери, или милой, оставшейся в далеких краях? Разве можно понять? Это открытка «Привет из Стамбула». И в углу этого «привета» летела птица, держа в клюве письмо. Долетит ли эта птица до деревни и сумеет ли передать письмо адресату? Наверное, солдат уже давно отслужил свои два года, но все еще и не слышно о демобилизации. Может, сейчас этот солдат, получив увольнительную, шагает по улице Тахтакале, а может быть, стоит где-нибудь в горах на посту.

Рядом с фотографией солдата были и другие. И я забылся, забыл об улице Бахрие, о погруженном в свои думы метельщике, не увидел даже, как вышел из парикмахерской парень-апаш. Я погрузился в созерцание фотографий. Они, эти снимки, сумели объединить жизнь фотографа с жизнями других людей.

Вот, например, этот ребенок никогда, вероятно, не узнает, какие губительные следы накладывают на человека отверженность, бездомность, сиротство, ночевки под каменным забором или под мостом, как все это лишает людей человеческого облика. А этот вот ребенок наверняка остался без отца и без матери, искал на улице, где бы приютиться, и не нашел.

Этой вот влюбленной паре можно по-настоящему позавидовать. Они обнялись, словно позабыли, что перед ними аппарат и фотограф. На заднем плане лес и море. Что они делали, когда фотограф ушел? Уединились где-нибудь или же, взявшись за руки, пошли по дороге? Вряд ли. После таких объятий не отправляются в путь. Ну, а что было потом? Обнимаются они все так же и сейчас или уже охладели друг к другу, расстались? А может быть, поженились, стали матерью и отцом? Но счастливы они или жалеют о том, что поженились?

Трудно, очень трудно быть счастливым. Когда еле-еле сводишь концы с концами, не вздохнуть тебе полной грудью и не улыбнуться радостно от всей души!

Фотограф тоже долгие годы работал, выбивался из сил, чтобы быть счастливым. Но он не смог никуда деться от своих рваных башмаков, от заплатанного пиджака. Дома его ждут пустые желудки. И сколько раз, особенно в холодные или дождливые дни, он возвращался домой с пустыми руками! Дети плакали, а худая, с печальным лицом женщина опускала голову. Тогда отчаяние, как червь, грызло сердце, и он не знал, куда деваться. Сколько раз в такие минуты он хотел схватить фотоаппарат и разбить его о землю! Но подходила жена и говорила:

— Что с тобой? Ты сошел с ума!

И у него опускались руки.

А разве можно не сойти с ума? Он не аппарат, а эту жизнь хотел разбить о землю. Не фотоаппарат, а жизнь была изменчива, коварна и безжалостно несправедлива.

Но даже тогда, когда в доме воцарялось молчание смерти и сердце набухало черной безнадежностью, все так же улыбался солдат и все так же обнимались влюбленные. Фотограф делил с ними свою нищету, всю свою несчастную жизнь, он коротал с ними дождливые и холодные дни и часто лил над ними сухие слезы. Улыбка солдата, объятия возлюбленных — это был его кусок хлеба. А хлеб этот такой черствый! И плакал солдат, и расставались возлюбленные. Для них не было счастья.

— У вас есть платок? — спросил фотограф.

Он кончил промывать снимки и взял в руки ножницы.

— Есть, но...

Вынув платок, я стал искать чистый краешек. Потом мы завернули в платок снимки. Очки мои блестели. Этот блеск делал меня слепым, глаз было не видно.

— Это не беда, что снимок слепой. Сколько людей ходит по земле с бесстыдно открытыми глазами... Сколько с меня?

— Шестьдесят курушей.

Фотограф в этот день заработал себе на хлеб. А что к хлебу? А соль, а масло, а керосин? День длинный. Но уже пять часов вечера, постепенно начинает темнеть. Очень мало времени осталось у фотографа.

Положив на ладонь фотографа дневную порцию черствого хлеба, я ушел.

Метельщик встал, взвалил на плечи свою метлу с длинной ручкой и дрожащим, неверным шагом поплелся, волоча ноги, к своему плову из пшеницы, приправленному прогорклым оливковым маслом.

Перевел с турецкого **Р. ФИШ.**

[1] Зыба — улица Стамбула, где расположены дома терпимости самого низкого пошиба.

Е. М. Рачев. КОТОФЕЙ ИВАНОВИЧ. «Кот и лиса».

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Образы русских народных сказок всегда были полны глубокого жизненного смысла. Народ вкладывал в них свои наблюдения над жизнью, выражал свое презрение ко всему злому, свою веру в торжество правды и справедливости на земле. С живым юмором высмеивают сказки жадность, лицемерие, глупость, властолюбие, чванливость. Непосредственно, просто, метко, без нарочитого морализирования повествуют сказки о жизни, в нехитрых образах и событиях запечатлев вековую мудрость народа.

Создание иллюстраций к народным сказкам — нелегкое дело, требующее от художника умения донести до юного читателя большое жизненное содержание. Такие иллюстрации создает художник Евгений Михайлович Рачев. В его иллюстрациях есть то органичное сочетание жизненной правды и фантастики, которое характерно для сказок. Животные в рисунках художника, тонко передающих особенности их облика и повадок, очень похожи и убедительны; в его иллюстрациях всегда легко узнать их человеческие прообразы.

Вот лиса из иллюстрации к русской народной сказке «Лисичка-сестричка и серый волк». Сколько лицемерия, лукавого торжества над глупым волком, сколько хитрости в ее позе и мимике! После множества ловких проделок над недалеким волком лиса заставляет простака везти ее домой. Измученный, ободранный волк, высунув язык, безропотно тащит обманщицу через лес: битый небитого везет. В этой иллюстрации тонко выявлен народный юмор, веселая насмешка над простофилей-волком.

В рисунке к другой народной сказке — «Кот и лиса» — художник знакомит читателя с котом Котофеем Ивановичем и лисой Лизаветой Ивановной. Трусливые и невежественные волк и медведь напуганы хитрой лисой, распустившей слух по лесу о невиданном звере Котофее Ивановиче, объявившем себя грозным воеводой. В кафтане воеводы горделиво выступает Котофей Иванович, подобострастно поддерживаемый лисой. Усы его воинственно торчат, глаз свирепо прищурен, грудь колесом. Играть роль страшного зверя бывшему домашнему коту стоит немалых усилий, поэтому так смешна и комична его чванливая напыщенность. В этом фантастическом, сказочном образе осмеяны черты, нередко встречающиеся у людей. Художник помогает читателю понять, что сказка эта направлена против трусости и раболепия.

Большое место в иллюстрациях Е. Рачева занимает пейзаж. Природа в его рисунках красочна, поэтична и жизненна, что соответствует характеру русских народных сказок. Хорош заснеженный лесок («Битый небитого везет»), хороша пестрая осень («Котофей Иванович»).

Особенно удались рисунки к сказке С. Михалкова «Зайка-зазнайка».

В иллюстрациях Е. Рачева ярко выражено творческое своеобразие манеры художника. Владение мастерством рисунка и цвета, искренняя увлеченность образами сказок делают Е. Рачева одним из лучших иллюстраторов советской детской книги.

Е. МУРИНА

Е. М. Рачев. БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЕТ. «Лисичка-сестричка и серый волк».

Е. М. Рачев. УЖИН ЗАЙЦЕВ В ДОМЕ ЛИСЫ. «Зайка-зазнайка».

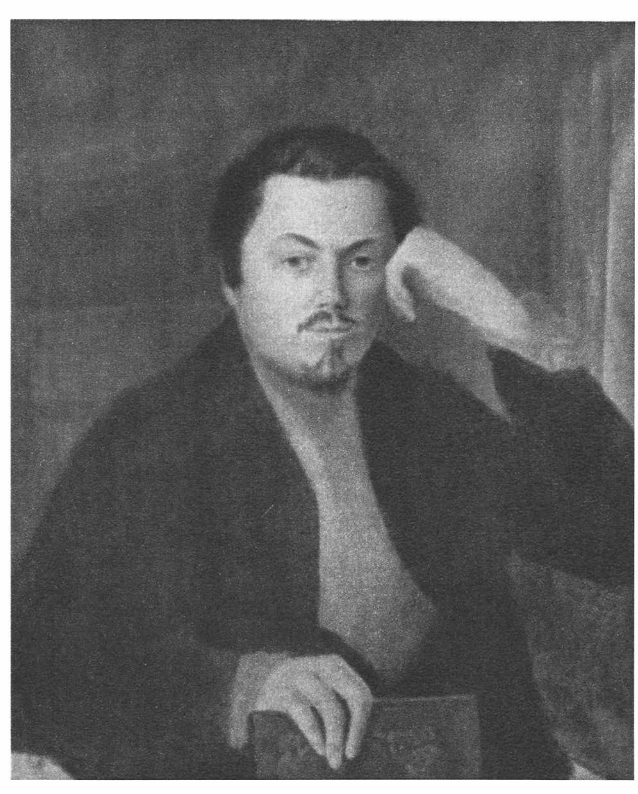
Е. М. Рачев. ЗАЙКА-ЗАЗНАЙКА И ЛИСА. «Зайка-зазнайка». Сказка С. Михалкова.

Е. М. Рачев. БЕГСТВО ЗАЙЦЕВ ИЗ ДОМА ЛИСЫ. «Зайка-зазнайка».

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Портрет поэта Языкова

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения Николая Михайловича Языкова. В статье «Русская литература в 1844 году» Белинский писал: «Имя Языкова навсегда принадлежит русской литературе и не сотрется с ее страниц даже тогда, когда стихотворения его уже не будут читаться публикою: оно останется известно людям, изучающим историю русского языка и русской литературы».

На родине Языкова, в Ульяновске (Симбирске), сохранился портрет Николая Михайловича работы неизвестного (возможно, крепостного) художника, писанный маслом.

С портрета смотрит уже не «буйства молодого певец роскошный и лихой», как называл его Баратынский, а житель «Языковской пустыни», исполненный творческих планов и занятый собиранием «сокровища неоцененного» — фольклора.

Намереваясь поселиться в родном селе, Языков заботливо собирал библиотеку. 29 декабря 1826 года он писал брату Петру Михайловичу: «Я перееду навсегда, навсегда жить в деревню, с книгами, с пылким желанием и крепкими силами далее просвещаться, буду проводить время в занятиях великодушных, в жертвах учению и музе, совершенно свободный, не имеющий обстоятельств, приличий... Для сей-то цели достохвальной и образуется уже теперь моя библиотека — сокровищница золота умственного, поле жатвы, благодательнейшей всех прочих жатв». В 1847 году, после смерти Языкова, братья поэта, выполняя его желание, передали книги (2 325 томов) в создававшуюся тогда Карамзинскую библиотеку. Тогда же, повидимому, был передан в библиотеку и портрет.

В 1864 году в Симбирске был огромный пожар. Карамзинская библиотека сгорела. Случайно уцелело лишь несколько десятков книг, в том числе 17 из собрания Языкова с его автографами. Портрет Языкова был вновь выставлен лишь в 1865—1866 годах как портрет «главного жертвователя и основателя библиотеки». В настоящее время он хранится в отделе редких книг областной библиотеки Ульяновского Дворца книги.

П. БЕЙСОВ

Духовный мир советского юноши

Весной 1941 года, в те дни, когда начинается действие повести А. Шарова «Путешествие продолжается...», М. И. Калинин, обращаясь к сверстникам ее героя, говорил: «Вы — ученики 9 и 10 классов. Это как раз тот возраст, когда людей обуревают фантазии и стремления к чему-то большому. Да иначе и быть не может! Какие же вы советские молодые люди, если у вас нет фантазий о большой жизни, если каждый из вас не думает своротить горы или перевернуть земной шар Архимедовым рычагом?»

Мечта о «большой жизни» рано взволновала душу Бориса Никитина, ленинградского девятиклассника.

В лирической по своему складу повести перед читателем раскрывается духовный мир героя. Мы узнаем о думах и стремлениях Бориса, о книгах, которые он прочитал, о вызванных ими образах и мыслях, о смутных еще интересах, превращающихся на наших глазах в творческую научную страсть, в призвание.

Уже на школьной скамье Борису удалось сделать серьезное научное открытие. Он находит верный подход к пониманию письменности вымирающего полинезийского племени, проживавшего на острове Рапануи в Тихом океане. А. Шаров положил в основу своего произведения подлинный факт; повесть его посвящена «памяти Бориса Кудрявцева — молодого исследователя, открывшего пути расшифровки письменности острова Рапануи (Океания)».

Но факт этот предстает в повести в большом идейно-художественном обобщении. Шаров сумел в редком и выдающемся случае увидеть и показать типическое.

Борис не вундеркинд, его открытие не кабинетная находка ушедшего от современности молодого архивариуса.

Чтение книг великого русского путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая возбудило в юноше непреодолимое стремление раскрыть тайну единственных в своем роде документальных свидетельств древней культуры и искусства Полинезии. В воображении Бориса встают фигуры хранителей загадочной письменности племени рапануи, оберегавших драгоценные предания и памятники своего народа от варварского уничтожения их колонизаторами.

Борис ясно видит перед собой и этих жестоких врагов рапануйцев — алчных хищников-колонизаторов и католических монахов-изуверов, с бешеной злобой истреблявших маленький народ, стремившихся вытравить в нем веру в свои творческие силы и нагло клеветавших на «дикарей», которые якобы не способны создать свою письменность.

В разоблачение этой клеветы, в расшифровку сохранившихся деревянных табличек с письменами Борис вкладывает всю страсть и энергию, которые могли возникнуть у юноши, воспитанного на идеях интернационализма.

А. Шаров сумел в образе Бориса передать благородный облик целого поколения. Борис не только настойчивый исследователь, но и принципиальный, требовательный комсомолец. Его духовная жизнь многосторонняя. Поэтически воспринимает он красоту родного города, картины природы. Но Борис поглощен своими исканиями и поэтому даже не сознается самому себе, что полюбил свою одноклассницу и верного друга Зорьку, обаяние которой тонко передано писателем.

В 1941 году Борис идет на фронт и погибает, сражаясь за Родину, но творческая эстафета его подхвачена: начатая им научная работа находит последователей и продолжателей.

Целиком, страстно отдается этому делу Нюта. Еще девочкой она сочувствовала поискам Бориса, стремилась помочь ему. Теперь, в послевоенные годы, она сознательно пошла по его пути.

К сожалению, к концу повести ее драматическое напряжение ослабевает, и, в частности, образ Нюты не получает того развития, которого мы вправе были бы ожидать.

А. Шаров показал этим своим произведением умение изображать духовную жизнь своих героев. Правда, порой он недостаточно выразительно рисует внешний облик — «портрет» персонажей, в частности, Бориса.

Но Александру Шарову удалось решить главную поставленную им задачу — передать глубокое ощущение того духа творческой смелости и дерзаний, который присущ нашей молодежи. Борис Никитин — один из совсем еще немногих юных героев нашей литературы, образы которых способны зажечь в молодежи жажду научного творчества.

В этом большая ценность повести.

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Александр Шаров. Путешествие продолжается... Повесть. «Год тридцать пятый». Альманах одиннадцатый.

Выдающийся агроном XVIII века

Двести пятнадцать лет назад, 7 октября (по старому стилю) 1738 года, в деревне Дворянинове, Алексинского уезда, Тульской губернии, родился Андрей Тимофеевич Болотов, впоследствии один из крупнейших знатоков и деятелей сельского хозяйства. Отец его, командир Архангело-Городского полка, стремился в своем сыне воспитать качества образцового военного служаки. Однако юношу с детских лет интересовала и волновала глубже всего природа. И как только представлялся к тому случай, он уезжал в тихое поместье, где мог отдаваться любимым занятиям: изучать почвы и их особенности, разводить овощи, выращивать фруктовые деревья, высевать зерновые злаки. Целиком он посвятил себя сельскому хозяйству только в 1762 году, выйдя в отставку.

В деревне началась новая жизнь Болотова — жизнь сельского хозяина-агронома. В своей работе «Наказ управителю», опубликованной в трудах Вольного экономического общества (1770 год), Болотов подробно изложил систему агротехнических мероприятий, необходимых для получения хороших урожаев. Особое значение придавал он посевным качествам семян. Болотов предлагал начинать заботу о семенах, когда растения находятся еще на корню. По его мнению, на семена следует выделять наилучший по урожайности участок, отдельно его убирать и особенно тщательно очищать семена от сорняков.

В другой своей работе Андрей Тимофеевич доказал биологическое значение перекрестного опыления растений и его преимущества перед самоопылением. В результате опытов он пришел к выводу, что при этом повышаются жизненные силы растений и более высококачественными получаются семена. Тем самым Болотов утвердил приоритет русской агрономической науки в этом вопросе, опередив англичанина Эндрю Найта (1799 год) на 20 лет.

Болотов впервые в истории земледелия правильно подошел к разрешению проблемы борьбы с сорняками. В основу ее он положил биологические особенности сорняков, классифицировал их и разработал агротехнические мероприятия по борьбе с ними, опередив здесь на 40 лет немецкого ученого Тэера. Болотовым было также установлено существование двух видов головни у пшеницы — твердой и пыльной, что полностью подтвердилось только 130 лет спустя.

Опыты Андрея Тимофеевича по «исправлению и удобрению земель» помогли разбить господствовавшую в то время «теорию» водного питания растений. Он не допускал и мысли о том, что низкие урожаи объясняются «плохими землями». Удобряя, например, золой поле, он видел, как более крепким, устойчивым против полегания стал овес. Болотов считал, что почва является многообразным изменяющимся природным телом, которое при правильном ведении хозяйства можно «исправить и удобрить», что питание растений определяется минеральными веществами.

Великий ученый М. В. Ломоносов, а вслед за ним и Болотов на несколько десятилетий опередили в этом открытии иностранную науку того времени.

В 1771 году в трудах Вольного экономического общества был опубликован важнейший труд Болотова — «О разделении полей». В нем он впервые в истории агрономической науки обосновал необходимость перехода от трехполья к семиполью и предлагал расширять и улучшать луга и пастбища, что необходимо для развития животноводства.

Значительное место в исследованиях Болотова занимают оригинальные работы по плодоводству, лесоводству, агротехнике отдельных сельскохозяйственных культур, физиологии, морфологии и систематике лекарственных растений. По всем этим вопросам Болотов написал свыше 500 работ.

Особенно известен и популярен был Болотов как рыбовод. Его работы в этой области оказали большое влияние на развитие прудового рыбоводства второй половины XVIII и начала XIX века в России.

А. Т. Болотов в своем рабочем кабинете. Рисунок П. А. Болотова, сына ученого.

Болотов принадлежал к славной плеяде передовых русских ученых XVIII века. Он всегда горячо и вдохновенно писал «о пользе своего отечества, которому все такие новые открытия и опыты не иначе, как полезны». Чувством глубокого патриотизма звучат слова А. Т. Болотова: «...мы находимся ныне в таком состоянии, что во многих вещах не только не уступаем ни мало народам иностранным, но с некоторыми в иных вещах можем и спорить о преимуществе...»

Почти двести лет отделяют нас от тех дней, когда Болотов создавал свои замечательные работы. Но и сейчас они представляют большую ценность для русской агрономической науки и имеют немалое практическое значение.

Кандидат сельскохозяйственных наук

И. ЕЛАГИН

ХУДОЖНИКИ СТРАНЫ ОЗЕР

Эм. МИНДЛИН

С. Юнтунен. Вечер на Онежской губе.

Под вечер к бревенчатому домику радиоузла в рыбачьем поселке Ондозеро подкатила полуторатонка. Прибывшие тотчас же принялись сгружать продолговатые ящики и бережно втаскивать их в помещение. «Откуда?» — спрашивали ондозерцы. «Из Петрозаводска!» «Что привезли?» «Картины». «Картины? Так это кино? Но почему же из Петрозаводска, а не из района?» Ондозерцы были заинтригованы. Но вот в поселке загорелись огни, и над входом в радиоузел электрическая лампочка осветила объявление: «Третья передвижная выставка произведений художников Карело-Финской республики».

Собственно, для ондозерцев выставка была не третьей, а первой. В минувшие годы передвижные выставки карело-финских художников не добирались сюда.

Ондозерцы валом повалили смотреть картины. Полотен было немного — всего двадцать пять. Трем художникам, прибывшим с выставкой — С. Юнтунену, К. Буторову, А. Козлову,— не пришлось выспаться в эту ночь. Легли поздно, а в четыре утра их уже разбудили: местным рыбакам время выходить на лов, а они хотели бы перед уходом на озеро взглянуть на картины. Побеседовав с ранними посетителями, рассказав им, что́ успели за короткий срок, об искусстве, трое художников вышли с рассветом на берег озера с этюдниками. И тут повторилось то же, что происходило в других местах — в Сегозере, Ругозере, в Косалме, в Медвежьегорском районе. Народ собрался смотреть, как «делаются» картины. Ондозерцы удивлялись: что может быть интересного в их краю для художников? Через несколько дней живописцы показали свои новые работы. Искусство открыло людям в хорошо им знакомой природе то, чего сами они, привыкнув, не замечали.

Сорок дней длился рейс передвижной выставки карело-финских художников. Свыше тысячи километров по отдаленным от железной дороги районам края озер и лесов прошла машина с картинами. И всюду трое художников рассказывали о великом русском искусстве. Всюду им задавали один и тот же вопрос: как сами они работают над картинами. Большой интерес вызывал рассказ об умершем в 1945 году народном художнике Карело-Финской республики В. Н. Попове, которого современные живописцы и графики Петрозаводска называют своим учителем. Воспитанник Академии художеств, ученик Репина, В. Н. Попов, будучи уже признанным мастером, участником дореволюционных выставок в Петербурге, с 1919 года навсегда связал свою жизнь с Карелией. Бывал он в бывшей Олонецкой губернии и до революции, писал много карельских пейзажей. Один из лучших его пейзажей — «Водопад Кивач».

Художники, с которыми мы отправились на Кивач — С. Юнтунен и К. Буторов,— предупреждали, что Кивач уже не тот, каким писал его Попов. Может, и верно, что воды в Киваче стало меньше, но и сейчас это зрелище поразительное, а для пейзажиста по-прежнему непреодолимо манящее. Трудно встретить карело-финского художника, у которого бы не нашлось нескольких навеянных Кивачом полотен.

На обратном пути художники повели нас смотреть дачу Попова у деревни Укшезеро. По тому, с каким уважением произносилось его имя, можно было судить, как много сделал этот человек для художественной жизни республики. Живущий в Петрозаводске знаток народного искусства Карелии В. М. Агапов в своей книжке о В. Н. Попове рассказывает: некто пришел к Попову и признался, что чувствует себя «немного художником». Попов отчитал его. «Художником нельзя быть немного,— доказывал он взволнованно.— Можно либо вовсе не быть, либо быть всем существом, без остатка». Так учил В. Н. Попова его наставник И. Е. Репин, так и сам Попов воспитывал своих учеников в Петрозаводске. Один из них — ныне заслуженный деятель искусств, живописец Г. А. Стронк — написал маслом портрет Попова. Старик со шкиперской бородой, с плотно сжатыми губами, задумавшись, сидит в кресле. Погасла как бы забытая в пальцах трубка; зорок, требователен, доброжелателен сосредоточенный его взгляд.

Первые картины на темы социалистического труда в Карело-Финской республике — это картины В. Н. Попова. Человек, его душевное состояние, его внутренний мир — главный «предмет» произведений художника, какой бы производственный момент ни был запечатлен на них. К сожалению, нынешние петрозаводские живописцы не всегда следуют заветам воспитателя первого поколения профессиональных карело-финских художников и основателя художественной школы в Петрозаводске. В большой картине А. Семяшкина и С. Юнтунена «В лесах Карелии», изображающей разделку и вывозку леса, наиболее выписанными оказываются машины. С. Юнтунен и А. Семяшкин — хорошие пейзажисты, тонко чувствующие поэзию природы Карелии, но в центре их большого полотна отнюдь не человек и даже не пейзаж, а огромная, определяющая всю композицию машина. Автор многочисленных акварельных иллюстраций к произведениям Некрасова, Горького, современных писателей А. Семяшкин написал немало лирических пейзажей: «Вечер», «Облака», «Солнечный день» и другие. А вот в картине на производственную тему, написанной им совместно с пейзажистом С. Юнтуненом, и пейзаж потускнел, поблек.

В картине Г. Стронка «Богатырь леса» все внимание художника сосредоточено на психологической характеристике знатного лесоруба Гатчиева, изображенного за любимым делом. Душевное состояние человека, которому его труд доставляет удовлетворение,— главный мотив всех лучших портретных работ Г. Стронка: «Молодой рыбак», «Знатный железнодорожник Андреев», «Сказитель Свиньин», «Старый рыбак», старейший «Композитор К. Раутио».

К. Буторов — воспитанник Петрозаводской студии изобразительных искусств, представитель более молодого поколения карело-финских художников. Автор серии карельских пейзажей К. Буторов в прошлом году закончил жанровое полотно. Трое мальчишек, забравшись на крышу сарая, смотрят на суда в море. Красный пионерский галстук, старая капитанская отцовская фуражка — большая, не по голове — как нельзя лучше дополняют характеристику паренька-пионера, явно охваченного нетерпеливым желанием поскорее стать взрослым и выйти в море. В картине К. Буторова много воздуха. Ощущение пространства хорошо передано летающими над морем чайками. Пейзаж картины не карельский; художник писал ее на побережье Баренцова моря.

Подлинный певец карельского пейзажа — это Суло Юнтунен. Кисти его принадлежат десятки полотен, воспевающих родную природу, таких, как «Карельские просторы», «Скалистые берега», «Лесное озеро», «Утро в карельском лесу», «Вечер на Онежской губе», «Белая ночь на Кончезере». Художник много и настойчиво работает над передачей света в различные часы суток, пишет бесчисленные этюды, изображающие ветер, гнущий деревья, взметающий рябь на воде, несущий многоярусные облака над скалистыми берегами, пишет водную гладь лесного озера и деревья, застывшие, замершие в недвижном воздухе, напоенном призрачным светом северного дня.

Много и плодотворно работают карело-финские живописцы и графики. Одно из виднейших мест среди графиков принадлежит А. Козлову. Прекрасно исполненные тушью работы А. Козлова — «Юные стрелки», «Ремесленники», «Чемпион по шахматам среди юношей», «Портрет отличницы» — образуют серию, посвященную советской молодежи. Кроме А. Козлова успешно работают в графике Ирина Черных, Н. Родионова, О. Бородкин и особенно плодотворно В. Тервинский, автор серии рисунков углем, посвященных М. И. Калинину («Калинин в Карелии», «Письмо от Ильича», «По этапу» и другие), и З. Львович, офортист, выступивший с серией пейзажей Петрозаводска.

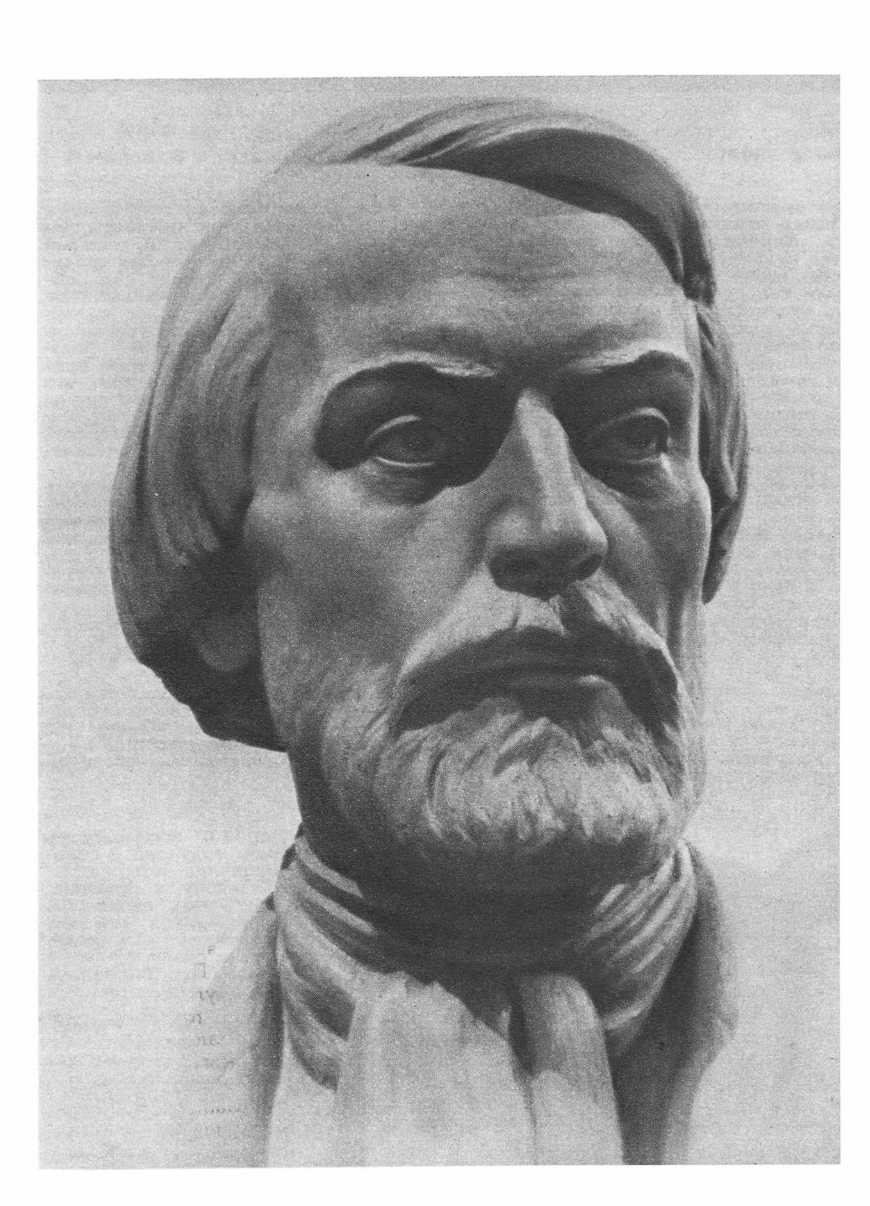
С 27-летним скульптором Лео Ланкиненом мы познакомились до того, как увидали его работы. Сын лесоруба, возглавлявший когда-то комсомольскую бригаду в лесу, он затем работал на Урале шахтером. Увлекшись лепкой, Лео, попав в Петрозаводск, поступил в студию при Союзе художников. Ныне Ланкинен учится в Ленин-

градском высшем художественном промышленном училище и уже состоит членом Союза советских художников. Любопытен его рассказ о том, как он лепил скульптурный портрет знатного коневода Я. Юдина. «Черты старости,— говорит он,— я сумел изобразить, внешнего портретного сходства я достиг, а вот то главное, что сделало этого старика не похожим на других коневодов, что возвысило его, внутренний его облик, никак не мог выразить! Ходил за ним, наблюдал его, десятки раз заново принимался за лепку и, наконец, увидел это «главное» во время какой-то его беседы». Так же бился молодой скульптор над бюстом лесоруба Гатчиева, которого Стронк изобразил в «Богатыре леса». Чтоб изучить характер лесоруба, Ланкинен начал с того, что вызвался помогать ему на работе: взял пилу и стал каждое утро ходить с Гатчиевым в лес.

С первых своих шагов в искусстве Лео Ланкинен раз навсегда задал себе задачу — в гипсе и пластилине выражать внутренний мир человека. Ланкинен лепил скульптурный портрет К. С. Станиславского. В нем и в портретах — сказительницы, лесоруба, коневода, председателя колхоза — он стремился выразить то главное, чем жив каждый из них,— все равно, является ли делом его жизни создание лучшего в мире театра или рубка леса, создание народных песен или уход за конем. Так Ланкинен пришел и к лучшей своей работе — мастерски вылепленному бюсту Белинского.

Г. Стронк. Богатырь леса.

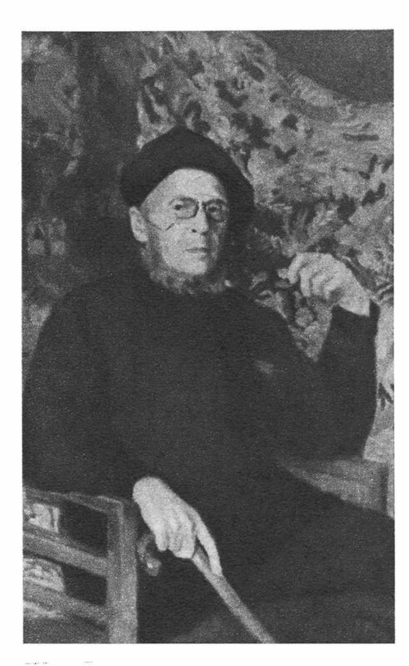
Л. Ланкинен. Белинский.

Как ни странно, это удавшееся произведение скульптора стоит почему-то в русском драматическом театре, да еще в недоступном для публики месте. Причина одна — в городе нет художественного музея. Но с чем вовсе трудно познакомиться в Петрозаводске,— это с произведениями народного творчества. Несколько экспонатов краеведческого музея дают очень слабое представление о чудодеях — карельских резчиках по дереву или о поражавших когда-то своим искусством мировые выставки вышивальщицах Заонежья.

Вот перед нами драгоценная по мастерству выполнения и красоте портьера с вышивкой на мотив Калевалы «Вайнемейнен играет на кантеле» — с фигурами людей и животных. Вот великолепное по композиции панно (с тем же мотивом вышивки) — легендарный поход Антикайнена. Вот полотенце — «Кулерво-пастушок» с фигурками птиц и зверей, окружающих этот персонаж из Калевалы. Все это выполнено по эскизам художника В. М. Агапова.

Откройся только магазин с изделиями заонежских народных художниц, появись только в продаже все эти изумляющие своей вышивкой портьеры, панно, полотенца, занавеси, скатерти — вещи, сочетающие практическую полезность с красотой произведений искусства,— сколько бы нашлось их поклонников, как велик был бы спрос на них! Но не существует не только магазинов, где бы можно было приобрести все это,— нет даже музея, где бы это искусство было представлено с достойной полнотой. И потому художественной вышивкой занимается все меньшее число мастериц: до войны в Заонежье их было до пятисот, ныне не наберется и сотни.

Произведения карело-финского народного изобразительного искусства остаются попросту неизвестными широкой публике. Петрозаводску нужен музей. В нем должны быть собраны лучшие произведения местных живописцев, скульпторов, графиков, лучшие работы народных вышивальщиц, резчиков по дереву, инкрустаторов. Залы этого пока еще не существующего музея дадут полное представление об искусстве народа — художника-песнопевца.

Г. Стронк. Портрет народного художника КФССР В. Н. Попова.

ВЫСШИЙ СПОРТИВНЫЙ КЛАСС

Н. СЕРЫЙ,
заслуженный мастер спорта

Фото М. Баташева и Н. Волкова.

Гимнастика — это спорт красоты и точности движений. Недаром в судейских оценках учитываются такие показатели, как изящество, ритмичность, четкость. Малейшая неточность снижает оценочный балл. Какой же нужно обладать силой, выносливостью, выдержкой, чтобы, выступая в самых сложных упражнениях на различных снарядах, потерять как можно меньше баллов, завоевать первенство.

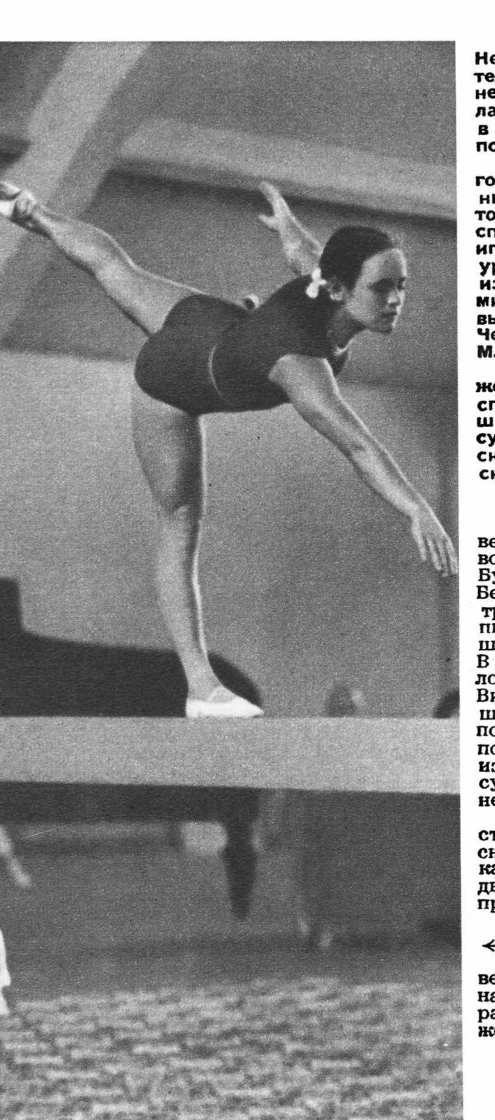
Сложна техника современной гимнастики, но с каждым годом спортсмены разных стран осваивают все более трудные комбинации. До лета 1952 года зарубежные знатоки считали, что наибольших успехов в этом прекрасном спорте добились швейцарцы и финны, но XV олимпийские игры в корне перевернули сложившееся представление об уровне современной гимнастики, о ее возможностях. Как известно, в Хельсинки в борьбе с сильнейшими командами мира мужская и женская команды СССР заняли первые места, завоевав 25 золотых и 11 серебряных медалей. Чемпионами олимпийских игр стали Виктор Чукарин и Мария Гороховская.

Этот успех советских гимнастов вызвал много восторженных откликов. Итальянская газета «Гадзетта делло спорт» писала: «Советские гимнасты, показавшие высший спортивный класс, играли главную роль в зале Мессухалли. Попытка швейцарцев и японцев победить советских спортсменов оказалась тщетной». Другая итальянская газета, «Мессаджеро», отмечала: «Было известно, что Россия сильна в этой области, но даже ее наибольшие сторонники не могли думать, что советские гимнасты дошли до такого технического совершенства». А главный противник Виктора Чукарина, швейцарский гимнаст Шальдер, признал, что «Чукарин является, несомненно, сильнейшим гимнастом, стоящим на целый класс выше всех своих конкурентов».

Совершенство движений, тончайшая техника, уверенное исполнение, тщательные, до мельчайших деталей продуманные комбинации советских гимнастов произвели полнейший переворот в представлении знатоков о том, что такое высший гимнастический класс. Наши спортсмены отличались от своих противников также и тем, что они успешно выступали по всем видам многоборья, были одинаково сильны на всех снарядах — перекладине, брусьях, кольцах, коне,— в прыжках и в вольных упражнениях.

Со времени олимпийских игр прошло больше года, и сейчас мы можем сказать, что наши мастера не остановились на достигнутом. Продвинулись вперед прославившиеся уже спортсмены, и появились новые, подающие большие надежды гимнасты. Абсолютное первенство страны 1953 года завоевал молодой спортсмен Валентин Муратов. Впервые стала абсолютным чемпионом СССР и Генриэтта Коновалова.

Лучшие гимнасты страны помогают спортивной молодежи совершенствовать свое мастерство.

Имя Виктора Чукарина облетело весь мир. Его тонким мастерством восхищались в залах Хельсинки, Будапешта, Пекина, Стокгольма, Берлина, Бухареста. Чукарин трижды был абсолютным чемпионом СССР по гимнастике и шесть раз по отдельным снарядам. В нынешнем году на фестивале молодежи и студентов в Бухаресте Виктор Чукарин получил две высшие оценки за безукоризненное выполнение упражнений на брусьях и по опорным прыжкам — 10 баллов из 10 возможных. Это значит, что судьи не смогли найти в его исполнении ни одной ошибки.

Чукарин одинаково успешно выступает на всех гимнастических снарядах. Посмотрите (фото вверху), как точны, красивы и уверенны его движения во время трудного прыжка.

← В мае 1953 года в Киев на первенство страны по спортивной гимнастике съехались лучшие мастера. Среди них — сто одиннадцать женщин. Первое место завоевала молодая ташкентская гимнастка Генриэтта Коновалова, набрав 102,3 балла и обогнав таких мастеров, как Г. Урбанович и Н. Бочарова. Генриэтта Коновалова стала абсолютным чемпионом страны. Двадцатилетнюю гимнастку отличает удивительная мягкость движений. Вот и на этом снимке можно увидеть, как грациозно выполняет Коновалова упражнение в равновесии на бревне.

← Ларисе Дирий восемнадцать лет. В нынешнем году она с золотой медалью окончила четырнадцатую среднюю школу в Херсоне. Здесь шесть лет тому назад Лариса впервые исполнила на гимнастических соревнованиях вольные упражнения и сразу же обратила на себя внимание. Минувшим летом на слете лучших гимнастов в Москве Лариса получила 9,7 балла из 10 возможных за выполненную с подлинным изяществом сложную композицию.

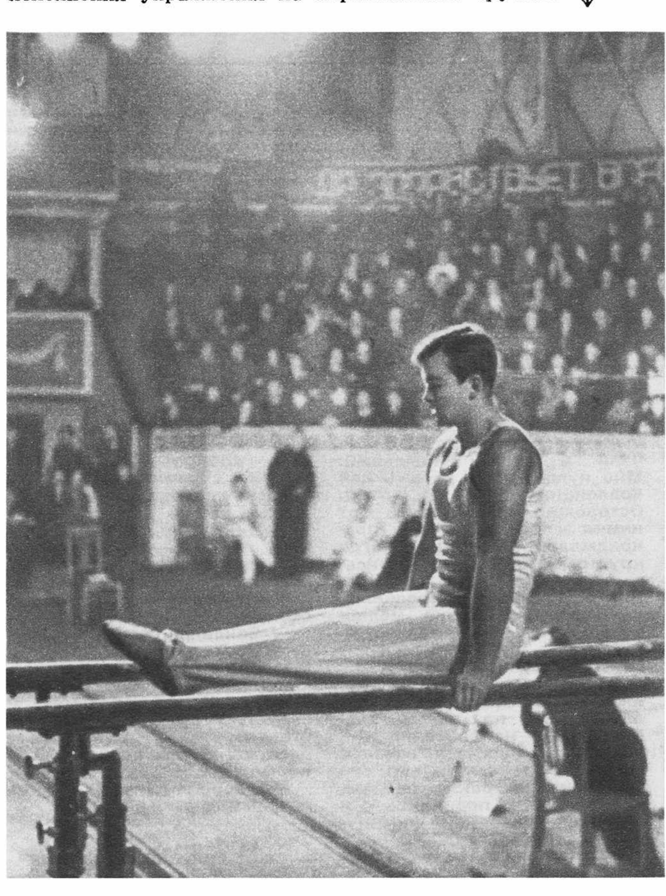

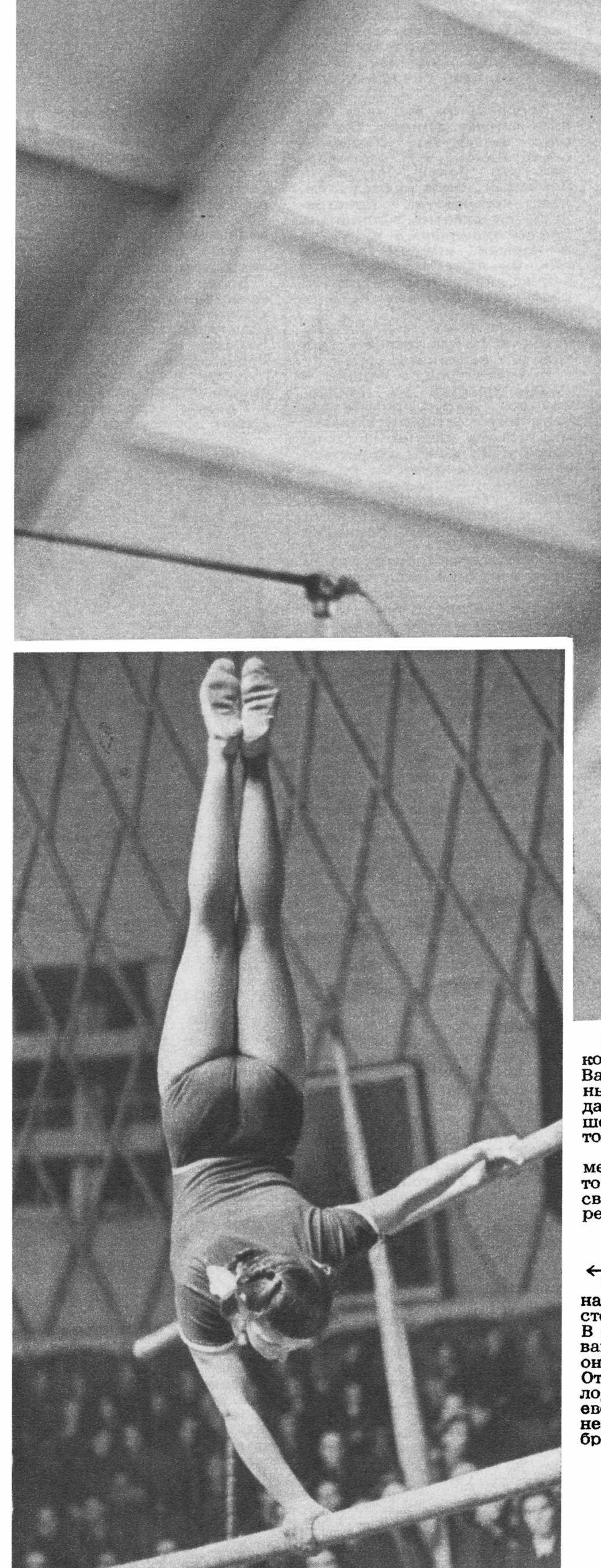
Альберт Азарян — кузнец-молотобоец из небольшого армянского города Кировакана. Свое знакомство со спортом он начал со штанги, но, увидев как-то на стадионе гимнастов, поразился их умению легко и свободно владеть своим телом. Штанга была отложена в сторону, и Азарян стал учеником одного из лучших гимнастов страны, Г. Шагиняна, и тренера С. Карагезяна. За три года занятий Азарян добился многого: он занял пятое место во всесоюзных соревнованиях.

Альберт Азарян больше всего любит упражнения на кольцах. Этот снаряд — один из самых трудных в гимнастическом шестиборье. Он требует от спортсмена большой силы и полнейшей согласованности всех движений.

Отец Евгения Королькова преподает физкультуру в одной из средних школ города Коломны, сам Евгений учился в 358-й московской школе, которую можно назвать школой гимнастов. Отсюда вышло много известных спортсменов.

Королькову присвоили звание мастера спорта, когда ему исполнилось восемнадцать лет. И теперь, когда речь заходит о самых сильных гимнастах страны, непременно называют и имя двадцатитрехлетнего гимнаста. Вы видите его во время исполнения упражнения на параллельных брусьях. ↓

Товарищ Евгения Королькова по школе и спорту Валентин Муратов — абсолютный чемпион СССР 1953 года. Эта победа — итог большой предварительной подготовки. ↑

На снимке показан тот момент, когда Валентин Муратов, закончив упражнение на своем любимом снаряде — перекладине,— делает соскок.

←

Тамиме Жалеевой год тому назад присвоили звание мастера спорта по гимнастике. В нынешнем году в соревнованиях на первенство СССР она заняла четвертое место. Отличное достижение для молодой спортсменки! Жалеевой хорошо удаются упражнения на разновысоких брусьях.

Из почты «Огонька»

НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

Дэв УАЛЛИС

Я не писатель-профессионал, но несколько моих коротких рассказов были напечатаны в английской прогрессивной прессе.

В «Назидательном примере» я хочу показать разлагающее действие американской бульварной литературы, которою наводнена наша страна.

Д. УАЛЛИС
Лондон.

В жаркий полуденный час Кровавый Билл протолкался в универсальный магазин. Он прошел вразвалку мимо детских колясок у входа с большими зеркалами и грубо толкнул сухопарого человека в синем костюме, который торопливым движением белых нервных рук расставлял на витрине картонные листы с запонками.

Человек полуобернулся с виноватой улыбкой, и Кровавый Билл заметил, что улыбается он совсем не так, как замученный школьный учитель, улыбавшийся одними губами. Рот был нужен этому человеку, чтобы крикнуть что-то девушке за прилавком, и он отнюдь не собирался пользоваться им для посторонних надобностей. Поэтому он только прищурил глаза, будто его вдруг ослепил чересчур яркий свет.

Кровавый Билл выдвинул челюсть и не удостоил заметить улыбку. Взглянув в сторону, он вдруг увидел себя в одном из больших зеркал. Физиономия не получилась такой зверской, как он мечтал: в зеркале отразилась пухлая, розовая мордашка тринадцатилетнего мальчугана. Под носом у него выскочил прыщик. Билл направился к прилавку со сластями.

Граммофон надрывно орал «Моя печальная малютка», и мальчик раскачивался всем телом в такт музыке. Здесь толпа была еще гуще и соблазнительно пахло жареными орешками.

Возле пирамиды из шоколадных плиток он остановился и взглянул на белокурую продавщицу. Кофточка у нее не так топорщилась спереди, как у подруги Кровавого Билла в «комиксах», но все равно было бы недурно посмотреть, как она рухнет на пол от одного удара кулака и ноги ее взлетят кверху, как на любимой картинке. Продавщица отвернулась, чтобы обслужить покупателя. Эх, будь у него хлыст, как у гориллы в «Похождениях сыщика», он бы...

Вдруг ему стало как-то не по себе. Приторный запах жареных орешков уже не привлекал, а вызывал тошноту. От низкого, хриплого голоса граммофона противно сосало под ложечкой. «Прильни ко мне, печальная малю-ю-ютка...»

Продавщица все еще стояла к нему спиной. Он решил рискнуть. Украдкой оглядевшись по сторонам, как это делал настоящий Кровавый Билл перед тем, как кого-нибудь пристрелить, он схватил с прилавка плитку шоколада и сунул ее в карман. «Проще простого!» Он даже пожалел, что сейчас каникулы и нельзя рассказать о своем подвиге приятелям.

— Постой-ка, сынок.— Человек в синем костюме держал его за локоть.

И граммофон, и толпа, и груды сластей на прилавке — все вдруг показалось мальчику отвратительным. Ах, почему он не сверхчеловек и не может подняться за облака, почему он не настоящий Кровавый Билл, чтобы уложить всех наповал и скрыться!..

Блондинка у прилавка обернулась:

— Я уверена, что это у него нечаянно получилось...

— Оставьте, пожалуйста, мисс,— сказал синий костюм, щуря на нее глаза, как будто ослепленный светом.— С начала школьных каникул график мелких краж в магазине поднялся на пять делений. Его надо наказать для примера. Я отдам его под суд.

Кровавый Билл заметил, что блондинка поглядела на него с состраданием. Теперь она уже не походила на приятельницу Кровавого Билла, а больше напоминала тетю Мэбел, которая недавно вышла замуж. Он жалел, что так нехорошо о ней думал. Лучше бы ему не входить сюда. Лучше бы не слышать никогда о Кровавом Билле.

Они стояли у входа возле детских колясок, дожидаясь полицейского. В большом зеркале на секунду мелькнуло его багровое лицо. Небольшая толпа собралась вокруг. Так вот почему здесь зеркала, вовсе не только одной красоты ради! «Улыбнись, печальная моя малю-ю-тка...»

— Жаль, сынок, но ничего не поделаешь,— говорил между тем синий костюм.— Надо тебя наказать для примера. Убыток, который мне приносят мелкие кражи...

Говоря это, он перекладывал нервными белыми руками груду американских «комиксов» на прилавке и пристроил на самом видном месте книжицу, на обложке которой была изображена обезьяна с хлыстом, склонившаяся над привязанной к кровати блондинкой.

— Ума не приложу: отчего теперь такие дети пошли!

Перевод с английского.

«На севере Гоби»

Так называется маленькое стихотворение, написанное китайцем, буддийским священником Тан-к'и около шестисот лет назад, во второй половине XIV века. Автор его отправился пешком на северо-запад — он указывает направление своего путешествия — и дошел до мест, заселенных, по всей видимости, русскими людьми. Речь идет, очевидно, о современной Сибири.

Стихотворение точно, лаконично, изящно. Проникнутое дружелюбием к незнакомому народу, оно представляет интерес и как своеобразная памятка о столь давнем знакомстве китайцев с русскими. (Нужно сказать, что о северной Азии китайцы знали очень давно: в истории Танской династии (618—906) упоминается о долгих днях и коротких ночах к северу от Байкала.)

Стихотворение Тан-к'и является еще одним подтверждением того, что проникновение русских в Сибирь началось задолго до похода Ермака. В самом деле, наиболее ранние свидетельства о появлении русских в Сибири восходят к рубежу XI—XII веков. Об этом есть упоминания в русских летописях.

На севере Гоби

ТАН-К'И

От инея жгучего и от жестокого льда
Уходят подальше,— где есть и трава и вода.
За рыбою сеть опускают в речную стремнину,
Деревья срубают, стреляют из лука дичину.
Там кони, и чай, и вино — все равно, как у нас,
А шубы, верблюды, парча удивляют наш глаз.
А люди в том крае могучи, стройны, синеоки,
И слева направо читать у них принято строки.

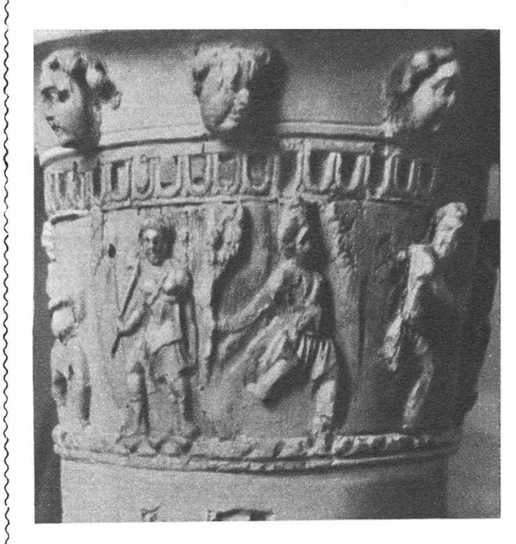
Перевод В. ПОТАПОВОЙ.

Ценный дар

Советские археологи в течение ряда лет производили раскопки в южном Туркменистане. На этой территории было расположено некогда могущественное Парфянское государство. Раскопки дали обильный и чрезвычайно интересный материал. В городище Старая Ниса обнаружены, между прочим, большой клад царской утвари, целая коллекция ритонов (кубков), относящихся ко II веку до нашей эры. Ритоны употреблялись при особо торжественных церемониях.

Более чем двухтысячелетняя давность, естественно, отразилась на сохранности утвари. Нашим специалистам удалось реставрировать несколько десятков ритонов. Четыре из них переданы правительством Туркменской ССР в дар Музею восточных культур в Москве, где они и выставлены впервые для обозрения.

Ритоны сделаны из слоновой кости, имеют форму рога, круто изгибающегося книзу. Поражает разнообразная, богатая резьба: грифы и кентавры, боги и богини греческой мифологии. Работы выполнены с исключительным мастерством и тонким художественным вкусом.

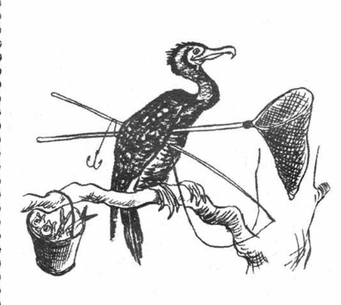

Ритоны — подлинные шедевры искусства древнейшей эпохи — свидетельствуют о высоком уровне культуры парфян — далеких предшественников народов Туркмении.

Г. НАЙДОРФ

Пернатые рыболовы

Осенним солнечным утром я бродил с ружьем по побережью Черного моря.

Обогнув мысок, я увидел стаю бакланов. Выстроившись поперек заливчика шеренгой, они громко кричали и махали крыльями. Мне нужно было добыть для коллекции одну из птиц. Осторожно пробираясь от камня к камню, я стал подкрадываться к стае. Когда крупные камни кончились, до птиц оставалось еще шагов сто. Бакланы продолжали маршировать по мелководью. Они, словно танцуя, медленно приближались к берегу.

Я боялся, что птицы меня заметят, и решил стрелять, хотя на таком расстоянии и не особенно надеялся на успех. Раздался выстрел, действительно не причинивший бакланам вреда. Птицы поднялись и длинной цепочкой потянулись вдоль берега.

Вдруг из-за камней появился рыбак в брезентовой матросской робе. Он быстро зашагал к заливчику и стал собирать серебряных рыбок, стремившихся уйти с песка в воду. Я подошел к нему.

— Эх, друг, испортил ты мне ловлю! — с укоризной сказал он. — Нетерпелив больно.

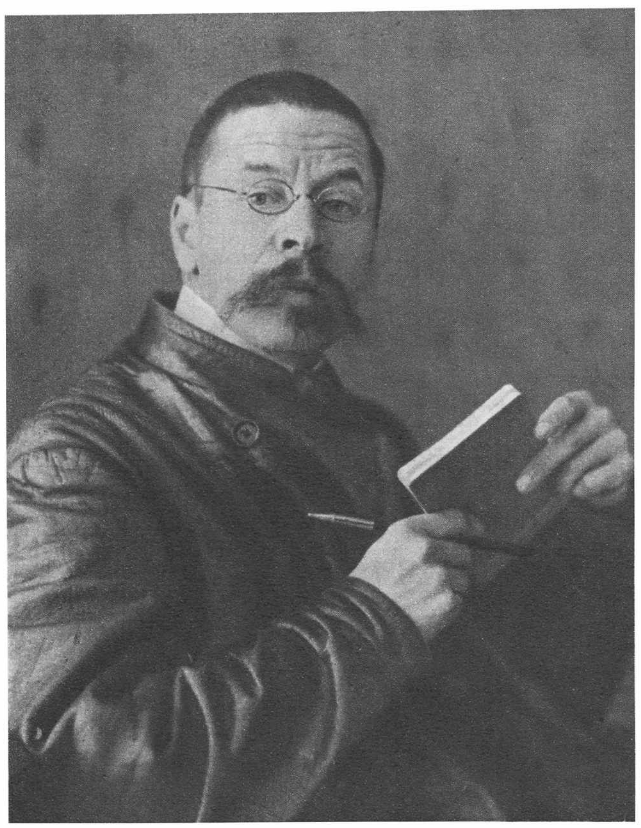
Я принялся помогать ему собирать рыбу.

— Бакланы всегда так рыбу ловят,— объяснил рыбак.— Идут по воде, кричат, крыльями шлепают, пугают рыбешку — она на берег и скачет. Бывает, нагонят столько, что весь берег блестит. Потом всей стаей и кормятся.

Мы собрали несколько килограммов рыбы.

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОГО ФОТОИСКУССТВА

С. А. Лобовиков. 1913 год.

Любовное изображение быта простых людей, повествовательность снимков сближают творчество выдающихся русских фотографов прошлого века с произведениями художников-передвижников, для которых жанр был основной областью творчества. С. А. Лобовиков также принадлежит к числу жанристов-фотографов.

Сергей Александрович Лобовиков родился в 1870 году в селе Бельском, Вятской губернии. Рано осиротевший мальчик был отдан в одну из фотографий Вятки в качестве ученика «за харчи и жилье». Трудные это были годы для любознательного подростка, которому хотелось учиться. Пять лет пришлось ему быть на побегушках у хозяина.

В 1899 году Сергей Александрович принял участие в конкурсе Петербургского фотографического общества и получил бронзовую медаль. Это был первый успех, окрыливший талантливого фотографа. Вслед за этим на Всемирной художественной выставке в Париже и на 1-й Международной выставке в Петербурге ему также присуждаются медали.

В 1909 году Лобовиков организует в Вятке Художественно-исторический музей. В этом же году его работы получают премии на конкурсах Русского фотографического общества, а на Международной выставке в Германии он избирается членом-корреспондентом Дрезденского общества развития фотографии.

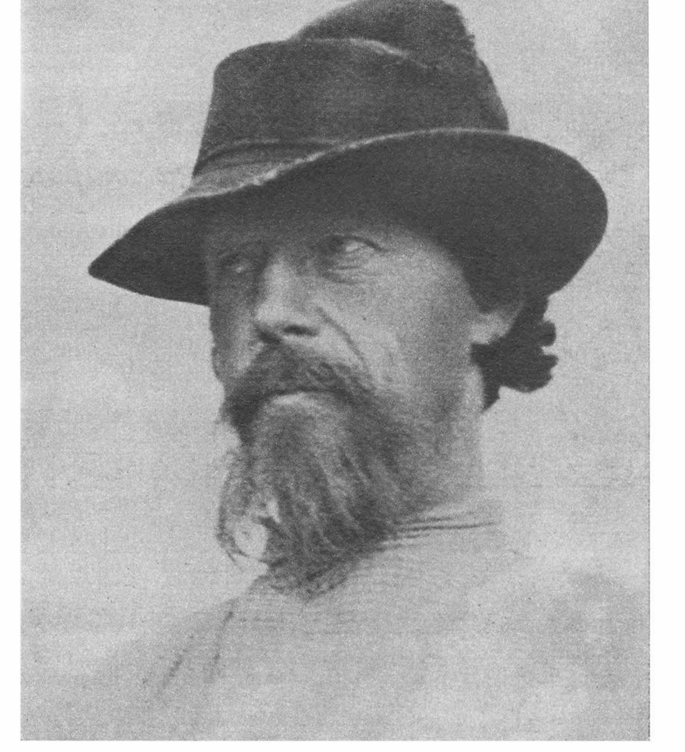
«Снимки Лобовикова отличаются всегда, кроме красоты и изящества передачи, еще и внутренним содержанием, а эта психологическая сторона и составляет главное их преимущество, главное достоинство»,— писала о нем современная ему пресса.

Снимки Лобовикова строго продуманы — композиция простая и ясная, выполнение художественное.

После Великой Октябрьской революции Лобовиков занимался музейным делом и охраной памятников искусства и старины, не оставляя также фотоискусства. Он принимал участие в ряде союзных и международных фотовыставок.

Умер С. А. Лобовиков в 1941 году в Ленинграде, во время блокады.

С. ИВАНОВ

Портрет крестьянина.

Вдовья думушка.

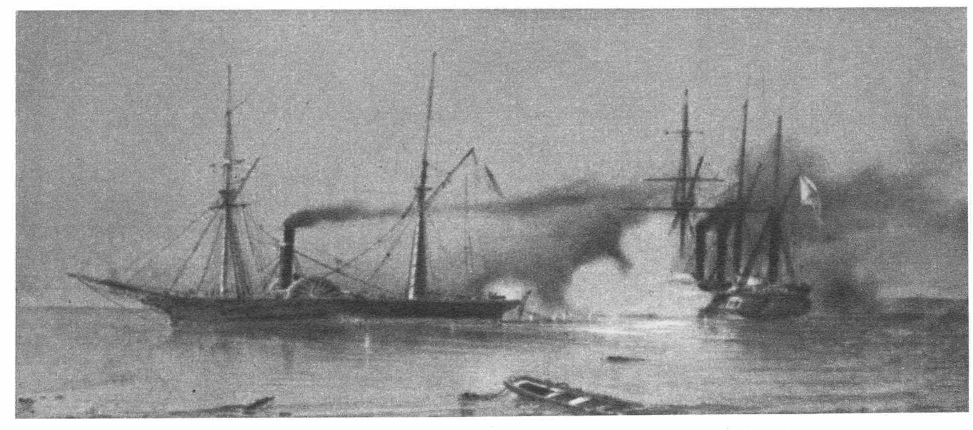

Домовница.

Сказка.

Из почты «Огонька»

Создатель тактики парового флота

Бой русского пароходо-фрегата «Владимир» (справа) с турецким пароходо-фрегатом «Перваз-Бахре» 17(5) ноября 1853 года. Картина хранится в Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде.

Командир «Владимира» капитан-лейтенант Г. И. Бутаков.

17 (5) ноября исполнилось сто лет со дня первого боя паровых кораблей. В этот день на Черном море у Анатолийского побережья русский пароходо-фрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Григория Ивановича Бутакова вел трехчасовой бой с турецким пароходо-фрегатом «Перваз-Бахре». Русский корабль искусным маневрированием разгромил неприятельское судно и, принудив его к сдаче, привел на буксире в Севастополь.

Сам Г. И. Бутаков так описывает этот бой: «...Увидев, что противник мой не имеет кормовой и носовой обороны, я направил два 68 ф. орудия по направлению своего бушприта и стал держать ему в кильватер, уклоняясь понемногу в одну и другую стороны, чтобы удобнее было наводить каждую по очереди. Когда же он, чтобы иметь возможность навести свои (бортовые) орудия, старался принять направление поперек моего курса, я уклонялся в ту же сторону и громил его 5-ю орудиями своего борта».

Когда в России начал создаваться броненосный флот, мой дед, Г. И. Бутаков, в течение многих лет командовал отрядами и эскадрами паровых и броненосных кораблей Балтийского флота.

Разработка знаменитой «пароходной тактики», новые методы обучения командиров маневрированию, таранным ударам, ночным атакам, плаванию в шхерах — готовиться к бою, готовиться к тому, что нужно делать на войне,— таков основной принцип «бутаковской школы», вошедшей в историю русского флота.

Выдающийся флотоводец, создатель тактики парового флота, Г. И. Бутаков говорил в своих приказах: «Мы должны готовиться к бою всегда, постоянно, неотлагательно, немедленно готовиться к тому получасу, для которого, можно сказать, существуем и в который нам придется показать, что Россия содержит флот не без пользы».

Адмирал Г. И. Бутаков воспитал и подготовил для русского флота целое поколение талантливых моряков.

Григорий БУТАКОВ

«МОСКВИЧ-3»

Новый пятиламповый радиоприемник «Москвич-3» скоро появится в продаже. Эта модель создана инженерами-конструкторами московского радиозавода «Красный Октябрь».

Лето прошло в напряженных творческих исканиях. Наконец опытный экземпляр был собран. Однако принимаемые им передачи сопровождались неприятным свистом и треском.

Было неизвестно, «свой» это шум, то есть порожденный недочетами схемы, или «чужой», со стороны (по соседству с лабораторией расположено множество различных предприятий). Остались работать на ночь, когда в эфире меньше помех. Выяснилось, что шум «свой». Приемник разобрали. Изменяли конструкцию узлов, переставляли контурные катушки, обеспечивающие прием станций...

Не остались в стороне мастера и рабочие цехов. Они советом и делом помогали маленькому коллективу конструкторов — главному инженеру С. Васильеву, инженеру М. Ганзбургу, монтажнику Д. Скороспелову.

Осенью радиоприемник «Москвич-3» смонтировали окончательно, провели «генеральную репетицию» и повезли в Ленинград на испытания в Институт радиовещательного приема и акустики. Новый приемник с честью выдержал строгий экзамен и получил хорошую оценку. «Москвич-3» рекомендован к массовому производству.

Вот он стоит перед нами на столе. У «Москвича-3» скромная, приятная наружность. Выбутянутый по вертикали ящик из темнокоричневой пластмассы. Верхняя половина фасада затянута цветным шелком, за ним спрятан репродуктор. Внизу, словно окошко в огромный мир звуков, освещенная изнутри шкала. Нижняя черта — длинные волны от 800 до 2 000 метров, верхняя — средние волны от 200 до 550. По бокам шкалы две маленькие ручки. Одна — включатель и регулятор громкости звука, другая движет стрелку указателя настройки и регулирует тембр. Еще ниже — переключатель диапазонов.

Плавно осуществляется настройка на станцию. Особенность электрической схемы, так называемая отрицательная обратная связь, обеспечивает высокое качество звучания.

Г. БЛОК

В этом номере на вкладках: репродукции картин А. П. Боголюбова «Синопское сражение», В. Г. Пузырькова «Прибой», иллюстрации Е. М. Рачева к сказкам и четыре страницы цветных фотографий.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

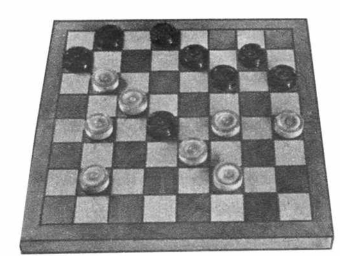
Решение этюда А. Буткевича (№ 46)

1. d4—h8 c3 : a1 2. c5—d6 b8—a7 3. h6—g7! f8 : h6 4. d6—e7 h6—g5 5. e7—d8 g5—h4 6. d8—e7 и выигрывают. К ничьей вело 2. c5—b6 из-за 2... b8—a7! 3. b6—c7 a7—b6! 4. c7 : a5 f8—e7 5. h6—g7 e7—d6 6. a5—b6 d6—c5 7. b6 : d4 a1 : e5, и ничья.

КОНЦОВКА

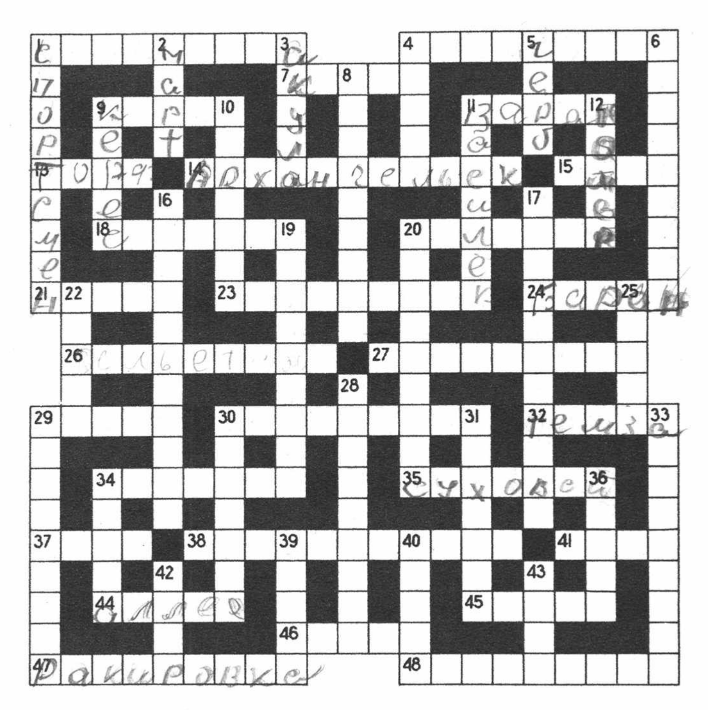
Н. Галанов и В. Родников

(Москва)

Белые начинают и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Областной город на Украине. 4. Вид ценной бумаги. 7. Письменное предписание. 9. Соцветие злаков. 11. Большая ящерица. 13. Вид топлива. 14. Морской и речной порт на севере СССР. 15. Полуостров на Севере. 18. Сигнальное устройство. 20. Озеро в районе Валдайской возвышенности. 21. Точка небесной сферы. 23. Инструмент. 24. Жвачное животное. 26. Часть зрительного зала. 27. Материал, применяемый для строительной теплоизоляции. 29. Лиственное дерево. 30. Трехзначное число. 32. Река в Европе. 34. Плоскодонное быстроходное судно. 35. Знойный ветер. 37. Строфа из девяти строк. 38. Самодвижущаяся железнодорожная тележка. 41. Озеро в Абхазии. 44. Дорожка в парке или саду. 45. Болотный газ. 46. Название пера. 47. Особый ход в шахматной игре. 48. Воздухоплавательный аппарат.

По вертикали:

1. Физкультурник. 2. Месяц. 3. Рыба. 4. Светлый круг, похожий на сияние. 5. Отличительный знак государства, города. 6. Город на Волге. 8. Название ткани. 9. Советский гроссмейстер. 10. Род женского платья. 11. Полевой цветок. 12. Порядковое число. 16. Постепенное снижение ценности имущества. 17. Система приемов возделывания сельскохозяйственных культур. 19. Рассказ А. П. Чехова. 20. Отдел грамматики. 22. Вид денежного получения. 25. Хлопчатобумажная ткань. 28. Пористый известняк. 29. Врач. 30. Приток Камы. 31. Сельскохозяйственная специальность. 33. Типографский шрифт. 34. Состязание. 36. Созвездие. 39. Музыкально-драматическое произведение. 40. Промышленное предприятие. 42. Химический элемент. 43. Продолжительность деятельности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

3. Баобаб. 5. Брянск. 8. Аркада. 10. Ангара. 11. Трактат. 12. Чайкина. 15. Трамвай. 17. Алгебра. 18. Голубь. 19. «Снежок». 22. Механик. 25. Базаров. 26. Токката. 28. Гравюра. 30. Лекало. 31. Негина. 32. Натрий. 33. Кишлак.

По вертикали:

1. Каватина. 2. Арматура. 3. Барабан. 4. Омар. 6. Негр. 7. Карагач. 9. Скутер. 13. Колонка. 14. Алябьев. 15. Транзит. 16. Моховик. 20. Зарево. 21. Бассейн. 22. Монголия. 23. Командир. 24. Стланик. 27. Факт. 29. Угол.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 03786. Подп. к печ. 24/XI 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 885. Заказ 2741. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Первые дни зимы.

Фото Б. Кузьмина.

Цена номера 3 руб.

